

Варвары Ледяной планеты

Руби Диксон

Инопланетянка

варвара

Книга
2

Двенадцать человек оказались в бедственном положении, будучи сброшены на заснеженную чуждую планету. Я — одна из них. Ага, я.

Для того чтобы выжить, мы должны принять симбионт, которому необходимо перестроить наши тела для жизни в этом жестоком месте.

Мне нравится называть его вошью. Однако моя вошь дура, поскольку она считает, что я — пара самому большому, самому неприветливому из инопланетян.

Руби Диксон

Инопланетянка варвара

Над переводом работали:

Перевод: Сандра

Редактор: Eva_Ver

Вычитка: Наташа Бегешева

Обложка: Мария Суркаева

Оформление: Eva_Ver

ЛИЗ

Мы с Кайрой смотрим, как Меган и Джорджи водят пальцами вдоль панели корпуса инопланетного корабля, пытаюсь выяснить, как ее открыть и вытащить девочек, заключенных внутри. Имеются шесть капсул, и в каждой из них есть еще по одной пленной девушке. Никто из девушек, запертых внутри, понятия не имеет о том, где находятся или как здесь оказались.

— Никак не могу понять, везунчики они или нет, — говорю я Кайре.

— Они везунчики, — говорит она тихим бесцветным голосом. Ее пристальный взгляд неподвижно устремлен на мигающие огоньки и темную стену трюма. — Они понятия не имеют, что мы пережили за последние несколько недель.

Я издаю тяжелый стон, вроде как, соглашаясь. Неважно, согласна ли я с Кайрой, но время от времени она может быть настоящей занудой. Последние несколько недель для всех нас точно не были вечеринкой, но, может быть, лучше знать всю правду вместо того, чтобы не иметь понимания о происходящем.

По-моему, лучше все же знать.

Кайра и я наблюдаем за работой других, так как слабость не позволяет нам помочь им. Из нас шестерых Джорджи осталась самой сильной. Она была с инопланетным парнем, поэтому ее кормили три раза в день и она получила теплую одежду. Все остальные из нас застряли в трюме, и из нашей небольшой группы только Меган делает максимально возможное. Я ослабла и нахожусь в сонливом состоянии, а мои пальцы ног чертовски болят. У Джоси нога выглядит так, словно сломана в двух местах, и никто понятия не имеет, как это исправить. Лодыжка Кайры раздута, и сама девушка крайне слаба. Тиффани, возможно, умирает, так как мы не можем вывести ее из состояния глубокого сна, в котором она находится. Она ненадолго пришла в себя, чтобы съесть немного бульона, а затем снова потеряла сознание.

Мы не нуждаемся в предостережении инопланетян, чтобы понять, что эта планета убивает нас. Пожалуй, это и так очевидно.

— Она открывается, — говорит Меган, и вместе с Джорджи отступает на шаг. Панель с шипением приподнимается со стены точно так же, как в научно-фантастических фильмах. Внутри — девушка в футболке и трусиках, странные спирали обвиты вокруг ее тела и просунуты прямо ей в горло.

Неожиданно для себя самой меня бросает в дрожь.

Джорджи и Меган изучают спящую девочку, пытаюсь понять, как лучше освободить ее. В конечном счете, они начинают просто срывать с нее трубки и шнуры, и девушка просыпается, начиная захлебываться жидкостью. Мгновение спустя, освобожденная девушка резко падает на пол и срывает с себя остатки трубок, тогда как Меган гладит ее по спине.

Ну, это сработало. К лучшему или к худшему, у нас есть еще один человек.

Широко раскрыв глаза, девушка начинает рыдать. Она явно в замешательстве и напугана, и Кайра встает, раскрыв руки, чтобы втянуть девушку в свои объятия. Она издает печальные, успокаивающие звуки и заключает девушку в объятия, помогая ей отойти подальше от стены. И вдруг, все капсулы сами по себе начинают открываться.

— Вот дерьмо, думаю, что мы что-то активировали, — говорит Джорджи, и они приступают к освобождению следующей девушки. Совсем скоро еще несколько девушек падают на пол. Я встаю на ноги настолько это возможно, будучи готовой оказывать помощь.

Медленно хромаю вперед и при этом слышу звуки разговаривающих инопланетян. Я оглядываюсь по сторонам как раз тогда, когда девочка, которая находится ближе всего ко мне, начинает истерично вопить.

— Что случилось? Где я? Кто вы такие?

Я предлагаю ей свою руку.

— Я — Лиз, и я объясню все позже, когда мы вытащим остальных, хорошо?

Она продолжает стенать, и мне приходится стиснуть зубы, чтобы сдержаться и не накричать на нее. «Слушай, я и так дерьмово себя чувствую и, скорее всего, лишь на несколько шагов отстаю от Тиффани по лестнице смерти, но разве я визжу и стону? Нет, я этого не делаю. Я, черт побери, держу свой рот на замке».

Я поднимаю еще одну освобожденную девушку, с веснушками и ярко-рыжими волосами, и при этом она тоже начинает испуганно, захлебываясь, вопить.

— О Господи, это еще что такое? — она дрожащей рукой указывает вдаль, а я одергиваю ее вниз.

— Тыкать пальцем невежливо, — говорю я, но другие девушки в ужасе втягивают воздух при виде инопланетян, скрывающихся за пределами трюма. Еще одна начинает кричать, а третья цепляется за мою шею, будто в целях безопасности собирается взобраться на меня. Мои разбитые пальцы ног болят еще сильнее, и я оглядываюсь на Джорджи. — У нас проблема, — говорю я ей. — Сделай что-нибудь, наш бесстрашный вождь.

— Верно, — говорит она и спешит к инопланетянам. Мгновение спустя все они поднимаются обратно сквозь разрыв в корпусе, и остаемся только мы, человеческие девушки.

— Давайте все присядем сюда, — говорит Кайра успокаивающим голосом. — У нас есть огонь и вода, а также одеяла из шкур.

— Здесь холодно, — жалуется одна. — Я так замерзла, у меня нет даже штанов! Где мои штаны?

— Все дело в том, что инопланетяне захватили тебя в то время, когда ты спала, — говорю я отчетливо. — Ни у кого из нас нет чертовых штанов.

Кайра шлепает меня по руке, намекая, что мне следует заткнуться. Ладно, я и в самом деле не самая терпеливая женщина на свете. Подайте на меня в суд.

— Одеяла вот тут, — я призываю всех, будто собирая разбегающихся бродячих кошек — пронзительно вопящих, визжащих кошек — нежели утят, но нам удастся разместить их вокруг огня и запихнуть под одеяла, которыми нас обеспечили инопланетные парни.

— Мне все еще холодно, — говорит одна, стуча зубами, несмотря на то, что она кутается в одеяло.

Я просто смотрю на нее и пытаюсь не осуждать. Неделию назад у нас не было даже этого. Одеяла, огонь, да еще и еда? Это ж гребаная роскошь! Но опять же, эти девушки находились в капсулах и ничего не знают.

— Что дальше? — задает вопрос Кайра. Почему же она смотрит прямо на меня? Не я лидер, а Джорджи. Однако сейчас Джорджи пытается убедить инопланетян скрыть свои страшные физиономии подальше от нас, так что видимо я... Робин для Бэтмена? Похоже на то.

Так что я беру на себя ответственность.

— Ладно, детишки, садимся в круг. Мы сыграем в игру знакомства, как это делается на корпоративных тренингах. Кто-нибудь из вас работает в офисе? — когда две из всхлипывающих девушек поднимают руки, я киваю. Неплохо для начала. — Тогда вы знаете, как это работает. Мы идем по кругу, сообщаем свое имя, возраст и чем зарабатываем на жизнь. Затем вы рассказываете три интересных факта о себе. Это поможет нам лучше узнать друг друга.

— Где мы? — кто-то начинает рыдать.

— Мы еще вернемся к этому, — говорю я. — И скоро. А теперь, вперед. Давайте начнем с тебя, — я поворачиваюсь к веснушчатой рыжеволосой девушке рядом с собой. Она держит себя в руках в этой крайне странной ситуации лучше большинства, и это очень хорошо. Однако, уставилась на меня как на сумасшедшую, но это не страшно.

И я почти уверена, что в настоящий момент я явно спятила. Черт возьми, ведь я пытаюсь устроить встречу знакомства и приветствий на разбитом космическом корабле.

Но девушка рядом со мной шмыгает носом и протирает лицо, вознамериваясь сохранить полное спокойствие.

— М-мое имя Харлоу, мне двадцать два года, и я собираюсь в колледж, чтобы стать ветеринаром, — она мгновение моргает, выглядя при этом потерянной и несчастной.

— Добавь что-нибудь о себе.

— Я... не люблю моллюсков?

Достаточно близко.

Я указываю на следующую девушку. Она — плакса. Она все время плачет и рыдает, и у нее течет из носа. Через поток слез мы выведываем, что ее зовут Ариана, она родилась в Джерси, и ей страшно. Рядом с ней находится Клэр, у которой большие карие глаза, и выглядит она напуганной. Ее голос — почти шепот, но я не заставляю ее говорить громче. Далее следует Нора, которая выглядит всю разбушевавшейся и очень разъяренной. Марлин, у которой отсутствующее выражение на лице и сильный французский акцент, а также Стейси, которая плачет, но очень сильно старается не плакать. Я для этого выказываю ей свою поддержку. Как только каждая из них представляется, становится очевидным, что все они одного возраста.

Тогда они добираются до меня. Я прикладываю руку к груди.

— Я — Лиз Крамер. Так же, как и вам, девочки, мне двадцать два года. Я работала клерком по вводу данных в небольшом офисе по маркировке механизмов. Я выросла в Оклахоме, и мне нравится охотиться и стрелять по разным штучкам из лука. И три недели назад меня похитили инопланетяне.

Девочки отчаянно ахают. Ариана рыдает еще сильнее.

— Преподнеси им все помягче, — тихо бормочет Кайра.

Я игнорирую ее. Это будет похоже на срывание лейкопластыря. Лучше всего просто поговорить обо всем открыто и дать им все это осмыслить.

— Устройтесь поудобнее, детишки, потому что вы услышите самую дерьмовую историю, какую вообще когда-нибудь слышали у костра.

И я начинаю рассказ.

Я рассказываю им о том, как ночью три недели назад я была похищена маленькими зелеными человечками. А когда пришла в себя, то находилась в темном, грязном трюме, полном других женщин, одетых только в их пижамы. Так же то, что нас собирались

распродать на какой-то межпланетной торговой станции как коров. То, что инопланетяне содержали шесть женщин в трюме, в своего рода капсулах стазиса [1], а я и мои новые лучшие подружки в тюрьме были «дополнительным грузом».

Судя по их вздохам сразу видно, что они начали уже складывать вместе все кусочки. Все верно, они были настоящим грузом. Я, Кайра и бодрствующие девушки? Ну...

— Вы же знаете, когда идешь в супермаркет, где на распродаже пиво и чипсы, следующее, что ты осознаешь, это то, что у тебя тележка, полная чипсов? Зовите меня просто Принглз.

Никто не смеется над моей шуткой. И это нормально. Но я все равно считаю ее забавной. Нужно хоть в чем-то находить юмор.

— Как бы там ни было, кажется, что наши инопланетные знакомые стали жадными и захватили столько человеческих женщин, сколько смогли втиснуть в их космический корабль. Вначале нас было девять.

Глаза девушек расширяются. Ариана снова начинает рыдать. Жаль, у меня нет носков, потому что я бы запихнула их ей в рот.

— Откуда тебе это известно? — обвиняет Нора.

— Известно что?

— Что они собирались тебя продать? Может быть, они похитили тебя для чего-нибудь хорошего?

Ну да, а я — Каспер, дружелюбный чертов призрак. Я указываю на Кайру, которая, нахмурившись, смотрит на меня.

— Дело в Кайре. Кайра единственная из нас, у которой есть переводчик. Ей «повезло» быть похищенной первой, поэтому они вживили какое-то устройство в ее ухо и теперь она может понять то, что говорят инопланетяне. Вот как мы выяснили, что происходит, — что нас вот-вот могли продать. С переводчиком она смогла понять то, о чем говорили инопланетяне. Вот как мы узнали, что они не везли нас на Планету Малибу, где мы могли бы все потягивать Маргариту и заботиться о нашем загаре.

— Лиз, — мягко говорит Кайра.

Нора вздрагивает.

Я знаю, что далеко не все понимающая душка. Знаю это и сомневаюсь, что меня это заботит.

— Вот как обстоят дела. Те инопланетяне похитили нас из наших домов. Они поместили нас сюда как коров, — я указываю на шишку на моей руке, где размещен маленький металлический предмет, который, как я подозреваю, работает так же, как GPS. — И они собираются отвезти нас на мясной рынок и продать как призовых свиней по самой высокой цене. И хотя некоторые мужики трахают своих свиней...

— Это отвратительно, — бормочет кто-то.

— ...Множество других их просто съедают, — заканчиваю я. — Так что, вы уж меня извините, если я не готова дать нашим похитителям каких-либо послаблений. Маленькие зеленые человечки были кошмаром. У них были охранники, и эти охранники изнасиловали несколько из девочек, в то время как мы были в плену. Они держали нас в клетке. Заставили нас гадить в ведро. Они обращались с нами бесчеловечно. Так что вам следует это знать, чтобы вы могли понять, как обстоят дела и куда мы движемся, принимая во внимание, что мы вонючие, усталые, голодные и больные. Понятно?

Девочки вокруг меня кивают головами. Ариана снова начинает плакать.

— Кто-то собирается съесть нас?

— Не теперь, — успокаивает Кайра. Говорить следует ей. Она — добрая душа. Но она смотрит на меня, чтобы я продолжила объяснения, и поэтому я продолжаю.

— Те инопланетяне улетели. Пока что, — я кратко разъясняю наш стремительный бунт и как Джорджи убила одного из охранников, а так же, как наш грузовой трюм был сброшен на эту планету. Теперь мы — жители Не-Хота, так мы называли это место, когда попали сюда. Оно чертовски холодное, заснеженное и абсолютно неприветливое.

Наше приземление было изрядно, черт побери, тяжелым. Никто не остался невредимым — две девочки умерли, три пальца на моей ноге сломаны, из-за чего я неспособна сделать и нескольких шагов. Однако я до сих пор жива.

— После того, как мы оценили наши травмы, Джорджи — наша самая храбрая и наименее травмированная девушка — в единственной теплой одежде, которую мы имели, отправилась искать помощь. Остальным из нас пришлось остаться и мерзнуть. Я уже упоминала, что мы все были в пижамах? Не очень-то тепло.

Девушка рядом со мной — Харлоу — выглядит пристыженной и предлагает мне свое одеяло. Я мотаю головой. Я слишком устала, чтобы беспокоиться об этом. Да и к тому же, как ни странно, но я уже привыкла отмораживать свою задницу. Для Харлоу же это в новинку, поэтому она может оставить его себе.

Последняя неделя была неделей, проведенной в поисках тепла, забившись в кучу вместе с грязными, несчастными, травмированными женщинами. Это была неделя, проведенная в игнорировании вонь друг друга, в крайнем ужасе всякий раз, когда снаружи разбитого корпуса корабля раздавались звуки, и задаваясь вопросом, что еще с нами должно случиться. Наши волосы были грязными, мы насквозь провоняли, и наше ведро с дерьмом было переполнено. Но у нас не было обуви и практически никакой одежды, то есть, она не подходила для того, чтобы мы могли просто выйти наружу и помыться. Поскольку снаружи шла непрерывная снежная буря. Мы оказались в ловушке. Мы были в западне, а наши запасы продовольствия и воды истощались. Я сдерживала слезы, предаваясь этим воспоминаниям.

Каждую ночь я проваливалась в сон, гадая, выживу ли, чтобы встретить еще один день.

— Джорджи отправилась за помощью, — быстро подсказывает Кайра, когда я слишком надолго замолкаю.

Я киваю головой, снова подхватывая историю.

— Джорджи вернулась спустя несколько дней вместе с огромным синим неповоротливым варваром, у которого рога, хвост и светящиеся синие глаза. Его зовут Вэктал, и он — один из местных жителей.

Я пропускаю ту часть, в которой Джорджи вне сомнения переспала с Вэкталом. Хочу сказать, что с моей точки зрения парень пришел с едой и одеялами, так что до тех пор, пока он заботится о нас, меня не волнует, дровича ли она Невероятному Халку.

— Они оставили нам кое-какие припасы и ушли, чтобы привести подкрепление для нашего спасения, — рассказываю я. — Тех злобных парней снаружи.

У некоторых девушек засветились лица.

— Значит, они хорошие?

— Они хорошие при определенных условиях.

Интересно, как много мне следует им рассказывать?

Ведь наша история, определенно, чертовски мрачная, и не такой уж большой выбор, что следует ожидать.

Так вышло, что Не-Хот — не радушная планета. Помимо того, что чертовски холодная и полна монстров, которые так и хотят нами отужинать, наша новая планета также имеет какой-то ядовитый газ, который нас медленно убивает. Он уже активно обрабатывает нас. В углу в коматозном состоянии лежит Тиффани, а я настолько истощена, что едва могу поднять голову. И прямо сейчас? Я хочу лишь прилечь и уснуть. А ведь дальше будет только хуже. Тот элемент в воздухе убьет нас, потому что нам в этом мире не место.

Но у этой проблемы есть решение. Ну, что-то вроде того.

«Лекарство» этой планеты от смертного приговора? Это — симбионт, который местные жители называют кхай, а мы, люди, обозвали «вошью».

Чтобы выжить, мы, как предполагается, должны... заразиться. Сейчас я признаю, что была чрезмерно безрассудна насчет спасения здесь. Я — тот еще бодрый «весельчак» по отношению к полупустому стакану Кайры. Тем не менее, я основательно слетаю с катушек при мысли о том, чтобы заполучить что-то вроде насекомого, которое жило бы внутри меня.

Вошь, судя по всему, может быть решением наших проблем, за исключением того, о чем сообщила нам Джорджи.

Ибо вошь заинтересована в размножении расы. Настолько, что, когда она видит двух особей, то считает, что они должны стать славной парой и вместе создать идеального ребенка. Происходит нечто, что называется «резонанс». Вошь в твоей груди начинает вибрировать всякий раз, когда ты рядом со своей новой «парой», и это не прекратится, пока не произойдет зачатие ребенка. А племя Вэктала? Это синие, рогатые инопланетяне, рост которых составляет семь футов^[2]. У них всего лишь четыре женщины.

Если мы остаемся, то получаем нечто большее, чем просто спасение. Мы получаем мужей. На Джорджи уже заявил права Вэктал, и насколько я могу судить, она этим очень довольна. Они глаз друг от друга оторвать не могут.

Но мы не только получаем вошь, мы получаем еще и мужчину. А ведь нам даже нельзя будет самим выбрать этого мужчину. Я не совсем уверена, как к этому отношусь. Поэтому, когда говорю, что парни «хорошие при определенных условиях», это правда. Они хорошие потому, что нуждаются в ком-то, внутрь кого могут всадить своего малыша.

— Они хорошие, — натянуто улыбаясь, повторяю еще раз. — А сейчас я правда очень устала.

Я игнорирую обеспокоенный взгляд Кайры и на этот раз, когда кто-то предлагает мне одеяло, я беру его и сворачиваюсь калачиком.

— Что с ней случилось? — спрашивает кто-то. — Она паршиво выглядит.

«Я больная, а не глухая», — думаю я раздраженно. Весь этот разговор меня очень утомил, и я решаю дать возможность Кайре отвечать на все вопросы.

— Она заболела, — объясняет Кайра своим мягким голосом. — Мы все заболеем, если не получим симбионт.

— Может, поэтому она такая суровая? — одна из них — Клэр, наверное, — шепчет.

Я суровая? Раздражительная, возможно. Усталая, определенно. И больная. Я лишь заворачиваюсь в одеяло еще сильнее. Я уже даже не чувствую вони трюма и холода. Я просто... устала. Очень устала.

— У нее были тяжелые дни, — я слышу слова Кайры. — Дайте ей время.

Все верно. У меня были тяжелые дни. Подумать только, быть похищенной инопланетянами и жить в вонючем, жутко холодном, разбитом грузовом трюме всю последнюю неделю, одетой только в короткую ночную рубашку... Может ли быть у меня

дни еще хуже, чем это? Пожалуй, что да, может.

Причина моего плохого дня появляется через минуту. Он медленно подходит ко мне, от чего я под шкурами пытаюсь собраться, уменьшив себя в размере, и сделаться незаметной. Он игнорирует испуганные крики других женщин и в той или иной степени свирепствует возле меня. Затем он резко откидывает шкуры и толкает чашку с чем-то, от чего поднимается пар, мне под нос.

Он ничего не говорит, просто ждет.

— Исчезни, — говорю я ему раздраженно и пытаюсь натянуть свое одеяло обратно.

Инопланетянин не дает мне заполучить его. Более того, он утаскивает его подальше, вне моей досягаемости. Затем он снова толкает чашку мне под нос. Совершенно очевидно, что, если я хочу свое одеяло обратно, то вынуждена буду выпить эту чашу дымящегося ада, который он по-прежнему толкает мне прямо под нос.

Какой же он засранец.

Я беру чашку из его рук и сверлю его взглядом, а затем пытаюсь предложить ее одной из девочек рядом со мной.

— Кому-нибудь хочется пить?

Он хватает меня за руку и направляет ее обратно ко мне, тихим рыком указывая на то, что этот напиток для меня и только для меня.

— Кто это? — шепчет одна из новых девочек тоненьким, испуганным голоском.

— Часть спасательной команды, — говорю я суховато. — Упрямая, ослиная часть, — я поднимаю чашку к носу и нюхаю. Пахнет мясом и какими-то растениями. Также чувствую запах как от грязных носков. А еще там есть нечто острое, от чего у меня слезятся глаза. — Не хочу это.

Я пытаюсь оттолкнуть чашку. За последние недели из-за голода мой желудок сжался, и от одной только мысли о поглощении чего-то меня просто тошнит.

Большая рука инопланетянина пододвигает ее обратно ко мне. Его страшная физиономия имеет хмурое выражение, и, ожидая, он переминается с ноги на ногу. Вывод ясен: он никуда не уйдет, пока я не выпью.

Проклятье.

Я делаю глоток бульона и немедленно начинаю кашлять. У инопланетян какие-то особенные вкусовые рецепторы. Джорджи делилась с нами каким-то дорожным провиантом Вэктала, и он был все равно что прокусить концентрированный перцовый баллончик. Напиток пахнет горячей версией чая, приправленного носками, а на вкус — еще хуже. Я корчу лицо и отодвигаю чашку только для того, чтобы инопланетянин с силой снова толкнул ее в мою сторону.

— Если я пролью его, мне вот любопытно, заставишь ли ты меня слизывать его с пола, — бормочу я себе под нос, но делаю еще один глоток. При втором глотке он уже не столь отвратителен... Господи, да кого я разыгрываю? Он же тошнотворен. Но я пью его, потому что Высокий, Мрачный и Бесцеремонный не уйдет, пока я не допью. Мне потребовалась вечность, чтобы с трудом проглатывать глотки, а когда добираюсь до дна чашки, там образовался осадок, от которого мне хочется блевать, но, проявив волю, я и его вливаю себе в рот. Тогда я отдаю чашку обратно.

Инопланетян накидывает шкуру мне на плечи и заправляет ее вплотную к моему телу. Он наклоняется поближе, и я задерживаю дыхание. Остальные на корабле абсолютно безмолвны, и я ощущаю, как они все смотрят на нас. Он расправляет одеяло, и когда я

свирепо впиваюсь в него взглядом, то произносит лишь одно слово.

— Ра́хош.

Тогда он встает, хмурым взглядом окидывает остальных, кто пьются на нас, и грозно уходит.

— Что он только что сказал? — спрашивает одна из девушек.

— Это не слишком точно переводится, — отвечает Кайра, касаясь своего уха в том месте, где расположен переводчик. — Что-то вроде «Злобный, который рычит».

— Это его имя, — заявляю я, хотя могу лишь предполагать. «Рычащий засранец» подходит ему больше. Уже не в первый раз Ра́хош всплывает перед моими глазами. Я очнулась от коматозного сна, чтобы оказаться с ним лицом к лицу, когда он заливал воду в мое пересохшее горло. Он поставил себя моим личным спасителем, появлялся здесь, чтобы вручать мне мясо, напитки, а также обеспечивал, чтобы мне было тепло.

Короче говоря, он печется обо мне с тех пор, как прибыли охотники, и это выводит меня из себя.

Вообще-то я не против, когда появлялся парень и начинал делать мне подарки, особенно учитывая, что я умираю с голоду. Однако эти дары были преподнесены не просто так. Капитан Очевидность захотел себе пару, и он сделал ставку на меня.

Перестал бы он еще делать ту чудачковатую вибрирующую штуку со своей грудью. Джорджи рассказывала мне, что у Вэктала есть кхай — вошь, как нам понравилось называть это — и после того как кхай признает свою пару, то заставляет его мурлыкать и хотеть заняться со мной сексом. Вэктал вибрировал для Джорджи. Хотя, Ра́хош ничего не сказал.

За это я благодарна... и сбита с толку. Если он вибрирует не для меня, зачем он продолжает меня доставать? В этом ведь нет никакого смысла. Бестолковый инопланетянин. Я облизываю губы, а затем корчу лицо, потому что они до сих пор имеют вкус того чая.

— Он безобразен, — говорит Клэр. — Они все так выглядят?

— Нет, Ра́хош намного страшнее, чем большинство, — говорю я очень спокойно. Хорошо, что он не понимает по-английски, потому что не знаю, что бы он сделал, если бы услышал, что я говорю о нем всякое дерьмо.

Вэктал довольно милый в смысле наружности. Он синий, и Джорджи говорит, что его кожа на ощупь как замша. У него большие, изогнутые рога, которые вырастают от линии его волос и загибаются вокруг головы, делая его похожим на высокого семифутового барана. Он мускулист, у него есть хвост и эти странные бугристые образования на руках и по линиям бровей. Большинство других парней имеют схожее строение, отклонения лишь в вариациях роста, расцветке и рогах. Просто обыкновенные синие инопланетные люди.

Ра́хош выделяется от всех остальных несколькими принципиальными различиями. Во-первых, он самый высокий. Что совсем не такая уж незначительная деталь, учитывая, что все они ростом выше семи футов, а это выставляет его самой большой башней из всех остальных. Его плечи не такие широкие, как у Вэктала, что указывает на то, что он лишь огромен, а не гигант. И если Вэктал кажется более чистого синего оттенка, у Ра́хоша оттенок более темный, серовато-синий, который лишь делает его похожим на ослика Иа больше остальных.

Кроме того, шрамы не помогают рассеять это впечатление. Одна сторона его широкого, инопланетного лица в шрамах, у него на лбу и над глазом испещрено глубокими прорезями, рассказывающими о схватке в его прошлом, в которой он проиграл. Шрамы тянутся дальше вниз по его шее и исчезают под одеждой. Вместо рога на той же стороне головы — зазубренный обрубок, а его второй рог изогнут вверх как лаконичное напоминание о том,

что он потерял. А еще добавьте сюда твердые губы, сжатые в неприязни, и суженные светящиеся странно-синие глаза, видимо полученные от симбионта?

Мда, наверное, утверждать, что Ра́хош намного страшнее, чем большинство, — объективное суждение.

Тот факт, что он сделал ставку на меня, как на свою собственность, ... начинает мне надоедать. Я сказала Джорджи и остальным, что за чизбургер бы сделала все, что угодно. Но иметь инопланетянина, который предъявляет на меня права, кажется таким... странным. Есть ли у меня вообще выбор? Словно я говорю: «Хочу чизбургер», а кто-то шлепает мне в руку соленый огурец и объявляет: «Черта с два, тебе полагается соленый огурчик».

А потом, когда я задумываюсь о фаллических объектах, я снова пристально слежу за Ра́хошем. Не очевидным образом, естественно. Я лежу, ну, а мои глаза почти закрыты, но я могу видеть, как он и другой инопланетный парень двигаются по кораблю, вдвоем упаковывая сумки и проверяя вещи. Джорджи и Вэктала нигде не видно. Я наблюдаю за Ра́хошем, как он наклоняется, а затем встает.

У него очень длинный хвост. Интересно — это показатель состояния чего-то в ином... гм, месте.

Не то, чтобы меня это сильно интересует. Быть может, если мы должны получить эту паразитную штуку, то она выберет кого-то другого, а не его. Может, тогда мистер Настойчивый разозлившись, просто отвяжется?

Я заваливаюсь снова поспать, представляя его выражение лица, когда моя вошь отвергнет его.

РА́ХОШ

Мой кхай — идиот.

Да, должно быть, это так. А отчего же еще он игнорирует женщин моего племени, и в тот момент, когда мы входим в пещеру грязных, оборванных людей, он начинает бляеть в моей груди, подобно пернатому зверю? Иначе выбрал бы он мне в пару самого хилого из больных людей?

Пару, которая впивается взглядом в меня с осознанием этого; у которой столько раздражения в глазах и которая отказывается есть лечебный бульон, принесенный мной? Отталкивает мои руки, когда я пытаюсь помочь ей встать на ноги? Которая хмурится, когда я приношу ей воду?

Совершенно ясно, что мой кхай полон дури.

— Ты резонировал кому-то? — спрашивает Аехако, стоя рядом со мной. Он набивает дорожный мешок шкурами. Мы готовим пещеру людей для перехода, так как они слишком ослабли, чтобы сделать это. Вэктал сказал, что мы должны забрать все с собой. Не имеет значения, что все запятнано, грязное или бесполезное. Люди владеют столь немногим, что он уверен, они дорожат тем, что имеют, поэтому мы обязаны забрать все. Двое из охотников, которые резонировали для женщин, были отосланы, чтобы забрать шкуры из ближайших охотничьих пещер, потому что люди плохо оснащены для того, чтобы противостоять суровым снегам, и у них нет кхай, чтобы сохранять их тепло.

Впрочем, вскоре это будет исправлено.

Са-кохчк находится поблизости. Крупные существа носят в себе множество кхай, и мы

будем охотиться за одним из них ради его мяса и кхай, чтобы люди не умерли от кхай-болезни.

Я думаю о впалых глазах своей пары и насколько несчастной она выглядит. У большинства людей кожа бледная, но у моего человека она еще бледнее. Это должно означать, что она заболела гораздо серьезнее. Я буду настаивать, чтобы она получила кхай одной из первых.

Аехако повторяет свой вопрос.

— Рахош? Ты резонировал?

Я не люблю лгать, но также не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, не сейчас, когда моя пара свирепо зыркает на меня, будто она в бешенстве.

«Рахош намного страшнее, чем большинство».

Ее слова причиняют мне острую боль. Она гладкая, бледная и слабая, и все же именно я — тот, кто неполноценный? Я пожимаю плечами и взваливаю на себя мешок.

— Это не важно. Увидим, что произойдет, когда кхай будет внутри человеческого тела.

— Я не резонировал, — Аехако выглядит мрачным, его широкие плечи удрученно опущены. — По твоему, другие будут резонировать, когда для них наступит подходящий момент? Возможно, еще не их время.

Он смотрит на меня взглядом полным надежды.

— Я что, похож на того, кто знает о человеческих моментах? — огрызаюсь я. — Заканчивай со своим мешком. Мы должны поспешить, если хотим доставить людей достаточно близко к са-кохчк, чтобы начать на него охоту.

Аехако вздыхает и возвращается к работе. Я твержу себе, что он еще молод. На самом деле, он, наверное, самый молодой охотник в нашем племени. Он справится со своим разочарованием, или позже другой человек будет резонировать ему. Или даже женщина ша-кхай, возможно, одна из тех, кто еще не родилась.

Я знаю только то, что резонирую одному из умирающих людей, а если она умрет, то заберет все мои надежды и мечты с собой.

У меня никогда не было пары. Никогда не было любовницы. Женщин в нашем племени мало, а женщин, которые хотят спариваться с травмированным, угрюмым охотником еще меньше. Я никогда и не мечтал, что однажды у меня будет моя собственная пара.

Теперь, когда она здесь..., я не совсем понимаю, как себя вести. Так что я по-прежнему храню молчание, и это отнимает все мои силы, чтобы мой кхай молчал, когда люди поднимаются и начинают готовиться к длинному походу обратно к племенным пещерам. Охотники вернулись со шкурами, а одна из них была разрезана на куски, чтобы сделать покрытия для ног. Остальные покрывают свою хрупкую одежду, а пара Вэктала, Шорши, — язык-завязывается-узлом, произнося ее имя — помогает другой обернуть вокруг нее толстый плащ из шкуры.

Лишь немногие из людей не готовятся. Девушка, которая с темной кожей и волосами в виде пучка сладкой травы, лежит без сознания под шкурой. Вэктал говорит, что она — одна из самых тяжелобольных. Есть еще одна, у которой сломана конечность, и она для поддержки сильно опирается на Пашова, чтобы устоять.

Ну и мой человек игнорирует всех вокруг себя и самым решительным образом сжимается калачиком под одеялом.

Она чрезвычайно упряма. В этом аспекте мой кхай сделал отличный выбор. Я тоже упрямый. Вместе мы сможем создать очень упрямых малышей. Немного обиды покидает мое

сердце, мысленно вообразив, как человек держит моего ребенка у своей груди. После стольких лет у меня была бы семья.

— Все люди готовы, — говорит Вэктал, проходя мимо нас и направляясь к Шорши. — Мы уходим в самое ближайшее время.

— А как насчет тех, кто не может ходить? — спрашивает Золай. — Или той, которую невозможно разбудить?

— Тогда мы понесем их. Мы никого не бросим.

Шорши наделяет Вэктала любящей улыбкой и оборачивается, чтобы обнять его.

— Вы так добры к нам. Я никогда не смогу сполна отблагодарить вас за это.

Он касается ее щеки.

— Ты моя. Это единственное, что имеет значение.

Я притворяюсь, что не смотрю, когда она своими зубками игриво покусывает его большой палец. Не грех проявлять чувства на публике, но осознавая, что моя собственная больная пара сидит в своем углу и хмуро смотрит на меня, на это очень тяжело смотреть. Она явно не радушно настроена при мысли о паре.

Она не рада тому, что это — я. Она находит меня отвратительным.

«Рахош намного страшнее, чем большинство».

Я хватаю одну из шкур, от гнева я еле держу себя в руках, и стремительно направляюсь к ней. Не имеет значения, нравлюсь я ей или нет. Кхай выбирает пару. Она должна будет просто смириться с этим.

— Просыпайся, — говорю я, как только подхожу к ней и отодвигаю одеяло. — Ты...

Ее голова наклоняется и резко падает на пол. По крайней мере, она не по собственной воле пренебрегает моим вниманием. Она без сознания. Ужас пронзает мое сердце, и я притягиваю ее к своей груди, укачивая и согревая. У нее такая холодная кожа. Разве она совсем не может удерживать тепло? Как же она сможет выжить? На какое-то мгновение меня охватывает паника. Это должно быть то, что испытывает Вэктал, когда смотрит на Шорши. Беспомощность перед ее хрупкостью. Я укачиваю женщину около себя и похлопываю ее по щеке.

Мгновение спустя она пробуждается, а затем при виде меня отодвигается.

— Капитан Очевидность. Мне стоило догадаться.

Я игнорирую свою уязвленную гордость. Понятие не имею, кто такой «Капитан Очевидность». Полно человеческих слов, которые не имеют смысла. В пещере старейшин мы получили дар знания их языка, но очевидно, что кое-что осталось все равно непонятным. Порою, когда мой человек говорит, я даже понять ее не могу.

Правда, ее презрение ко мне я понял более чем хорошо.

Я подпираю ее своей грудью и помогаю встать на ноги. Она шипит от боли, когда пытается приподняться, и падает обратно на меня. Она своей маленькой спинкой ударяется о мою грудь, и мой кхай тут же вспыхивает к жизни..., как и мой член.

Я закрываю глаза и сосредоточиваюсь, вынуждая, чтобы и тот и другой оставались спокойными. Сейчас не самое подходящее время.

Человек отбивается от меня, отталкивая мои руки.

— Хватит меня лапать! Пусти меня!

Отпустить ее? Да она ведь устоять на ногах не может. Я ее не отпущу. На шлепки ее ладоней я не обращаю внимания, в то время как провожу рукой по ее голым ногам, выискивая раны. Она отбивается от моих прикосновений, но не раньше, чем я обнаруживаю,

что три из множества пальцев на ее ногах опухли и травмированы. Они, скорее всего, сломаны, и у нее нет кхай, чтобы излечиться.

И она вздумала отвергать мою помощь? Огромная глупость с ее стороны. Я не обращаю внимания на протесты и подбрасываю ее в свои руки. Я сам понесу ее к месту охоты на сакохчк, если придется. Она туда доберется. Мне невыносима даже мысль об обратном.

— Эй! Поставь меня обратно, болван стоеросовый, — она орет мне прямо в ухо. Ну, по крайней мере, ее легкие не пострадали. Я игнорирую ее пронзительные крики и удостоверяюсь, что она завернута в одеяло, несмотря на ее возмущение.

— Ра́хош, — предостерегающе произносит голос.

Я оглядываюсь — как раз тогда, когда человеческая ручка врежется мне в челюсть в знак протеста — и вижу, что мой друг и вождь подходит ко мне.

— Ты не можешь таскать ее на себе, если она того не хочет, — говорит он на нашем языке. — За людьми нужно ухаживать осторожно. Они хрупкие.

Кулак моего «хрупкого» человека врежется в мою скулу.

— Поставь меня обратно, — снова орет она. — Выкуси, придурок чертов!

Я... выкуси? Но ведь я ничего не ем.

— Ра́хош, — предупреждает Вэктал. — Ты знаешь о моих приказах.

Мне известны его приказы. Не делать ничего, что люди не хотят, чтобы мы делали. Я осторожно с безграничной нежностью ставлю моего человека на пол, сопротивляясь желанию прижать ее к своей груди и провести рукой по ее грязным волосам.

— Она ранена, — говорю я ему хрипло. — Я лишь хотел помочь.

— Для этого еще достаточно времени, — говорит он и добродушно похлопывает меня по руке. Несомненно, он в хорошем настроении. У него есть своя пара. Моя же смотрит на меня, будто хочет вонзить мой собственный нож мне в спину. — Пусть идет, если она хочет идти пешком.

— Отлично, — с рыком говорю я.

Я удостоверяюсь, что шкуры плотно завернуты вокруг нее и предлагаю ей покрытия для ног. Это наименьшее, что я могу сделать, а также притвориться, что не вижу, как она вздрагивает и произносит все более злобные, непонятные слова, когда пытается несколько замедлиться из-за ее опухшей ноги. Это человеческое существо, она вся изранена. На ее руке еще одна рана — свежая, где из ее плоти был удален «датчик», как они называют его. Они были внедрены «плохими парнями». Я лишь знаю, что хочу заполучить в нее кхай, чтобы она смогла исцелиться и поправиться.

Спаривание в этот момент даже в голову мне не приходит. Я просто хочу, чтобы она расцвела. Мои руки дрожат, отчаянно желая успокоить ее и приласкать, но когда она бросает на меня очередной взгляд, полный ненависти, я ухожу, чтобы присоединиться к охотникам.

Я не могу находиться рядом с ней и даже прикасаться к ней не хочу.

ЛИЗ

Мне хочется верить, что я не особо брезглива. Я на самом деле не такая. Мой отец был охотником, и я выросла с ним рядом, насаживая наживку на крючок и освеживывая шкуры с

дневной добычи, чтобы потом зажарить ее на костре. Я эксперт по стрельбе из лука. Я не так уж плоха в отслеживании. Я отлично могу разделять тушу.

Но этот са-кохчк — жуткий мутированный сукин сын.

Прошло несколько часов с тех пор, как мы в последний раз покинули корабль. Хотела бы я сказать, что мне печально видеть, как та вонючая тюрьма исчезает вдалеке, но я малость побаиваюсь. Эта планета — ледяная. Что-то вроде нашей Антарктиды на стероидах, к тому же солнце заходит. Снега так много, что мои только что покрытые шкурами ноги погружаются в него как в зыбучие пески, и я не вижу известных нам деревьев или жилья. О, черт, ну и холодина, пальцы моих ног пронзает раскалённо-острая боль каждый раз, когда делаю шаг, и я чувствую себя столь слабой, что едва могу поднять голову. Это не совсем способ выживания. В какой-то момент далеко позади остальных я падаю, так что кто-то подхватывает меня и перебрасывает через плечо. Мне даже не надо видеть лицо парня сквозь сильную вьюгу, чтобы понять, кто это.

Ра́хош. Ну, конечно.

Сейчас мы с девочками усажены под редкими и хлипкими деревьями, которые содрогаются с каждым шагом, сделанным са-кохчк. Са-кохчк практически невозможно описать словами. Он что-то вроде мохнатого мамонта — дитя любви спаренных бронтозавра и длинноногого БТВ^[3] из фильмов «Звездные войны». Итоговое существо похоже на ходячий комок шерсти на длинных и тонких ногах, оно визжит и стонет, когда охотники сбивают его.

Мужчины толпятся вокруг него. Вэктал немедленно спешит к женщинам и гладит руками Джорджи.

— Ты в порядке?

Она также трясется и дрожит над ним. Ооо, меня вот-вот стошнит. Я не слушаю их, а пристально смотрю на сбитое существо. Я скучаю по охоте. Я не занималась этим с тех пор, как умер мой отец, но увидев это существо и почувствовав запах его крови в воздухе, все это вызывает у меня воспоминания об охоте. Я скучаю по папе. Я скучаю по охоте.

Я поднимаю глаза и вижу пару светящихся, интенсивных глаз, наблюдающих за мной издалека. Снова Ра́хош. Я кутаюсь в свои шкуры теснее и, игнорируя его, ковыляю поближе к Джорджи и Вэкталу, чтобы слышать, что происходит.

Они увлеклись поцелуем. Я наблюдаю, как Вэктал целует Джорджи в лоб.

— А теперь, пора получать кхай. Собери женщин.

Что за сексист. Ну, конечно, собери всех своих маленьких женщин, чтобы синие парни могли позаботиться о нас. Мои губы скривились от этого, но меня бесит, что я такая стереотипная. Правда в том, что я слишком чертовски устала, чтобы сделать хоть что-нибудь, кроме как пристально уставится на них.

Джорджи продвигается вперед, крепко поддерживая Тиффани. Бедная Тифф. Она из Эль-Пасо и очень, очень плохо переносит эту погоду. Кроме того, я думаю, что она диабетик, так что ей не очень-то тепло. Всю неделю она была практически в коматозном состоянии. Тиффани слабо держится на ногах, а Джорджи продолжает двигаться вперед.

— Где кхай?

— Внутри, — говорит Вэктал и указывает на живот. — Вы готовы, моя Джорджи?

Будто у нас есть выбор? Однако я даю ответить Джорджи, и она говорит:

— Давайте сделаем это.

Тогда существо полностью вскрыли от живота до грудины, и кровь устремилась наружу. Как ни странно, но из-за этого я снова ужасно заскучала по дому.

— Точно так же, как свежевание оленя. Ничего особенного. Никаких проблем.

Я осматриваюсь, а Ра́хош все еще наблюдает за мной. У меня кожу покалывает от осознания и... чего-то еще? Я могла бы снова потерять сознание. Надеюсь, что нет.

Возле меня Джорджи с трудом глотает.

Вдруг слышится треск, и я смотрю туда, чтобы увидеть, как Вэктал, стоя на грудной клетке гигантского существа, большими, напряженными руками разламывает ее на части. Та издает самый громкий треск, который я когда-либо слышала, а затем раскалывается надвое.

— Очень, очень большой олень, — комментирую я.

Джорджи снова шумно глотает. Тиффани стонет и отступает на несколько шагов.

Я продолжаю смотреть, потому что нуждаюсь в чем-то, на чём можно сконцентрироваться. Боюсь, что стоит мне только на секундочку отвлечься, то увижу, как Ра́хош приближается, чтобы еще раз до меня дотронуться. Не пойму, отчего эта мысль так меня раздражает, а также наполняет меня своего рода жидким жаром.

Вэктал принимает сердце существа от одного из его мужчин, и в нем копошатся извивающиеся, светящиеся спагетти — черви. Ладно, мда. Этого не было в моей программе.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — проговаривает Кайра где-то с боку от меня, а Тиффани издает низкий шум. Однако Джорджи выглядит так, будто Вэктал собирается подарить ей кольцо с бриллиантом или типа того. Они тихонько шепчутся друг с другом, а потом он вытаскивает свой нож.

— А... а что, если он доберется до моего мозга? — задает вопрос Джорджи.

Это — червь. Это уже не нормально. Я не буду в этом участвовать.

— Он чем-то лучше твоего сердца?

Серьезно?

— Кхай — суть всей жизни, — говорит Вэктал почтительным голосом.

И тогда глупая Джорджи берет у него червя, а он делает у нее на горле небольшой надрез. А я смотрю, как эта штука, корчась и извиваясь, забирается внутрь раны, словно реактивная ракета с тепловым наведением.

Вот черт, поверить не могу! Я не подписывалась на это дерьмо! Я уже видела, что черви сотворяют с сердцем животного. Охотники знают, что нельзя есть мясо больного. Тебя определенно не устроит перспектива отравить свое тело, стать такой же больной. Я отступаю на пару шагов. Джорджи вздрагивает и задыхается, а потом резко валится без сознания в руки Вэктала. Несколько других девушек в панике начинают кричать, и тогда мужчины повсюду, предлагают им светящихся вошей.

Я немедленно убираюсь с глаз долой. Нет, нет, я не могу. Я придумаю что-нибудь еще. Из этого должен быть другой выход. Я отступаю обратно к роце деревьев, которые не способны предоставить какую-либо защиту. Другие девушки удивленно на меня смотрят, затем поворачиваются обратно к Джорджи. Она — наш лидер, поэтому они взирают на нее.

Вот и отлично. Если Джорджи прыгает со скалы, это не означает, что я тоже должна. Она может быть ослеплена большим синим инопланетным членом, а я — нет. Моя нога сильно болит и пульсирует, но я игнорирую ее. Если не слишком поздно, я могу вернуться к кораблю, придумать что-нибудь еще. Я знаю, что всего лишь паникую. Я знаю, это нелогично, но все, что я когда-то узнала от своего отца, говорит мне, что это — ужасная затея.

Паразиты убивают своих хозяев.

В то время как я неуклюже волочу ноги мимо остальных, вижу, что инопланетяне

осторожно направляют женщин вперед, шаг за шагом приближая их к гибели. Ничего себе, как мило с их стороны. Нет никаких доказательств того, что это может сработать на людях, а Джорджи рухнула как мешок с картошкой. Это ненормально. Сжимая поплотнее свои шкуры, я ковыляю вперед еще несколько шагов.

И останавливаюсь.

Прямо передо мной, прищутив светящиеся глаза, стоит Ра́хош. Он не отводит от меня взгляд.

— И даже не пытайся остановить меня, приятель, — я резко парирую ему, хотя уверена, что это бесполезно. Он не понимает английского.

В общем, он меня хватает за шкуры и пытается развернуть обратно.

Я вырываю их из его хватки и продолжаю двигаться вперед. Где-то на расстоянии я слышу крик еще одной женщины, который быстро затихает. Меня начинает трясти.

Ра́хош хватает меня за бедра и снова перебрасывает через плечо.

— Нет! — я выражаю свое недовольство, стуча кулаком ему по плечу. — Да не хочу я этого! Ты не можешь меня заставить!

Он колеблется, а потом, к моему удивлению, снова опускает меня вниз. Какое-то мгновение он пристально смотрит на меня, а потом протягивает руку, чтобы ласково провести по моей челюсти. Я ему позволяю, так как он не тянет меня туда обратно. Его прикосновение, ласкающее меня вверх-вниз по холодной щеке, оказалось нежным. Тогда он жестом показывает на землю, будто указывая на то, что мне следует подождать здесь.

— Ладно. Без разницы. Я просто ни за что не вернусь туда.

Я с трудом сажусь в снег, перенося мой вес с больной ноги.

Мужчина разворачивается и направляется к мертвому са-кохчк и группе охотников. Я наблюдаю, как он исчезает в темноте, и меня бросает в дрожь. Подожду пару минут, потом двинусь дальше. Может, он расскажет остальным, что я передумала и он собирается отвести меня обратно к кораблю.

Может, этот парень, Ра́хош, все-таки не такой уж и придурок.

Я закрываю глаза и провожу рукой по своему лицу. Здесь не на шутку холодно, и я так устала, что могу свалиться и уснуть прямо в снегу. У меня в голове все расплывается как в тумане. Все же должен быть запасной вариант. Если бы я могла мыслить здраво, возможно я и была бы в состоянии додуматься до него.

Мои мысли невольно возвращаются к Джорджи, и тому, как Вэктал порезал ее шею. Ликующие извивания существа, когда оно зарывалось в нее. Ее крик и потеря сознания. Меня аж в дрожь бросает.

Краем глаза вижу появление фигуры. Я только-только осознаю, что это — Ра́хош своей гигантской рукой тянется к моему плечу и толкает меня в снег на спину.

— Зачем? — шиплю я гневно.

Мгновение спустя его колено отправляется на мое плечо, прижав меня к земле. Он удерживает свою ладонь возле своей груди, и я едва вижу, что там извивается светящаяся, змееподобная нить.

Затем инопланетянин достает нож из ножен на своем поясе.

— Черт тебя дерь, сукин сын! Нет! — я сопротивляюсь ему, страдая от его веса, которым меня придавили. Но я слишком слаба, а он огромен, и я едва в состоянии бороться с ним, так что он прикладывает лезвие к моей шее и осторожно делает надрез на моей ключице.

— Нет! — протестую я, но он не слушает. Этот засранец, этот кретин через силу хочет впустить в меня паразита.

Он мне не друг. Ни в коем случае. Он не дал мне возможность иметь свой выбор.

Я отбиваюсь от его рук, когда он наклоняется с вошью в ладони.

— Я всю жизнь буду ненавидеть тебя, если сделаешь это, — шиплю я ему, пытаюсь оттолкнуть.

Он лишь окидывает меня жестким взглядом, после чего наклоняется. Как только вошь находит мою кожу, я слышу тоненький «шшшшшшш», а затем она скользит внутрь меня.

И я от шока теряю сознание.

РАХОШ

Пока я наблюдаю, как ее бессознательное тело дрожит и вздрагивает, акклиматизируюсь к кхай, я убеждаю себя, что мне все равно, что она всю жизнь будет меня ненавидеть. По крайней мере, она будет жива. Мой отец с матерью никогда не любили друг друга. До самой смерти моя мать проклинала отца. Их спаривание было крайне несчастным, но они все равно были семьей.

Мой человек может ненавидеть меня и все равно быть моей парой. Я не предоставлю ей возможность иметь свой выбор, чтобы умереть. Не стану. Я буду защищать ее, даже если должен буду оградить ее от самой себя.

Я поднимаю ее маленькое тело на руки и прижимаю к своей коже. Она такая холодная. Такая хрупкая. Я все сделал правильно, навязав ей кхай. Она не продержалась бы дольше одного дня без него. Прижимая ее к себе, я стараюсь все обдумать.

Если я верну ее обратно в лагерь, по возвращении она будет в бешенстве. Она расскажет остальным, что я заставил ее принять кхай.

Вэктал, мой вождь, не обрадуется. Он сказал, что мы должны угождать людям. Давать им то, что они хотят.

Ему... легко так говорить, раз Шорши смотрит на него с любовью и привязанностью. Все не так просто, когда твой человек смотрит на тебя с гневом и отвращением.

«Рахош намного страшнее, чем большинство».

Если я теперь верну ее обратно к остальным, они придут в ярость. Мой кхай вибрирует у меня в груди для моего человека, и впервые за прошедший день я позволяю ему свободно напевать. Я резонирую, и это невероятное чувство.

Они не смогут отнять ее у меня.

Я поворачиваюсь и оглядываюсь назад на остальных, которые по-прежнему толпятся около са-кохчк. Они будут там еще несколько часов. Какое-то время люди проспят. Может, день. Понятия не имею, сколько времени это займет. Кроме того, надо разделать мясо и вернуться в племенные пещеры, а также сопроводить людей и лебезить перед ними.

Они будут отвлечены.

Вместо того, чтобы вернуть моего человека обратно в лагерь, я прижимаю ее поближе к себе и иду в противоположном направлении, отправляясь из долины.

Я заберу ее к себе, спрячу и не вернусь, пока она не будет нести в себе моего ребенка, и мы по-настоящему не спаримся. Тогда мы вернемся к племени и опять будем ее частью.

А до тех пор? Она моя и только моя.

В дикой природе есть одна пещера, которую я привык считать своей собственной. Мы большое племя по численности, и иногда наши охотники должны отправляться на большое расстояние, чтобы накормить всех. Поэтому у нас есть сеть охотничьих пещер, разбросанных по дикой местности, которые обеспечивают место для отдыха любому охотнику, который вынужден остаться, чтобы пережить ночь. Там есть шкуры, принадлежности для разведения костра, а иногда и кое-какие другие припасы, чтобы облегчить участь. Эти пещеры может использовать любой охотник до тех пор, пока их оставляют в первоначальном состоянии, после того, как покинут пещеру.

Но именно эта пещера моя и только моя. Я нашел ее, когда еще был маленьким, во время охоты на одном из моих первых набегов в одиночку в дикую природу. Во время жестоких месяцев вход скрыт большой глыбой льда, но сейчас лишь горький месяц, и путь будет открыт.

Она не так далеко отсюда, и эта мысль крутится у меня в голове уже битый час, пока я иду. Мой человек ничего не весит в моих руках, к тому же она без сознания. «Ей просто нужно время, чтобы акклиматизироваться к кхай», — убеждаю я себя. Нет причин для беспокойства. Она была больна. Потребуется какое-то время. В моем сердце все еще бушует страх, и я ускоряю шаг.

Моя пещера так же пуста, как я ее и оставил. Есть признаки того, что внутри останавливалось гнездящееся животное, но сейчас здесь никого нет. Я очищаю мусор в углу аккуратно сложенных шкур, а затем среди них укладываю моего человека. Она вздрагивает, ее тело дрожит. До костей пробирающий холод теперь сошел с ее кожи, а это признак того, что кхай согревает ее, но до сих пор она вся просто трепещет. Я решаю развести костер и провести время все организовав для нас, так же я пытаюсь игнорировать напевание моего кхай, поскольку он напевает песню женщине в бессознательном состоянии, в моей постели.

Моя постель.

Моя пара в моей постели.

Из меня вырывается стон, пронзенный волной желания настолько сильной, что у меня от этого голова идет кругом, и я закрываю глаза, заставляя себя быть сильным. Она в скором времени придет в сознание, и тогда мы сможем спариться.

Человек стонет от боли, когда спит, а ее ноги сводит в судорогах. Я осторожно стягиваю с нее покрытия, а затем массирую ее маленькие ножки. Они грязные и миниатюрные, без костистых защитных наростов, покрывающих уязвимые места на моей собственной коже. На ноге у нее по пять пальцев, а у меня три, и при виде фиолетовых, опухших пальчиков, я вспоминаю, что они сломаны.

Их следует вправить, чтобы кхай исцелил их.

Она стонет, ее голова метается, а глаза резко двигаются у нее под веками. Я должен сделать это, пока она без сознания, чтобы не причинить ей еще больше боли. Как ни странно, но от самой мысли о том, чтобы причинить ей боль, у меня живот выворачивает. Я провожу пальцами по пальчикам ее ноги и сверяю, как сидят кости. Затем втягиваю воздух и вставляю кости так, как они должны быть. Я сдерживаюсь, чтобы меня не вырвало желчью, когда кости издадут щелчки, вставая обратно на место. А она испускает звук, будто задыхается, и резко вскидывается.

Мне удается вставить все три пальца на ее ноге, а затем осторожно перевязать их кожаными полосками, чтобы удерживать их на месте, до того, как меня выворачивает. Едва мне удастся выбраться из пещеры, как меня начинает тошнить. Затем я ногой засыпаю снегом то место, где меня стошнило, при этом испытывая к самому себе отвращение. Я уже вправлял сломанные кости своим соплеменникам. Я вправлял сломанные кости самому себе. Меня никогда не тошнило при мысли о причинении боли.

Эта маленькая женщина уже изменила меня.

Мой кхай напевает у меня в груди, призывая меня вернуться к ней. Я возвращаюсь, и она в моих шкурах выглядит такой маленькой и хрупкой, такой несчастной. И еще грязной.

Я убеждаю себя, что должен раздеть ее, чтобы проверить, нет ли еще ран. Что, когда она проснется, ей бы понравилось, что у нее чистые волосы и кожа. И все это время мой кхай напевает и ритмично пульсирует свое согласие. Он хочет, чтобы я коснулся ее. Заявил права на нее. А я не могу устоять перед этим непреодолимым зовом.

Я настраиваю треногу над огнем и вешаю заполненный снегом пузырь для приготовления пищи. Снег растает и нагреется, тогда я смогу помыть ее. Сейчас нужно заняться своей парой.

Ее грязная одежда странно изготовлена, и мне требуются несколько минут, чтобы стянуть ее с тела. А после этого я отбрасываю ее, чтобы позже отмыть. Похоже, что она состоит из двух частей — длинная туника, которая достигает бедер, и крошечная набедренная повязка, которая меня немного сбивает с толку. Это носят для защиты? Она едва покрывает ее бедра, и вполне очевидно, что люди не выносят экстремальных температурных условий, будучи на открытом воздухе. Поэтому она такая бледная и больная? Разве она не выходит наружу?

Когда моя пара обнажена, я вижу различия в наших телах более очевидно. Кхай у меня в груди напевает громче, чем когда-либо, но я не собираюсь наваливаться на больную женщину в бессознательном состоянии и спариваться с ней, так что я игнорирую его. Вместо этого, я раздавливаю мыльные ягоды в нагретую воду и разбалтываю. Тогда я увлажняю руки и скольжу ими по ее коже, чтобы отмыть человека.

И если быть честным с самим собой, то и ради того, чтобы прикоснуться к ней. Мой член твердый как камень, с первого прикосновения моей кожи с ее, но я смогу вынудить себя игнорировать его. Она грязная, ослабевшая и очень усталая.

И она ненавидит меня.

Эта мысль заставляет меня сдержаться и быть гораздо сильнее, если ничего другого не остается. Я по несколько раз чищу пальцами ее бледную плоть, протирая более грязные места, и исследую ее. Она мягкая везде, ее кожа без характерных, защитных наростов, которые имеем мы, ша-кхай, над нашими наиболее уязвимыми частями тела. Кроме того, она практически полностью безволосая, что нахожу чудным. Кожу моих людей покрывает пух, но у нее она раскрыта для холода. Неудивительно, что она так быстро мерзнет. Единственные места, где у нее растут волосы, — на голове и у нее между ног. Я помню, что Вэктал рассказывал нам о людях и их странной анатомии. Он утверждал, что у его Шорши между ног есть третий сосок. А у этой то же самое? Возбужденный любопытством, я скольжу рукой между ее бедер и пальцами раздвигаю ее половые губы. Безусловно, обнажается достаточно маленький комочек плоти. Он находится в верхней части ее щели и отражает возбуждение. Как раз, когда я прикасаюсь к нему, в воздухе начинает витать аромат ее возбуждения.

Я нуждаюсь в ней.

Я закрываю глаза, желая заставить себя быть сильным. Мой кхай непрерывно пульсирует, полный тоски. Это напоминает мне обо всем том, чего раньше у меня никогда не было, и обо всем, чего я так отчаянно хотел уже будто целую вечность.

Она будет первая у меня во всем. Моя первая пара. Моя первая любовница. Мать моих детей. У меня немного дрожит рука, когда я отпускаю ее половые губы, борясь с желанием поласкать мягкие складочки, поблескивающие возбуждением. Если она отвечает на мои прикосновения даже в бессознательном состоянии, то кхай уже работает в ней.

Я надеюсь, что она скоро проснется.

Мысль о пробуждении моей пары внезапно дает мне осознать, что пора приступить к действиям. Она будет нуждаться в еде и питье, и теплой, новой одежде. У нее будут вопросы..., и она будет сердита на меня. По непонятной причине, мысль о ее гневе меня забавляет. Такое впечатление, будто в своем затруднительном положении она обвиняет меня. Будто я могу управлять кхай и сам выбрать себе пару. Я фыркаю и снова начинаю отмывать ее грязную кожу. Грязная вода стекает с нее, и требуется мыть бесчисленное количество раз, пока ее кожа не приобретает свежий вид, который меня удовлетворяет. Я также промываю ее волосы, и это неожиданно поражает меня, потому что то, что мне показалось темным и ничем не примечательным, теперь приобрело темно-золотой цвет. Они мягкие и слегка запутались, и я вынимаю гребень с двойными зубцами из своей сумки, а затем медленно вычесываю по горсткам разделенные влажные локоны, пока они не начинают выглядеть опрятными и мерцать в свете от костра, и протекают сквозь мои пальцы как мягкая, покрытая перьями листва *сэшрем* дерева. Я считаю, что это — ее самая привлекательная особенность, потому что все остальное у нее столь мягкое и слабое, что не знаю даже, что и думать. Так же у нее тяжелые груди, но не заостренные. Ее соски на коже едва заметны. Это странно.

Я заканчиваю ее купать и вытаскиваю запасную тунику и юбку из сумки, которую нес на плече. Для людей Шорши у женщин нашего племени мы забрали старую одежду, но когда выяснилось, что людей одиннадцать, а не пять, как мы ожидали, одежда стала бесценным товаром, и я утаил, что смог, для своей пары. Я надеваю их на нее, как могу, а затем укладываю ее спать у костра, тогда я решаю перекусить дорожным провиантом. Еда застревает у меня в горле. Трудно есть, когда моя пара прямо здесь, а ее ноги покрыты длинной кожаной юбкой. Я мог бы с легкостью скользнуть между ее ногами и спариться с ней, а ее тело было бы счастливо приветствовать мое.

После этого она будет смотреть на меня с еще большей ненавистью в глазах. Я отмахиваюсь от этой мысли и потираю выпуклость в паху, пока боль не отпускает, а затем решаю отправиться на охоту для моей пары.

Свежая еда. Именно в этом она нуждается. Я заставляю себя выйти из пещеры наружу и забираю с собой свое охотничье копье.

ЛИЗ

Все болит. У меня такое ощущение, будто я только что очнулась после круглосуточного запоя. У меня кружится голова, моя кожа вся горит, а также болит нога.

Но что немного странно? Я совсем не устала. Нет душераздирающей боли, которая была

моим постоянным спутником с момента прибытия на эту планету. Я чувствую запах чего-то нового, фруктового и поворачиваю голову, осознавая, что лежу в гнезде шкур. А приятный запах?

Это мои волосы.

Это заставляет меня моментально очнуться. Я сажусь и озираюсь вокруг. Я неделями не принимала душ, чтобы освежиться, и, видимо, уже привыкла, что от меня воняет сточной канавой. Однако мои волосы чистые, мягкие и расчесанные, и на мне надета чистая одежда.

Мои ноздри подрагивают, а мое дыхание учащается. На мне надета чистая одежда. Кто-то, черт возьми, раздел меня, пока я была без сознания.

Тяжелые шкуры покрывают мои ноги, есть разведенный костер и тренога с чем-то, что пахнет в основном как чай. Я несколько озадачена.

Пока я сижу, крупная фигура входит в маленькую пещеру и маячит в дверном проеме.

Рáхош. Он приподнимает подбородок при виде меня, бодрствующей, а затем бросает свежую дичь на пол пещеры. Тогда он встает, спиной ко мне, и занимается защитной кожаной откидной створкой, которая выступает в качестве двери.

Один его вид напоминает мне причину, по которой я была без сознания. Вошь. Она внутри меня. Я хныкаю, и мои пальцы двигаются к ране, которая должна быть у меня на шее, рана, которую Рáхош нанес мне, когда я передумала.

Она исчезла.

Она полностью закрылась. Существо находится внутри меня. Я царапаю свою шею, отчаянно пытаюсь извлечь его.

Пока я это делаю, Рáхош решительно налетает на меня и хватает за руки, оторвав их от моей шеи. Когда он касается меня, моя грудь начинает грохотать. Сначала я думаю, что это — мой живот, но грохот становится все громче, пока в ответ моя грудь практически не вибрирует. Я мурлычу... для Рáхоша.

Не хочу.

Я борюсь против него, теперь уже в смеси ярости и отчаянии. Я не хочу вошь. Я не хочу Рáхоша. Мне ничего из этого не нужно. Я пинаюсь, огрызаюсь и дерусь с ним, пока он держит меня за запястья. Я пытаюсь добраться до моей шеи, но он мне не дает. Он не дает мне расцарапать ее. Инопланетянин хватает меня за челюсть и вынуждает встретиться с ним взглядом

Затем он слегка качает головой. «Нет», показывает он мне.

Ладно, к черту это. И его тоже к черту. Миг спустя, испытывая меня, он отпускает мои руки.

Я с боку врезаю кулаком ему по лицу.

— Одеваешь меня, пока я без сознания, сукин сын? Моешь меня? Черт возьми, через силу внедряешь вошь внутрь меня? Ненавижу тебя!

Каждое выкрикнутое слово подчеркивалось ударами рук и пинками ног, пока я, колотя его, не преодолела вихрь гнева.

Его единственный ответ?

Раздраженный вздох. Затем он снова хватает меня за запястья, закручивает их за спину и толкает меня в шкуры.

— Нет! — взвизгиваю я, как раз тогда, когда моя щека соприкасается с мягкими шкурами.

Он бормочет что-то на инопланетном языке, а затем я чувствую, что шнуры окружают

мои запястья. Засранец связывает меня!

Как только я думаю, что Ра́хош не может быть еще большим придурком, он удивляет меня.

— Я так сильно тебя ненавижу, — рычу я.

Он заканчивает связывать мои руки и передвигается связать мои ноги, а затем возвращается к расположенному рядом костру, будто ничего серьезного не произошло.

Задыхаясь от бешеного гнева, я пристальным взглядом быстро осматриваюсь вокруг маленькой пещеры. Где мы?

— Где все остальные?

Он сдирает шкуру с тушки маленького животного и начинает разделять его, игнорируя мои вопросы. Он отрезает маленькие кусочки и кладет их на горячий камень. Его губы кривятся, когда они начинают шипеть и жариться, и его взгляд скользит на меня.

Мой живот урчит. Хуже того, моя грудь все еще напевает из-за реакции моей воши на него. Если это значит то, что я думаю, то...

Я только что приобрела себе инопланетного мужа.

Вот черт!

Этого парня?

Я стону, потому что это совсем не то, что я хотела. Если я должна заполучить инопланетянина, почему это не может быть милый улыбающийся парень? Кто-то, у которого улыбка светится при виде меня, и который относится ко мне как к сокровищу? Кто-то, кто смотрит на меня, как Вэктал смотрит на Джорджи?

Вместо этого, у меня инопланетная версия Сердитого Кота^[4], и он только что бросил лассо и связал меня как теленка на родео. Засранец!

Я опускаю голову на одеяла, пытаюсь успокоиться.

— Ладно, — говорю я никому в частности. — Ты здесь, Лиз. Если жизнь дает тебе лимоны, делай лимонад. Ты выжила. Ты здорова,... несмотря на паразита внутри, — я устраиваюсь, пытаюсь согнуть свои связанные руки. — У тебя появился новый друг и милая теплая пещера. И кто-то готовит ужин для тебя вместо того, чтобы ужином была ты. Все могло бы быть гораздо хуже.

Я поднимаю взгляд на Ра́хоша.

Он смотрит на меня, потом кончиком ножа спокойно переворачивает кусок мяса, обжаривая его с другой стороны. Очевидно, что его не слишком занимал мой разговор, что только еще раз подчеркивает то, что он не один из инопланетян, которые получили «загрузку» языка. Я не удивлена — недружелюбному сукиному сыну, вероятно, не нужна была жена.

— Итак, он не говорит на английском, — я выдыхаю, перекручивая связанные руки. — Уверена, ты в любом случае можешь общаться с ним, Лиз. Просто включи свои мозги.

Я на минуту задумываюсь. В старой южной поговорке говорится, что мух легче ловить на мед, чем на уксус. Очень плохо, так как сейчас я лопну от мочи и уксуса, но ненадолго я попытаюсь быть сладким медом.

— Эй, Ра́хош? — мой голос слаще сахара.

При звуке своего имени он замирает возле костра. Его глаза сужаются.

Я поднимаю руки и указываю на них в меру своих сил.

— Хочешь снять их с меня? Я не обещаю, что буду вести себя хорошо, но ты ведь этого не знаешь, не так ли? — я продолжаю поощрительно улыбаться. — Милый инопланетянин.

Хороший инопланетянин. Иди сюда, освободи хорошего человека.

Он моргает.

Я снова поднимаю руки и извиваюсь на шкурах. От этих движений мои соски трутся о ткань моей туники и..., вот дерьмо. Я должна прикусить стон, который грозит сорваться с моих губ.

Я так чертовски возбуждена. Глупая вошь.

Я плотно сжимаю вместе бедра, желая, чтобы существо прекратило барабанить у меня в груди. «Хватит», — веляю я ему. «Прекрати сейчас же». В конечном счете, оно успокаивается, и я снова смотрю на Ра́хоша. Он собирает приготовленные куски мяса в маленький мешочек, а затем идет в мою сторону.

— Освободишь меня, Ра́хош? — я киваю на свои руки.

В ответ он засовывает кусок обуглившегося мяса мне в рот.

— Я просто ненавижу этого парня, — говорю я в то время, как жадно жую. — Лимонад не возможно сделать, когда лимон такой огромный член.

Он лишь пихает мне в рот еще один кусок, не обращая внимания на мои страдания.

После того, как заканчиваю есть, я снова засыпаю, несмотря на связанные руки, а когда просыпаюсь, снаружи темно. Огонь в костре окружен валом, но все еще дает приглушенный свет, и здесь, пожалуй, уютно и тепло, несмотря на воющий снегопад, поступающий снаружи через вход в пещеру.

Ра́хош исчез.

Так же исчезли веревки на моих запястьях и ногах.

Я сажусь, протирая глаза. После моего второго сна я чувствую себя лучше, почти вся боль и ломота в костях прошли. Хотя, не знаю, где сейчас могут быть остальные, мне интересно, почему здесь только мы с Ра́хошем. Я даже не могу спросить его. Это было частью плана? Я так не думаю, потому что представляю себе недавно пробужденных человеческих девушек, пытающихся справиться с ситуацией, будучи отделенными от группы и где-то вдалеке спаренной с незнакомцем, и я не могу себе даже представить, что кто-либо полагал, что это хорошая идея.

— Эй? — спрашиваю я в пустоту.

В пещере тишина, практически темно. Я здесь одна.

На одно мгновение я думаю о возможности сбежать. Просто сбежать и этим передать Ра́хошу огромный пошел-ты-на-хрен. Но я не идиотка. Я понятия не имею, где я или куда он меня забрал. Я ничего не знаю об этой планете и не кретин ли этот инопланетянин? На данный момент он мой лучший шанс выжить.

Но я невероятно рада, что сейчас он ушел... потому что я так чертовски возбуждена.

Я не хочу быть возбужденной. Честно говоря, такого сексуального мгновения, пожалуй, я в жизни не испытывала. Меня похитили инопланетяне, я вынуждена проживать на ледяной планете, а теперь я, по сути, замужем за мистером Высокий, Мрачный и Жутко-раздраженный.

Однако, именно тогда, когда я вспоминаю о Ра́хоше, его мысленный образ заставляет мою вошь пуститься в действие. Она начинает мурлыкать у меня в груди, сотрясая мои сверхчувствительные груди и натирая мои соски о плотную ткань туники.

Я стону и падаю обратно на одеяла.

Возникшие ощущения... слишком приятные. Это не справедливо.

Я руками скольжу под туникой и обхватываю свои груди ладонями. О, Боже, они так сильно ноют. К тому же я чувствую голодную пустоту у себя между ног. Мне нужен секс и нужен отчаянно.

А единственный парень рядом — Ра́хош с его высоким, подтянутым телом и постоянно нахмуренным лицом.

Черт, вот уж спасибо тебе, вошь. Премного благодарна!

Тем не менее, я снова представляю Ра́хоша, и моя рука скользит под юбку.

Моя киска намокла, мои завитки влажные и скользкие от желания. Я чувствую, что мои половые губы набухли и ноют, а когда я скольжу пальцами по слишком чувствительному клитору, я чуть ли не кончаю прямо здесь и сейчас. Я стону вслух и начинаю трахать себя пальцами.

Быть может, мастурбация по-быстрому, пока Ра́хош еще не вернулся, это то, в чем я нуждаюсь, чтобы держать вошь под контролем. Даже сейчас, когда я убеждаю себя в этом, мысленный образ Ра́хоша заполняет мой разум, и я представляю его мускулистые, широкие плечи обнаженными, когда он наклоняется надо мной. Я представляю его четко очерченные, не улыбочивые губы шипящими от удовольствия, когда он погружается в меня, и мы начинаем трахаться.

Вот здорово, теперь я уже мастурбирую на инопланетянина. К тому же, собираюсь возложить вину за все на вошь. Мне не нравится этот парень. Не нравится.

Все же, не могу отрицать, что от мысли, что мы трахаемся, я чертовски сильно истекаю влагой. Я скольжу пальцем в себя и хныкаю, потому что этого недостаточно. Я нуждаюсь в нечто большем. Я нуждаюсь в нем. Но в данный момент подойдет и мастурбация. Я помещаю свой большой палец на клитор и начинаю потирать, изгибаясь дугой в шкурах.

— Ра́хош, — стону я, скользя большим пальцем по клитору.

И как это ни странно, этот сукин сын появляется в дверном проеме пещеры, словно я позвала его.

Это я и делала.

Меня поймали на горячем. С просунутой в штаны рукой.

Стонущей его имя.

Я никогда в жизни не смогу это пережить.

РАХОШ

Уже поздней ночью я слышу, что снаружи пещеры, откуда-то издалека доносятся какие-то звуки. Готовый защитить моего спящего человека, прихватив свое копье, я спешу наружу, чтобы разобраться с тем, что там происходит. Пребывать самому по себе, в полном одиночестве на охотничьих угодьях несомненно опасно, и хороший охотник всегда должен быть готов к испытаниям. Это оказалось стадо двести, которое неподалеку проходило мимо. Я наблюдаю за ними некоторое время, изучая самок. Лишь у немногих из них нет детенышей, и, когда рассветет, было бы неплохо выследить одну из них и заполнить свою маленькую пещеру щедрым обилием пищи для моей пары. Эта мысль весьма приятна, и я возвращаюсь в пещеру в приподнятом настроении, несмотря на поздний час...

Только, чтобы найти ее наполненной мускусным запахом секса и мою пару, прикасающейся к своему странному третьему соску между ног, в то время как она стонет мое имя.

Зрелище наполняет меня восторгом, и мой член твердеет от желания. Кхай у меня в груди напевает. Она готова спариваться. Она... она...

Я должен вспомнить ее имя.

Я делаю шаг вперед, наблюдая, как она вытаскивает руку из-под юбки, издав слабый крик. Моя пара неуклюже отодвигается на шкурах назад, однако доказательство того, что она делала, уловим ароматом в воздухе. Он призывает меня так сильно, что я практически чувствую его на своем языке, и в ответ мой член вздымается и пульсирует.

Кхай в ее груди резонирует, и я наблюдаю, как она одной рукой тянется к своей груди, будто пытается заставить его замолчать. Мой собственный кхай напевает в ответ. Такое приятное ощущение. Отличное. Меня не волнует, что она маленькая и хрупкая, и не ша-кхай. Меня не волнует, что у нее личико плоское и гладкое. Меня не волнует даже то, что я ей не нравлюсь.

Она моя. Мое тело, да и ее тоже — оба об этом знают.

— Нет, — она шипит в тот момент, когда я делаю шаг вперед. Моя пара поднимает руку и в отказе мотает головой. — Не смей прикасаться ко мне. Ты не получишь этого.

Она снова отвергает меня? Я вздыхаю, находя это совершенно невероятным. Этому человеку нельзя слепо верить. Тем не менее, я замираю на своем пути, наблюдая за ней. Хочется увидеть, что она будет делать. Она непредсказуема.

Я... поражен этим.

Ее пальцы снова ласкают ее складочки, и запах возбуждения наполняет воздух.

— Мне это не нравится, — говорит она, лаская тот странный сосок между ногами, содрогаясь от прикосновений. — Ни одна женщина в своем уме не может быть возбуждена в подобной ситуации. Но могу ли я прекратить прикасаться к себе? Нет! Потому что лишь одна мысль о сексе вгоняет меня в такую дрожь, что даже вообразить не возможно.

Ее пальцы, смазанные ее соками, потирают вверх-вниз.

Я издаю стон от восхитительного зрелища и разминаю свои ладони. Потребность прикоснуться к ней — дело, которое явно не терпит отлагательств..., впрочем, у нее на лице такое угрюмое выражение. Так что я сжимаю кулаки и сдерживаюсь в ожидании увидеть,

что она будет делать. Джорджи ведь не дралась с Вэкталом, когда он заявлял на нее права?

Только вот... моя пара явно думает обо мне. Она стонет мое имя, в то время как касается себя. Воспоминания о том, что с ее губ срывалось мое имя, умиротворяют мое разочарование, и я сужаю глаза, наблюдая за ней.

Она снова с шипением втягивает воздух в легкие и все продолжает ласкать себя.

— Я делаю это не потому, что так хочу, — говорит она. — Я делаю все это только потому, что вынуждена. Потому что эта штука, жужжащая в моей груди, не позволяет мне остановиться.

Она снова касается себя, ласкает тот сосок, а затем окидывает меня таким расстроенным и обозленным взглядом, что меня терзают душевные муки от жалости к ней. Вэктал говорил, что человеческие обычаи насчет спаривания отличаются от наших. Она, должно быть, ощущает себя беспомощной.

Мой человек, издав стон, откидывает голову назад и прикусывает маленькую розовую губу. Ее пальцы кружат вокруг соска все быстрее. Очевидно, что она на краю освобождения, и у нее даже в мыслях нет намерения, дать мне хоть на секунду прикоснуться к ней.

Гнев разгорается во мне ярким пламенем. Неужели она считает, что для меня это одно сплошное развлечение? Что я в силах наслаждаться парой, которая отвергает мои прикосновения? Неужели она считает, что я не страдаю от того же кхай-сумасшествия, как и она? Что я не горю по ее прикосновениям? Не мечтаю погрузить свой член в ее влажное тепло? Она считает, что одинока в этом?

Или я вообще не имею для нее совершенно никакого значения?

Если она так сильно хочет получить свое собственное удовольствие у меня на глазах и держать меня в эмоциональных заложниках, то я проделаю то же самое. Я расстегиваю крепления своих штанов и освобождаю ноющий член. Он выпирает наружу вздувшийся и длинный.

Моя пара задыхается от моего вида и на мгновение приостанавливается в своем бешеном трении.

— Ох, ты гребаный божок.

Ее слова — сплошная чепуха. Что-то о совокуплении и духах, тем не менее, выражение ее лица говорит мне все, что нужно знать, так же, как и ее приоткрытые губы.

Знаю, что в этом я поистине благословлен. У меня самый крупный член во всем моем племени. Я видел, как купаются другие мужчины, и они и близко не дотягивают до моего обхвата и длины. Я беру свой член в руку, довольный тем, что ей нравится этот размер, и начинаю его поглаживать, медленно перемещая руку вверх-вниз, позволив ей смотреть.

— Это — самый огромный член из всех, что мне доводилось видеть, — выдохнула она. — Никаким чертовым образом он не влезет.

Я улавливаю лишь около половины из того, что она говорит, но человек облизывает свои губы, и ее пальцы вновь начинают скользить по ее складочкам. Мое собственное дыхание срывается от этого зрелища. Она собирается прикоснуться к себе, любуясь, как я прикасаюсь к себе?

Из моей груди вырывается глухой стон, и рукой я снова начинаю поглаживать свой член. Я позволяю ей смотреть. Наблюдать за каждым движением моей руки, как я провожу по всей длине, резко двигая своим запястьем. Как я кружу по всей поверхности головки, а затем снова отступаю обратно к толстому основанию. «Смотри на меня», — безмолвно приказываю я ей. — «Смотри, как я ласкаю себя при виде тебя».

И все это время мой кхай напевает и резонирует в моей груди, да так громко, что моя кровь громом гремит у меня в ушах.

Я слышу, что ее кхай отвечает моему, все более усиливаясь в громкости, и она начинает стонать.

— О, боже, я чувствую, что он жужжит сквозь всю меня.

Ее рука все ускоряется, и она потирает свой маленький сосок между ног все более быстрыми движениями. Ее взгляд снова направлен на мой член, и она облизывает губы.

Я издаю стон при виде этого. Предугадывает ли она, каким именно я бы был на вкус у нее во рту? От этой мысли даже нервы щекочет. Представляю, как скармливаю ей свой член, головкой обводя эти мягкие, пухлые губы... И как она произносит мое имя, когда берет его в рот. Очень похоже на полное бесстыдство.

Я закрываю глаза, потому что вся моя выдержка уходит на то, чтобы сохранить контроль. Даже от одной мысли об этом я готов расплескать фонтаном свое семя по всему полу пещеры. Сначала хочу увидеть, как кончает она.

Моя пара все еще говорит, явно считая, что я не понимаю ее. Этот человек — большая болтушка. Я открываю глаза, чтобы увидеть ее, и убеждаюсь, что она все еще по-прежнему пристально смотрит на мой член.

— Поверить не могу, что у тебя наросты на чертовом члене, — заявляет она, рукой неистово лаская свои складочки. Другой рукой она, подбираясь под тунику, обхватывает грудь и шипит от удовольствия. — Впрочем, я не имею ни малейшего понятия, что еще может быть более возбуждающим помимо этой вибрирующей штуковины, но от нее я совсем с ума схожу, — ее пальцы с влажным звуком скользят внутрь влагалища, а затем она начинает стонать еще громче. — Вот черт, я кончаю.

У меня раздуваются ноздри, пока я наблюдаю, как она вся дрожит и откидывает назад голову от стремительного напора оргазма. Шея и все ее тело напрягается, тогда как аромат секса в маленькой пещере становится еще гуще. Ее пальцы ласкают влагалище еще сильнее, и она задыхается, издавая приглушенные звуки, когда доводит себя до освобождения.

Она кончила благодаря тому, что наблюдала за мной. Ее возбуждали мои действия, пока она внимательно следила за моим членом.

Я чувствую мощный прилив гордости и похоти от одной мысли об этом. Потребность обладать ею становится намного сильнее прежнего, но я помню каждое слово Вэктала. «У людей ритуалы спаривания не такие, как у нас». Возможно, это — один из них. Возможно, я, неправильно понимал поведение и жесты моего человека. Возможно, она не отталкивает меня от себя — может, это просто такой способ, так она дает мне понять, что заинтересована. Один из шагов в направлении ритуала ухаживания.

Я снова начинаю жестче ласкать свой член, когда ее веки, подрагивая, открываются, и ее влажные, блестящие пальцы выходят из ее влагалища. В немом оцепенении моя пара наблюдает, как я зажимаю свой член, и опять же, я представляю себе, что она ближе, настолько близко, что могу чувствовать ее дыхание на своей коже. Она все еще наблюдает за мной, и в этот момент мне хочется предьявить права на нее, чтобы она знала, что я делаю это для нее. Мой член, мой кхай, мой резонанс — все это теперь принадлежит ей.

Ей.

Когда-то она называла свое имя, и оно крутится у меня на кончике языка. Как раз сейчас я его вспоминаю. «Лиз».

И не забываю произнести его, когда кончаю.

Ну... это было запредельное бесстыдство.

Я не ожидала, что он застучает меня, ласкающей себя. Стонущей его имя? Это только удваивает унижение, что приводит меня в бешенство, и я начинаю мастурбировать в качестве преднамеренной демонстрации собственной независимости. Чтобы показать ему, что он не владелец моего тела, как он считает. Эта вошь мне не начальник.

А что сделал он? Мигом выхватил свой огромный член и кончил за компанию.

Самое худшее? Это было потрясающе сексуально. Вид того, как эта огромная рука ловко поглаживает вверх-вниз его длину, дал мне понять, как именно ему нравится, когда к нему прикасаются. Добился, что я стала более влажной, чем когда-либо прежде.

В этом я виню вошь. Я должна быть потрясена. Мне нужно было прекратить прикасаться к себе в тот момент, когда он застучал меня. Вместо этого, на взаимной основе мы совокупляли самих себя до безумия. А сейчас я откидываюсь на спину, тяжело дыша и чувствуя себя измотанной. Его семенем забрызган весь пол пещеры, и он с вызовом в этих своих светящихся синих глазах смотрит прямо на меня.

Я сворачиваюсь на одеялах, укрывая ими свои ноги.

— Если думаешь, что я стану это убирать, то подумай-ка еще раз.

Однако это напоминает мне, что моя рука влажная от моих собственных соков, и я не хочу вытирать ее своей хорошей чистой одеждой — не после купания в течение всех этих недель в своих собственных нечистотах.

Я расстроено смотрю на свою руку.

К моему удивлению он приближается, абсолютно голый. Я задыхаюсь и отодвигаюсь назад, прижимаясь к стене пещеры.

— Не прикасайся ко мне! Не...

Он хватает меня за руку и наклоняется, обнюхивая ее. Затем, пристально глядя на меня, инопланетянин облизывает мою ладонь и пальцы.

— О, Господи, — я протяжно стону. — Ты, несомненно, самый ужасный развратник, не так ли?

Я пытаюсь выдернуть свою руку, но она крепко зажата в его хватке, Ра́хош вылизывает каждый дюйм моей ладони и пальцев. Все это время его огромный инопланетный член находится в нескольких дюймах от моего лица, и он снова тверд. Он ни за что не получит второй раунд. Я извиваюсь из его захвата, ненавидя, что его язык на моей плоти заставляет вошь заводиться заново. В конечном счете, он отпускает меня, и я резко отодвигаюсь от него прочь.

— Извращенец! — этот мужчина раздевал меня, пока я была без сознания, и он явно не скромничает, предъявляя права на мое тело. Это выводит меня из себя... и бесит, что от этого я еще и возбуждаюсь.

Неизменно считаю виновной вошь.

Я толкаю инопланетянина в живот, пытаюсь заставить отойти на пару шагов назад.

— Уйди. Слышал когда-нибудь о личном пространстве?

Он смотрит на меня, а его член сейчас прямо на уровне моих глаз. Это дает мне шанс хорошенько рассмотреть «бонусы» его анатомии. В смысле, он — инопланетянин, так что я

не рассчитываю, что он будет похож на парней в клубах на Родине, но я немного раздражена, что Джорджи никогда даже не заикалась ни о чем подобном, когда говорила о том, что эти парни искали жен. У него над членом какой-то чертов рог. Он не заострен как рога у него на голове, но выглядит почти как еще один большой палец, торчащий над его хозяйством, и я не имею ни малейшего понятия, для чего это чертовщина предназначена. Куда интереснее то, что его член — кстати, не то, чтобы я тщательно его изучаю — по всей поверхности имеет такие же наросты, что и на его руках и груди.

Это так странно.

Я совсем не завожусь от него.

Ни капельки. Неа.

Вошь в моей груди напевает, и я хлопаю по ней, чтобы заставить ее замолчать.

Чертова вошь.

Я пытаюсь вытащить шкуры из-под ног Ра́хоша.

— Можешь отдать мне их, пожалуйста?

К моему облегчению, он отходит в сторону, и я хватаю одеяло, заправляю его вплотную вокруг своего тела и ворчу, когда закрываю глаза и пытаюсь снова заснуть. Вошь в моей груди лишь продолжает мурлыкать, как какая-то тупица, но у меня плохое настроение, и я несколько не испытываю посторгазменного блаженства.

Такое ощущение, будто от мастурбации становится даже еще хуже, а не лучше. А это... полный отстой.

Впрочем, я по-прежнему совершенно измотана. Все мои инстинкты говорят о том, что нужно выспаться. Ладно, на самом деле, они говорят мне, что нужен секс, ну а потом уже сон. Впрочем, я могу дать телу выспаться. Я закрываю глаза и пытаюсь не обращать внимания на Ра́хоша, который наматывает круги в дальнем конце пещеры. Не думаю, что он попробует выкинуть какую-нибудь шуточку; если бы хотел, то уже давно сделал бы это. Так что даже если я наедине с чокнутым инопланетянином в пещере, и у нас только что на взаимной основе был бешеный фестиваль мастурбации, я погружаюсь в сон.

Когда я просыпаюсь утром, я совсем не удивлена, что ощущаю большое теплое тело, которое прижимается к моему. Ра́хош уж точно не мистер Соблюдаю Границы, но если все, что он делает, — это спит, то я переживу. Я зеваю и сажусь, быстро ускользая от него.

Его большая рука автоматически оборачивается вокруг моей талии. Он ворчливо бурчит и тянет меня обратно к себе вниз, затем устраивает нас вместе на одеялах.

Типичный мужчина. Я с трудом отодвигаю его руку от себя.

— Кое-кому из нас нужно пописать.

Я выскользываю из его рук и, спотыкаясь, поднимаюсь с одеял. У меня дрожат ноги, однако я чувствую себя сильной. Я пытаюсь пошевелить пальцами ног, и они двигаются, кстати, прямо-таки превосходно. Удивительно. Быть может, это не самая худшая в мире вошь? Хотя, с другой стороны, у нее ужасный вкус на мужчин.

Пол пещеры хорошо очищен, а в угасающем очаге догорают угли, что говорит мне о том, что Ра́хош спит не очень долго. Я зеваю и оглядываюсь в поисках обуви, но единственное, что вижу, — его сапоги. Яжимаю плечами и засовываю свои ноги в них, затем топаю наружу в снег, чтобы сделать свои дела.

Не отхожу далеко, потому что не дурочка. Тут все инопланетное и абсолютно чуждое, а также вокруг может быть полно всяческих опасных существ. Я останавливаюсь не далеко от входа в пещеру, и меня не удивляет, когда, оборачиваясь, вижу Рахоша с сонным лицом и копьем в руках, готовым меня защищать.

Или, возможно, чтобы поймать меня.

— Я никуда не собираюсь уходить, — говорю я ему. — Только если здесь за углом нет Старбакс^[5], — он жестом указывает на вход в пещеру, и я закатываю глаза, возвращаясь обратно внутрь. — Куда, по-твоему, я могу отправиться? Я понятия не имею, где я, и даже не представляю, в каком направлении находятся все остальные. Думаешь, я просто выберу направление и решу пустить все на самотек? После всего, через что мне пришлось пройти?

Когда он просто стоит и смотрит, я вздыхаю.

— Неважно. Я, очевидно, говорю с кирпичной стеной. Между прочим, благодарю тебя за мое похищение. За то, что сделал дерьмовую ситуацию еще хуже. Я искренне благодарю за это. Ага.

Он впивается в меня взглядом и снова жестом указывает на вход в пещеру.

— Отлично. Я как раз шла именно в том направлении.

Я захожу внутрь пещеры и плюхаюсь возле костра. Требуется всего один миг, чтобы понять, что я больше... не дрожу от холода? Или в этом месте я абсолютно онемела от холода, или вошь творит свое волшебство. Конечно, прохладно, но я могу накинуть теплую куртку, однако больше нет ощущения, будто мои ноги вот-вот превратятся в глыбы льда. Я сажусь на шкуры и, скинув его сапоги, предлагаю их ему обратно.

Мужчина, прищуриваясь, принимает их. Затем внимательно их рассматривает, словно я каким-то образом устроила в них начиненные мины-ловушки за прошедшие три секунды, пока снимала их с ног.

Я фыркаю.

— Сделай мне какую-нибудь обувь, и я не буду красть твою, — я убираю прядь волос со своего лица. Они все еще чистые, блестящие и вкусно пахнут, но в тоже время напоминают волнистый беспорядок, судя по высохшим спутанным колтунам. Я должна заплести их и покончить с этим. Я пытаюсь сесть со скрещенными ногами, но моя длинная кожаная юбка мешает моим ногам. Штаны. Мне нужны штаны. Штаны, обувь и что-то, чем собрать мои волосы. — Я так понимаю, что в этом жилище кофе вообще нет? — спрашиваю я его, прекрасно зная, что он не может ответить. — Если планируешь держать меня в плену, я буду самой требовательной, скулящей пленницей, с которой ты когда-либо имел дело, так что просто будь готов, варварский засранец.

Рахош приседает возле костра, не обращая внимания на мои оскорбления. Он берет один из своих ножей из кости и подталкивает угли прямо в центр, разводя огонь и усилив его, так что пламя оживает. Затем мужчина идет в дальний конец пещеры и хватает пару брусков того, что я надеюсь, торф, а не помёт. Он подбрасывает их в огонь и снова перемешивает его своим ножом. Все это время я наблюдаю за ним. Когда он ходит, я пытаюсь не замечать, что у него такие совершенно особенные, грациозные движения, почти как у танцора. Или, что его штаны сделаны из какой-то странной кожи, соединенной так, будто они скреплены вместе с набедренной повязкой, и та очерчивает кое-какое довольно интересное оснащение, которое вчера я видела с удивительно близкого расстояния. Мышцы его ног так и играют нечеловеческой красотой, когда он снова приседает на корточки у костра, а его хвост резко выстукивает ритм по полу, стегая как раздраженный кот. Он на

меня сердится? Или это означает что-то другое?

— Сейчас, если задуматься, ты чем-то напоминаешь мне кота, — говорю я ему. — У тебя хвост просто в бешенстве, и могу поспорить, если я тебя поглажу, ты замурлыкаешь. Эй! Если бы я еще могла заставить тебя погоняться за мышонком и оставить меня одну...

Он снова смотрит на меня, прищутив глаза.

— Я говорю о еде, — лгу я, сохраняя свое выражение лица веселым. Жестами я показываю употребление пищи. — Как насчет каких-нибудь вкусняшек, чтобы заполнить мое пузико, Усатик^[6]?

Мужчина вставая, издает рык и честное слово, я не обращаю внимания на него или его большие, каменно-твердые бедра. Я этого не делаю. Я этого не делаю. Он снова идет в дальний конец пещеры, где лежит мешок, в котором он содержит личные вещи, и вытаскивает оттуда кожаный мешок для воды. Я уже видела такой. Моему папе всегда нравилось пользоваться «старой школой», что касается привычек, когда он отправлялся на охоту, у него был один такой мешок для воды очень похожий на этот. Я протягиваю руку к нему.

Ра́хош слегка его встряхивает, дав воде взболтаться на самое дне. Затем он поднимает его к своему рту.

— Тупица! — я выражаю крайнее возмущение. — Ты что, издеваешься надо мной?

Прямо перед тем, как сделать глоток, он смотрит на меня сверху вниз, и дьявольская улыбка появляется на его лице.

Я тут же начинаю мурлыкать, мой пульс начинает отбивать у меня между ног. Проклятье, вошь, сейчас не лучшее время!

— Да ты точно прикальываешься надо мной, — ворчу я, но он протягивает мне кожаный мешок с водой, а затем гладит меня по щеке, указывая, что это все мое. Мне не очень нравится его игривая сторона. Не нравится. Совсем не нравится. В любом случае, я определенно не улыбаюсь. И все же у меня подергиваются губы в намеке на улыбку, потому что не очень-то хорошо слушаются.

Я пью воду, слегка разочарованная тем, что это не кофе, и оставляю немного ему, потому что не хочу показаться сволочью. Ра́хош отпивает, затем возвращается ко входу в пещеру, набивает теперь пустой кожаный мешок снегом и завязывает, затем вешает его на небольшой выступ в стене.

Пока я наблюдаю, он надевает свои сапоги.

— Ооо, мы отправляемся на охоту? — очень взволнованно говорю я. Я поправляю свою одежду и встаю на ноги. — Я раньше помогала охотиться моему папе. Я отлично стреляю из лука. Конечно, прямо сейчас лука у меня нет, но у меня отличная идея. Если сможешь привести меня к какому-нибудь дереву в лесу, я, наверное, смогу сделать его. Понимаешь, я уже делала такой на уроках труда в средней школе.

Он ничего не говорит, просто надевает один сапог, затягивая шнурки прямо под коленом, чтобы вся его голень была закрыта, и затем повторяет ту же процедуру с другим сапогом. Мужчина хватает свое копьё и затем, не оглядываясь на меня, направляется наружу.

Я смотрю, разинув рот. Вот ублюдок. Он просто полностью проигнорировал меня и отправился на охоту без меня. В бешенстве, я несусь вслед за ним, босиком... Примерно фута три. Тогда я сдаюсь, потому что даже вошь не может сохранить пальцы моих ног в тепле. Я вздрагиваю от холода и возвращаюсь обратно в пещеру, сердитая на моего похитителя.

Если он думает, что это лучший способ добиться меня, то у него не все в порядке с головой, так же как и с этими так называемыми отношениями.

Я возвращаюсь обратно в пещеру, сажусь у костра и жду возвращения моего болвана-похитителя.

РАХОШ

Моя Лиз — болтушка. Даже когда она думает, что я не понимаю ее, она бесцельно бродит и разговаривает, продолжая вести одностороннюю беседу. Для меня это странно, поскольку я всегда был молчаливым. Даже в моем племени шутят, что мне нравится самая тихая тишина.

Но, ... честно говоря, я и сам не знаю, что делаю.

Когда я покидал пещеру, она упомянула, что занимается охотой, и казалась разочарованной, что я не взял ее с собой. Моя женщина охотится? Думаю, это странно. Не то, чтобы наши женщины не в состоянии, но их так мало и они слишком ценны, что мы не смеем ими рисковать на очень опасной охоте. Может, когда Лиз признает то особое кхай-влечение между нами, мы отправимся на охоту вместе. Будем вместе отслеживать дичь, с легкостью жить в пещерах и спариваться долгими зимними ночами...

И Лиз все время будет болтать без умолку, отпугивая всю дичь в округе...

Идея все равно наполняет меня радостью. Подумать только, после столь долгого времени я могу обрести спутника жизни. У меня есть свое племя, но я всегда чувствовал себя... одиноким. Неудачником. Возможно, потому что у меня никогда не было пары или любовницы. Полагаю, что никто не хотел меня.

Тогда мое настроение резко ухудшается. Меня все еще никто не хочет. Лиз не хочет. Злясь на себя, я вонзаю торец своего копья в снег и использую его как трость для ходьбы. Ей придется передумать. Она должна. Я... не знаю, что сделаю, если моя собственная пара отвергнет меня, несмотря на то, что ее кхай принял меня.

От одной мысли об этом сама душа у меня страдает от одиночества.

Охота весьма ограничена тем, что повсюду лед, и мне требуется время, чтобы найти еду, которой хватит на нас двоих. Я подкрадываюсь к моей добыче и наношу удар в горло, прежде чем она сможет сбежать. Затем обескровливаю тушу и разрезаю ее от крестца до горла, так как не хочу, чтобы кровь сгустилась, прежде чем смогу вернуться к своей паре. Я вынимаю потроха и использую их как приманку для ловушек — силков, которые завтра проверю. Остальными вкусными органами я перекусываю, пока бегу назад к пещере, поскольку Вэктал говорил, что люди придирчивы и отказываются есть самые лучшие части дичи.

Когда я возвращаюсь в пещеру, волосы у моей пары влажные, будто она снова мылась. Кожаный мешок с водой вновь наполнен снегом, а она сидит в шкурах без юбки. Я приостанавливаюсь при виде изящного голого бока — изгиба ее ягодиц, от чего кхай начинает нещадно напевать у меня в груди.

Лиз сдвигается и аккуратно натягивает на поясницу шкуры, прикрывая их от моих глаз, ее лицо покрывается интересным розовым оттенком.

— Так трогательно, что ты вернулся, — заявляет она.

Мое сердце отбивает тяжелые удары. Что она под этим имеет в виду? Мой член столь

тверд и ноет необходимостью заявить права на нее, однако выражение ее лица не говорит, что она счастлива меня видеть. Это сбивает с толку. Разве есть еще какие-то человеческие традиции спаривания, о которых я не знаю?

Почему Вэктал не рассказал нам больше про ухаживания за людьми? Я в растерянности.

Я наблюдаю, как моя женщина костяным ножом проделывает дыру в своей юбке. На самом деле это уже вовсе не юбка — выглядит, будто она делает себе штаны. Это умно. Ее волосы заплетены в виде короны у нее на голове, и я впечатлен ее изобретательностью.

Еще я слегка обеспокоен — я сознательно оставил ее без обуви так, как боюсь, что она бросит меня в тот же момент, как получит свои сапоги. Я должен буду внимательнее следить за ней.

Грохот заполняет пещеру, и в какой-то момент я думаю, что это — ее кхай... но затем понимаю, что это — ее живот. Она проголодалась.

Я направляюсь к костру и из нескольких веток создаю вертел. Люди любят, когда их мясо сжигается, так что я сделаю это для Лиз. Я освежевываю существо и замечаю, что Лиз с интересом наблюдает. Похоже, она не испытывает отвращения, а я уж подумал, что будет.

— Это что, дикобраз? — спрашивает она, когда я отбрасываю в сторону кожу пернатого зверя. — Выглядит так, будто он родился от спаривания кошки с утконосом.

Я не знаю, что означают большинство этих слов. Я отрезаю длинные узкие куски самого сочного мяса с боков существа и насаживаю их на ветки, чтобы приготовить их на огне. Моя пара с интересом наблюдает, иногда высказывая замечания.

— Я не чувствую запахи еды так сильно, как ожидала, — говорит она. — Это необычно. Словно мой нос заложен, но это не так. Похоже, я не могу чувствовать запахи, как раньше, — она поднимает руку и нюхает себя под мышкой. — Даже запах пота у меня практически отсутствует. Это — вошь? Или такого рода особенности нормальны? Воняет ли девочка в лесу, если поблизости нет никого, чтобы почувствовать ее запах?

Ее бестолковый разговор все продолжается, и в итоге я беру один из кусков мяса с огня и обнюхиваю его. Оно выглядит ужасно... и это, вероятно, означает, что оно готово. Я протягиваю его ей, желая накормить свою пару.

Она тянется за ним, и прежде чем она может взять его, я тяну руку обратно. Лиз, нахмурившись, смотрит на меня.

— Серьезно? Мы снова играем в эту игру?

Она окидывает меня раздраженным взглядом и протягивает свою руку.

Ладно. С тем же успехом я могу разглядывать свою пару, когда у нее полные руки. Я даю ей мясо, и когда она берет его, ее руки заняты. Я наклоняюсь вперед и касаюсь пальцами ее лица, приглядываюсь к синему цвету ее глаз. Даже при том, что она пытается от меня отбиваться, мне очень нравится то, что я вижу — интенсивное синее сияние ее глаз, что говорит мне о полном здоровье ее кхай. Резонанс, который при моем прикосновении запускается у нее в груди, говорит мне, что наше спаривание беспокоит ее так же сильно, как и меня.

Хорошо.

Я сажусь на корточки и наблюдаю, как она откусывает кусочек мяса. В то время как она жует, у нее во взгляде появляется выражение разочарования.

— Вкуса вообще никакого не чувствуется.

Сам я ем очередной кусок сырого мяса и наблюдаю за ней. Ее маленькие, плоские черты лица искажаются, но она хватается за другой кусок на одном из вертелов и снимет

его.

— А почему я не могу попробовать это? — она наблюдает за мной, как я беру сырой кусок мяса и засовываю его себе в рот. Лиз облизывает губы, а мой член откликается, будто она облизывает его. Мой кхай отчаянно резонирует, и ее отзывается в ответ. Она не обращает на него внимания и сосредотачивается на моей еде. — Можно мне попробовать немного твоей?

Она указывает на сырое мясо, и я отрезаю кусок дичи. Я удивлен. Разве Вэктал не говорил, что его пара брезгует сырой едой? Но глаза Лиз широко раскрыты и полны любопытства, и она следит за моим ртом так, что заставляет меня вообразить, как мы оба спариваемся, и мои губы прижаты к ее мягкой, бледной коже.

Я дам ей все, что она попросит. Все, что угодно. Абсолютно все.

Я отрезаю для нее толстый, мясистый кусок мяса пернатого зверя. Когда она тянется к нему, я отмахиваюсь от ее руки. Если моя пара хочет мою еду, я сам накормлю ее. Моя пара окидывает меня раздраженным взглядом, когда я пытаюсь покормить ее, но я уже привык к этому. Через мгновение она послушно открывает рот, ожидая, что я покормлю ее.

С моих губ срывается низкий стон желания.

Она не открывает глаза.

— Ты просто извращенец, — говорит Лиз хриплым голосом и открывает рот пошире.

Я аккуратно просовываю кусочек мяса между ее губами. Мысли, которые у меня возникают относительно моей пары, плотские и с дурными побуждениями, потому что я представляю, как ее розовые губы двигаются по моей коже, лаская наросты вдоль моих рук и живота... а затем двигаются ниже.

Я не вполне уверен, произойдет ли это, но теперь, когда этот образ застрял в моем сознании, я не могу от него избавиться. Мой член напрягается под набедренной повязкой кожаных штанов, отчаянно требуя заявить права на мою пару.

В итоге, Лиз принимает мясо и медленно прожевывает его. Тогда она кивает головой и открывает глаза.

— Лучше. Намного лучше. Теперь я понимаю, почему вы, ребята, едите все сырое, — ее рука тянется к моему колену, и она окидывает меня наивным, невинным взглядом, который в свое время я повидал на лицах маленьких детей, пытающихся задобрить родителей. — Я могу есть твое? — она указывает на мясо, которое я отложил в сторону для себя.

А затем, чтобы особо подчеркнуть свой вопрос, ее большой палец поглаживает мое колено.

Я насильно сдерживаюсь из-за больших глаз и простого прикосновения. Знаю, все это, чтобы манипулировать мной, но мне плевать. Пока она так держит свою руку, я скормлю ей каждый кусок мяса в пещере. Я отрезаю для нее еще один кусок и снова скармливаю ей, очарованный движениями ее маленького рта и довольным выражением ее лица.

Рука на моем колене. Я бы отдал, что угодно, чтобы она была под моей набедренной повязкой и ласкала мой член.

Я скармливаю ей кусочек за кусочком, и мой человек принимает их от моей руки, а ее кхай напевает. Сам я уже совсем забыл про еду. Близость моей пары теперь занимает все мои чувства.

В конце концов, Лиз вздыхает, похлопывает себе по животу и отмахивается от меня рукой, когда я пытаюсь предложить ей еще один кусок. Я встаю, чтобы достать кожаный мешок воды и предложить его ей, просто чтобы побыть рядом с ней еще несколько минут.

Она пьет, ее губы мокрые и блестят, и я очарован этим.

Когда я впервые увидел людей, они, с их странными лицами и слишком мягкой кожей показались мне уродливыми. Вдоль их рук и груди нет твердых выступов, защищающих мышцы и внутренние органы, как у нас. У них нет рогов или хвоста. Они совершенно беззащитны. Даже ее маленькое личико отличается от лиц моих собственных людей своим плоским лбом, а бледные волосы цветом не похожи ни на один из тех, что я когда-либо видел.

Но оно распалает мои фантазии. И теперь, когда я представляю себе счастье, я представляю ее лицо. Не имеет значения, что моя пара совершенно не похожа на нас — она моя, а я ее.

— Ты так на меня уставился, — говорит она, опуская вниз кожаный мешок с водой. — Ну смотри, в любое время, приятель, — а в следующий момент она вздыхает, прежде чем я отвожу взгляд. — Хотела бы я, чтобы ты говорил на английском, тогда я могла бы рассказать тебе, каким странным я нахожу все это.

Я притворяюсь, что не понимаю ее, и снова протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ее лицу.

— Невввп, — говорит она, но я не узнаю ни одного слова. Очевидно, все же имеются определенные языковые расхождения. Моя пара поднимает руки и качает головой. — На сегодня хватит уже со всей этой чепухой с телячьими нежностями. Нам нужно поговорить. Время для уроков языка, — она кладет ладонь мне на грудь. — Рахош.

Я кладу свою ладонь ей на грудь на то же самое место.

— Лиз.

Ее лицо краснеет, и она шлепком отбивает мою руку прочь.

— Не грудь!

Неужели я только что сделал что-то не так? Я снова протягиваю к ней руку, но она опять шлепком ее отбивает. Ее кхай напевает, и я вижу, что ее соски под тонкой кожей туники затвердевают. Аааа. Это вызывает у нее возбуждение? Не в силах с собой справиться, я провожу своими пальцами поверх одного ее соска.

Она издает пронзительный крик и бьет меня по лицу.

— «Нет» значит «нет», тупица!

После этого она встает и уносится прочь.

Пошатываясь, я трогаю свою челюсть. Ее пустяковый удар в челюсть не причинил мне боли, я скорее поражен тем, что она ударила меня, чем всем остальным.

А моя Лиз весьма свирепая. Мне это очень нравится.

И если она считает, что отпугнет меня легким ударом в челюсть, то она очень сильно ошибается. Я про себя ухмыляюсь, так как она хватает одеяла и в гневе фыркает, намеренно поворачиваясь спиной ко мне. Я до сих пор слышу напевание ее кхай. Это говорит о том, насколько сильно ей понравилось мое прикосновение — равно как и аромат возбуждения в воздухе.

Моя пара возбуждена.

Должно быть, существует больше любопытных человеческих обрядов спаривания. Может быть, это то, что означает «невввп». Я мысленно про себя повторяю это слово, чтобы соответствующий момент мог сказать ей тоже самое.

«Глупая, глупая Лиз. Над твоими навыками общения нужно всерьез поработать», — указываю я себе. Я кладу плашмя свою ладонь ему на грудь и называю его имя. Оказывается, что мое он тоже знает. Ра́хош со стоном выдыхает мое имя сквозь эти огромные, стиснутые клыки.

Я не возбуждаюсь, думая об этом. Не возбуждаюсь. Не возбуждаюсь. Я хлопаю себя по груди, чтобы убедиться, что мой кхай слушается.

И, конечно же, этот синий инопланетянин кладет свою ладонь мне на грудь, таким же образом, как это сделала я. Вот только я забыла, насколько чувствительно мое тело благодаря воши, и при его прикосновении я чуть не выскочила из собственной кожи. У меня, должно быть, слегка крыша съехала. Лишь слегка. Благодаря лишь одному соприкосновению к моему соску, я уже была готова сбросить свою варварскую версию трусиков.

Погоди-ка, все верно. У меня их нет.

Под одеялами я без трусиков, моя полу законченная юбка-брюки все еще нуждается в доработке. Я отчаянно пытаюсь рукой давить себе между ног и уменьшить мою потребность... за исключением того, что знаю, что на этом все не закончится. И я не знаю, что сделаю, если он снова схватит себя и начнет поглаживать свой здоровенный член. Я просто не доверяю своей воши — моей чокнутой новой «я», которая в любой момент может приняться за выполнение программы минимум: забраться на него и начинать вылизывать, где только можно. О, это твое ухо? Я была права, оно очень сексуальное. Этот локоть тоже. А также зарыться в этих бровях, покрытых наростами. Все это просто умоляет, чтобы их ублажали языком.

На самом же деле я настолько возбуждена, что даже от мысли об обильном облизывании бровей я истекаю влагой. И тогда от слова «наросты» становится еще хуже, потому что теперь я представляю себе его большие рога и каково было бы, если б я облизала их. Ну, или оседлать один и немного потереться моими девчачьими прелестями об него.

Прекрати, Лиз! Ты попалась!

Я действительно попалась. Я вздыхаю. Мне нужен план действий. Чем дольше я нахожусь в этой пещере одна, и нет никого, кроме Ра́хоша и моей воши, тем труднее становится отказывать настоящим призывам моего тела, напевающего в ответ. Мне нужен план побега. Не представляю, куда могу отправиться, но знаю, что не могу здесь оставаться. Я мысленно составляю список вещей, в которых буду нуждаться для выживания. Еда. Питье. Оружие. Обувь. Теплая одежда. Укрытие.

В Оклахоме до того, как мой отец умер, мы с ним ходили на охоту. Я знаю, как развести костер. Знаю, что нельзя пить желтый снег. У меня есть одежда, а в этих шкурах будет вполне достаточно закутаться, чтобы продержаться в самые холодные ветра. Я знаю, как охотиться, так что еду можно заполучить, будь у меня оружие. С укрытием будет сложновато, я не могу его спланировать. Я лишь должна надеяться на лучшее.

Я очень расстроена из-за обуви и оружия. Я могу сделать обувь из кожи от моих штанов или одной из этих шкур —, когда Ра́хош отправится на охоту, чтобы он ничего не заметил.

Что касается оружия... Я, наверное, могу украсть копье Ра́хоша, но оно огромное и тяжелое, а мои мышцы — слишком слабы. Не знаю, получится ли у меня что-нибудь, пользуясь я им. То, что мне действительно нужно, — это лук. Если бы у меня был лук, я бы наверняка поразвлекалась с этим дерьмовым способом выживанием. У меня обалденные

способности с луком и стрелами.

Итак. Первым делом — обувь, потом я должна отыскать материал, чтобы сделать себе лук. Как только у меня будет лук, я смогу уйти в вон ту дикую белизну, которая раскинулась вокруг.

И делать, что? Я не совсем уверена, однако, таков план. Иногда все, что можешь сделать, — сбежать, рассчитывая на то, что имеешь.

РАХОШ

Моя пара слишком тихая.

Лиз, которая без конца болтает, даже если считает, что я не понимаю ее, Лиз, которая говорила бы с камнем, будь у него уши, Лиз, которая говорит даже во сне, — молчит. Слегка подремав, она проснулась с хитрым взглядом в ее светящихся синих глазах и теперь наблюдает за мной, как я готовлюсь снова отправиться на охоту.

Я отсутствую большую часть дня, добывая пищу для моей пары, и когда возвращаюсь, она по-прежнему молчит, но настроение у нее хорошее. Она позволяет мне накормить ее сырыми кусочками пищи и даже не отталкивает меня, когда я ласкаю ее щеку.

Я подозреваю, что тут какая-то ловушка.

Но она сладко зевает и улыбается мне, когда ползет обратно к шкурам, чтобы поспать, однако меня все равно тянет к ней, а мой кхай напевает с потребностью и желанием. Это что... часть человеческого обряда спаривания? Должен ли я сейчас сказать ей «невввп»? Бросится ли она в мои объятия и раздвинет ли свои ноги для меня, чтобы мы могли спариваться и стать одним целым?

У меня нет опыта в таких делах. Я ложусь в постель к ней и, не в силах остановиться, поглаживаю ее плечо и спину, повернутую в мою сторону.

Она шлепает меня по руке, и, как ни странно, но от этого мне становится лучше. Это так привычно. Я жду, пока она не заснет, а затем я также погружаюсь в сон.

Где-то незадолго до рассвета, я чувствую, что ее маленькая фигурка рядом со мной напрягается.

Я задерживаю свое дыхание, стараясь не выдать себя тем, что проснулся. Мне любопытно посмотреть, что она собирается делать дальше. Сбежать? Попытаться убить меня? Все совсем не так как раньше, когда она выкатывалась из постели и шумно чмокала губами, прежде чем отправиться из пещеры, чтобы облегчить себя. На этот раз, Лиз пытается быть скрытной. Она медленно, осторожно убирает мою руку со своей талии и укладывает ее на шкуры. Потом тщательно отгибает шкуры и, извиваясь, выбирается, пытаясь не потревожить меня, поскольку я, по ее мнению, сплю. Когда она вылезает из-под шкур, то смотрит на меня, но я все еще притворяюсь — мои глаза закрыты, а дыхание спокойное. Вполне довольным, я слышу, что она на несколько шагов отдаляется, и я, чуть приоткрыв глаза, наблюдая за ней сквозь ресницы.

Моя пара движется в угол пещеры, и пока я наблюдаю, она берет мои сапоги и надевает их на свои более маленькие ноги. Я смотрю, как она раскатывает кожу вверх до бедра, а затем закрепляет ее шнурами, и от чрезмерного эротизма этого зрелища захватывает дух... несмотря на мое любопытство относительно того, что она делает. К тому времени, когда Лиз надевает мой другой сапог, мой член становится твердым как камень. Мой кхай не

прекращал напевать всю ночь из-за ее близости, и боль в моем теле становится осязаемым фактом. Я должен обладать своей парой.

А тем временем мой человек смотрит на мое копьё, рассматривая его, ну а потом оглядывается на меня, чтобы понять, сплю ли я еще.

Я остаюсь неподвижным, дожидаясь ее дальнейших действий.

Лиз отворачивается и на цыпочках бесшумно выбирается из пещеры с моим копьём в руке.

Ну что ж, теперь мне нужно понять, что творится у нее в голове. Я вылезаю из постели и решаюсь следовать на безопасном расстоянии позади нее. Снег морозит мне ноги, но я не обращаю на это внимания. Моя кожа привыкла к суровым условиям, и непродолжительное время я могу выдержать заморозки, в отличие от хрупкой человеческой плоти. Я замечаю, что пока отсутствовал во время охоты, Лиз закончила свои штаны. Я восхищаюсь изгибами ее зада, когда она передвигается по снегу, явно очень мучаясь в моих больших сапогах. Снег ледяной стеной доходит мне практически до колен, а ей — до бедер. Она все время бормочет горемычные речи на своем человеческом языке, с трудом пробираясь вперед, с каждым шагом погружаясь в сыпучий снег. Быть может, она утомится и вернется обратно?

Но мой человек сделан из более прочного материала, и я подавляю самодовольную ухмылку, так как она изо всех сил пытается двигаться дальше, бормоча себе под нос человеческие слова, которые я даже понять не могу.

К моему удивлению, моя пара направляется к отдаленным деревьям. Она что, проголодалась? Их листья несъедобны, а кора используется лишь в целебных целях, она полезна, когда опускаешься в горячую воду на много часов, ее можно оставить впитаться на ночь. Охваченный любопытством, я следую на безопасном расстоянии позади Лиз. Что же она замышляет?

Хотел бы я, чтобы кхай дал мне прочесть ее мысли, потому что мою человеческую пару понять невозможно.

ЛИЗ

Неподалеку от входа в наше укрытие есть деревья. Я направляюсь прямо к ним, с трудом продвигаясь сквозь толстый слой снега. Мне следует поторопиться, потому что, если Ра́хош обнаружит, что я ушла, он свихнется. Я не пытаюсь сбежать — еще нет. Я ищу материалы для лука. Мне нужен какой-нибудь эластичный материал для тетивы, который можно сделать из сыромятной плети, если смогу скрутить ее в жесткий, гибкий шнур. Ра́хош бережливо накапливал шкуры от нашей дичи, и у меня есть планы относительно них. С тем же успехом я могу сделать тетиву из волокна или даже своих собственных чертовых заплетенных волос, если придется, я что-нибудь придумаю.

Но я еще не нашла нужного материала, из которого можно было бы сделать для себя хороший лук. Он должен быть длинный-предлинный, что-то типа дерева или кустарника. Он должен слегка гнуться, но не слишком сильно.

Я провела много времени, изучая копьё Ра́хоша, потому что оно длиной почти в семь футов и немного прогибается, но оно слишком тяжелое для того, что мне нужно. Мне нужно нечто полегче, попрочнее.

Так что я тащусь сквозь сугробы, направляясь к деревьям, которые не похожи на любые

обыкновенные деревья, о которых я знаю. Во-первых, они больше похожи на ресницы или перья, а не на настоящие деревья. Во-вторых, покачиваясь взад-вперед на морозных зимних ветрах, их листья похожи на розоватый, трепещущий вышивальный шелк. Однако они лучше всех подходят на то, что я могу взять за древесину, поэтому я направляюсь к ним.

Я добираюсь до деревьев, снег здесь менее глубокий, и это здорово. Это облегчает продвижение вперед, и я направляюсь к первому дереву, провожу рукой по коре. Во всяком случае, я думаю, что это — кора. Но она ощущается вязкой и немного липкой, от чего меня тошнит. Ствол сам по себе толщиной, наверное, с банку содовой, и, когда поднимается очередной порыв ветра, он развивается и трепещет на ветру. Проклятие. Скорее всего, из него ничего не выйдет. Большим каменным острием на копье Ра́хоша, я делаю разрез на коре сбоку. Возможно, если я проберусь сквозь кору, стержень сам по себе твердый и согдится для моей цели?

Но, когда я смотрю вглубь дерева (на самом деле называть его так можно лишь в шутку), на мой взгляд, оно становится все более желеобразным и мягким, и начинает источать розовое ужасно вонючее вещество, которое прилипает к моим пальцам. Я вытираю руки снегом и морщу нос. Фу.

Ну, этот точно не подходит для лука.

Я вздыхаю и стою, печально оглядываясь вокруг себя. На этой чертовой ледяной планете должно быть что-то, что может использоваться для лука. Кроме шуток. Я в курсе, что Ра́хош и люди Вэктала суперпримитивны в применении высоких технологий, так как мы все застряли здесь, но все же. Луки имеют важнейшее значение.

Опять же, я до сих пор не видела здесь никого с луком. Все они пользуются пращами, копьями и ножами.

Проклятье.

Я ни разу так далеко не уходила, поэтому с трудом тащусь вперед только по прямой линии. Понятия не имею, куда я направляюсь, но мне плевать. Там есть здоровенный пласт ледникового льда, у подножия которого, как я знаю, наша пещера. Так что на обратном пути он послужит мне указателем, если я сойду с пути и заблужусь. Я взбираюсь на холм или второй, когда замечаю... что-то. Я тащусь через снег еще немного — хотя и холодновато, но это не пробирающий холод до костей, как было раньше, и я знаю, что моя вошь, вероятно, та, кого нужно благодарить за это. Она приспособливает мое тело к окружающей среде, адаптируя меня к ней.

Мне все еще горько и обидно из-за этой херни, и неважно, что в конечном итоге оно принесло пользу. Я не чувствую запахи как раньше, не чувствую вкуса еды как раньше, к тому же она сватает меня самому угрюмому инопланетянину, какого только можно вообразить.

С самым крупным «хозяйством». Не то, чтобы я думаю о нем. Проклятье. Вспоминая, как Ра́хош, дразня меня, рукой поглаживает его, медленно спускаясь вниз по всей длине, моя вошь тут же начинает мурлыкать, сотрясая мою грудь от силы интенсивности вибраций.

— Боже, вошь, какая же ты дура! — говорю я ей, снова стуча кулаком себе в грудь, чтобы попытаться заставить ее успокоиться. Не то, чтобы это срабатывало, но я все равно делаю это.

Тогда я приостанавливаюсь, потому что вдаль вижу темную, извивающуюся в снегу линию. Охваченная любопытством, я иду по направлению к ней, и по мере того, как подхожу все ближе, я понимаю, что это что-то вроде ручья. Несколько похожих на бамбук

столбиков торчат из воды. Они выглядят легкими и жесткими. И я вот думаю, могу ли использовать их? Воодушевленная, я упорно иду вперед. Полагаю, что могу проверить это, вытащив один из воды, а затем отправится домой, прежде чем Рахош проснется. Я спрячу мой трофей в снегу у входа в пещеру, и он никогда не узнает, что я тайно изготавливаю себе отличное, удобное оружие, чтобы сбежать от его задницы.

Солнца восходят на противоположной стороне неба, распространяя молочно-бледный свет в этот мир, который никогда не будет достаточно мощным, чтобы расплавить этот снег. Несмотря на то, что их два, они — лишь маленькие светила в небе, и я отчетливо понимаю, что Не-Хот (как я привыкла называть эту планету) намного дальше в своей солнечной системе, чем Земля от Солнца. Возможно, поэтому здесь всегда так холодно. Когда я добираюсь до ручья, то чувствую в воздухе слабый запах тухлых яиц — серу. Это — горячий источник, чем объясняется, почему это — проточная вода, а не замерзший кусок льда. Джорджи упоминала, что видела некоторые из них, когда путешествовала с Вэкталом. Я должна быть рада, что источник достаточно теплый, потому что в противном случае эта планета была бы куда более неприветлива.

Берега ручья мутные, но плавные, и я скольжу вниз к самому краю воды. Запах серы здесь гуще, но вода синяя и приятная. Интересно, могу ли я поплавать? Побег бамбука высотой, по крайней мере, в десять футов и выступают из воды вроде беспорядочно понатыканных зубочисток, и я наклоняюсь над голубой водой, дотягиваясь к тому, что ближе всего. Я вытасу его и посмотрю, насколько крепкий материал. Если он настолько легкий, как я подозреваю, то из него, должно быть, может получиться...

— ЛИЗ! — знакомый голос ревет, и я соскальзываю к берегу, чуть не оказавшись в воде.

Рахош. И он, этот придурок, почти заставляет меня скорчить рожицу растению в ручье.

— Черт тебя дери, можешь на меня не орать, когда я стою над водой? Я...

Я задыхаюсь, гневные слова умирают у меня в горле. На другом конце моей палки какая-то жуткая морда с глазами навывкате и большими, зазубренными клыками. Оно напоминает одно из тех чудовищных существ из глубоких, темных пространств океана — за исключением того, что это находится на расстоянии около фута от моего лица.

Я издаю оглушающий вопль во все горло и отшатываюсь назад, сжимая в руках мой бамбук.

К моему глубочайшему шоку существо передвигается вместе с концом бамбука. Оно прилепилось к его концу, мечется и дико брызгается.

Я снова ору и отбрасываю его в снег. Оно шипит и начинает двигаться ко мне, и я быстро озираюсь вокруг в поисках копы Рахоша. Оно на расстоянии в несколько футов, куда я, должно быть, отбросила его. А тем временем существо извивается и шипит на дальнем конце бамбука, его пасть злобно щелкает в мою сторону.

Краем глаза я замечаю появление чего-то большого, я вижу, как Рахош с ножом в руке подкрадывается к существу, которое я вытасила из воды. Он выглядит чрезвычайно взбешенным, когда хватает чудовище за один из его брыкающихся плавников и с силой ударяет его о землю. Затем, с легкостью, которая удивляет меня, мужчина впечатывает свой нож в глаз существа.

Плавники существа судорожно бьются, кровь струей вытекает на белый снег, а затем оно перестает двигаться. Пока я смотрю, вытаращив глаза, Рахош оглядывается на меня и швыряет свой нож на землю, а затем подкрадывается ко мне.

Я пчусь на несколько футов.

— Я не знала! Будто я должна была догадаться, что одно из этих существ прилипло к концу бамбука. Я всего лишь хотела кое-какой материал!

Мое бормотание не означает, что он приостановится хоть на чуть-чуть. Ну, разумеется, нет. Он же не понимает меня. Моя скоростная болтовня просто бессмысленна.

Огромный инопланетянин подкрадывается ко мне, как будто я — его добыча. Я снова отскакиваю назад, поскольку напугана — и немного возбуждена напряженным взглядом в его глазах. Моя вошь тут же начинает напевать, как только он нависает надо мной, и, к моему ужасу и огорчению, мои соски твердеют.

Чертова вошь!

У Рахоша раздуваются ноздри, а глаза сужаются, когда он пристально смотрит вниз на меня.

— Я не возбуждена, — говорю я дрожащим голосом, хотя чувствую, как у меня в венах бьется и барабанит кровь, а вошь мурлыкает в моей груди. Я хреновая, хреновая лгунья. Я не хочу ничего больше, чем дотянуться себе между ног и снова поласкать свой клитор. Может, это адреналин в крови? Может, это из-за того, что он смотрит на меня сверху вниз, будто не может решить, хочет ли он сорвать мою одежду или развернуть и отшлепать меня? Оба мысленных образа делают меня немного сумасшедшей.

Что бы это ни было, мое тело остро это осознает, а вошь совсем взбесилась. Я тяжело дышу, сидя в снегу, и мгновение спустя я осознаю, что мои ноги широко раздвинуты.

Я смотрю, как его ноздри раздуваются. Низкий стон вырывается из моего горла. Ну почему это так ужасно сексуально? Боже, ненавижу эту вошь!

— Лиз, — рык Рахоша звучит необузданно у него в горле.

— Я совершенно не хочу тебя, — я задыхаюсь, моя вошь вибрирует настолько громко, что практически заглушает меня. — Моя вошь набита ложью.

Он протягивает мне свою крупную ладонь, чтобы помочь мне встать.

Я шлепком отбиваю ее прочь, разозлив и его, и себя за то, что мое лицо почти сожрала масса-Ктулху-на-палочке^[7].

— Уйди.

Разозлившись, мужчина наклоняется и хватается за перед моей рубашки. Я знаю, что он собирается потянуть и поставить меня на ноги, раз я не принимаю его помощь, но вот в тот момент, когда его лицо приближается к моему?

Я теряю всю свою благоразумность. Я хватаю его за единственный рог, выступающий у него на лбу, мои пальцы оборачиваются вокруг зазубренного обрубка другого, и я тяну его лицо к себе для поцелуя. Я уверена, что позже буду сожалеть об этом, но в этот момент у меня кипят гормоны, и мое тело отчаянно хочет ощущать его губы на моих. Я едва слышу его слабый удивленный возглас, когда беру его нижнюю губу своими зубами и нежно прикусываю.

Из горла Рахоша вырывается низкий хриплый стон, а затем он прижимается своими губами к моим.

Становится очевидно, что этот парень понятия не имеет, как целоваться. Ничего страшного — мурлыканье моей воши настолько сильное, что не думаю, смогла бы я остановиться, даже если бы захотела. Слабый всхлип вырывается у меня из горла, а затем я начинаю показывать ему, как нужно целоваться. Мои губы ласкают его, медленно и чувственно. Он замирает напротив меня, его большие руки опускаются вниз вдоль моих боков, его тело нависает над моим, а сам он деревенеет и не двигается. Так что я продолжаю

упрашивать его своими губами.

— Вот как надо целоваться, здоровяк, — бормочу я между торопливыми поцелуями моих губ, позволяя им ласкать жесткую линию его рта.

Долгое время Ра́хош напряжено нависает надо мной, ну а потом его челюсти раздвигаются, впуская меня внутрь. Я проскальзываю языком сквозь его губы, задевая его клыки, и это напоминает мне о том, что он — инопланетянин. Я вздрагиваю и начинаю отстраняться.

Именно в этот момент Ра́хош отвечает на мой поцелуй. Поначалу его нерешительные движения становятся все более смелыми, когда мой язык встречает его, и гортанью я издаю слабые звуки желания. У него на языке есть бугорки, похожие на наросты, которые покрывают его тело. Он проводит ими по моему языку, посылая невероятные ощущения, которые разлетаются по моему телу. Ну, надо же. Джорджи ничего не упоминала об этом. Она ничего не упоминала даже отдаленно близко к этому. Хотелось бы знать, есть ли у него изумительные наросты в других забавных местах.

Ра́хош отлично ухватил суть, как нужно целоваться, его губы ласкают мои, а затем его язык не прекращает терзать мой, пока моя вошь не грохочет столь громко, что я едва могу думать, и такое ощущение, будто все мое тело вибрирует от желания. Моя киска ноет от той же потребности, и в какой-то момент я вдруг чувствую, словно могу умереть, если он в ближайшее время не прикоснется ко мне. Тяжело дыша, я отрываюсь от него.

Он сразу же снова ловит мои губы своими. Его язык немым вопросом слегка ударяет по моему.

— Я ничего этого не хочу, — выдыхаю я в то время, как хватаю его за рога и тяну его рот к своему в очередной раз. Мои стоны чистого наслаждения поглощаются его языком, и я оборачиваю ноги вокруг его талии, чувствуя, как он удивленно напрягся напротив меня. — Я совершенно не хочу, чтобы ты меня целовал, — я шиплю на него, а затем приступаю целовать взасос весь его рот, словно дикарка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ра́хош отрывается от моего поцелуя и пристально смотрит на меня, его глаза столь же дикие, как я себя ощущаю. Он наклоняется вперед и ловит мои губы в еще одном захватывающем дух поцелуе, и я почти теряю рассудок, когда он всасывает мою верхнюю губу. Этот мужчина — схватывает на лету. Может быть, даже слишком быстро. Чувствую, будто я теряю контроль над ситуацией.

Конечно, это предполагает, что у меня когда-либо был этот контроль над ситуацией.

Я снова отрываю губы от его губ и тяну его руки к своей груди.

— Я не хочу, чтобы ты это трогал, — говорю я ему жестко и слегка гневно. Честно говоря, гневаюсь я так же сильно, как и сильно возбуждена. Не уверена, я это или вошь, но знаю, что не могу остановиться. И когда он сжимает мою грудь через плотную ткань позаимствованной туники, я откидываю голову и снова стону, а мои бедра волнообразно двигаются на снегу.

Я так сильно хочу его. Такое ощущение, будто мое тело было в полудреме, а теперь, когда мы прикасаемся друг к другу, я живу. Мои чувства проснулись, мое тело поет...

И я нуждаюсь в сексе так же сильно, как нуждаюсь в воздухе.

Через кожаную одежду, большим пальцем он потирает мой сосок, и шипящее дыхание вырывается из моего горла. Это не должно ощущаться так прекрасно. Не должно. И все же, я хочу больше, чем только это. Ра́хош обнажает зубы в рычании, и я задыхаюсь при виде этих

острых клыков. Я должно быть больна на всю голову, потому что они тоже возбуждают меня, и я слегка толкаю его голову.

— Я не хочу, чтобы ты лизал мою киску, — говорю я ему, подталкивая его вниз, чтобы обратить внимание именно на то место, где я хочу его, несмотря на мои слова. Ничего страшного, ну и что, что я бормочу как сумасшедшая. — Я вообще не хочу, чтобы ты ласкал меня ртом, — говорю я ему, даже когда приподнимаю бедра и начинаю сбрасывать недавно сделанные штаны.

Несмотря на то, что он не может меня понять, Рахош понимает намек, и его руки тянутся к моим штанам, стягивая их вниз до колен. Мужчина окидывает меня горящим взглядом, от которого я таю, а мои соски ощущаются жесткими, агонией страдающие точки под кожаной одеждой. Они умирают от желания, чтобы к ним прикасались, поэтому я дотягиваюсь до них и забавляюсь с ними сама. Моя вошь напевает так сильно, что все мое тело чувствует, будто оно вибрирует, и я страдаю от потребности.

Мои штаны запутываются у меня вокруг коленей, и он тщетно дергает их еще мгновение. Затем хватает за материю и рывком тянет мои ноги вперед, прижимая их к моей груди. Моя задница увязает в снегу, и я голая от талии до колен.

И поймана в ловушку.

Я делаю глубокий вздох и жду.

Рахош сверху вниз пристально смотрит на мою розовую плоть, которая, могу себе представить, скользкая от влаги и ощущается, будто пульсирует ноющим желанием. Он поднимает на меня взгляд, его светящиеся синие глаза прищурены, и я даже не представляю, о чем он думает. Затем я чувствую, что он дотрагиваться до меня. Его пальцы, изучая меня, прослеживают мои чувствительные складочки.

Я едва не начинаю плакать от того, насколько интенсивны ощущения. Дыхание с содроганием вырывается из моего горла, и я издаю низкие мычащие стенания. Я хочу больше, чем просто эти изучающие прикосновения. Я хочу — нет, жажду — ощущений, как он ласкает меня губами.

— Я не хочу, чтобы ты ласкал меня своим ртом, — я выдыхаю сквозь зубы, слегка вытягивая ноги вперед, чуть больше раздвигая их, чтобы он мог получше разглядеть то, что я ему предоставляю. — Совсем не хочу.

Рахош не обращает внимания на ложь, которую я извергаю, и долгое время изучает меня. Я наблюдаю, как у него раздуваются ноздри, и он снова проводит пальцем вверх и вниз по моим складкам. Я выкрикиваю и взбрыкиваю бедрами ему навстречу, и когда он убирает свою большую руку, та блестит от моих соков. Он изучает свои мокрые пальцы и затем подносит их ко рту, чтобы попробовать на вкус.

— Вот же проклятье, это было так порочно. Ты такой порочный, — говорю я ему более сексуально и более возбужденно, чем когда-либо.

Мужчина облизывает пальцы почти с благоговейным выражением на лице, как будто на вкус я лучше, чем самый отменный шоколад. Но при этом я начинаю дрожать от вожделения, наблюдая, как его восхитительный большой, шершавый язык натирает эти пальцы, облизывая их дочиستا. Лишь смотря за тем, как он облизывает свою руку, я схожу с ума. Это должна быть я, кого он облизывает.

Стоп, нет, этого не должно быть.

— Я совершенно не хочу ничего подобного, — зло шепчу я ему, злясь сама на себя и на него из-за неистовой потребности моего тела. — Я не хочу тебя. Я не хочу, чтобы ты своим

ртом лизал мою киску, пока я не кончу, — от самой мысли об этом меня бросает в дрожь от того, насколько интенсивен этот визуальный образ.

Ну и потому, что я не хочу этого настолько сильно, я дотягиваюсь до местечка между моих ног и раздвигаю для него губы своей киски, чтобы он увидел.

Я вижу, как его глаза вспыхивают потребностью, а затем его голова проталкивается ко мне между ног. Я чувствую, что его большие руки упираются мне в бедра, заставляя их раскрыться больше, и чувствую, что неровные, самодельные швы на моих штанах напряженно натягиваются под воздействием моих раздвинутых ног. Мне плевать на это. Ра́хош раздвигает мои бедра и пристально смотрит вниз на мою раскрытую, скользкую киску. Я чувствую обжигающий накал возбуждения, испытываю до боли ноющую потребность. Я уже почти сама решаю прикоснуться к себе, когда он шлепком отбивает мою руку в сторону, ну а потом проводит своим языком по моей плоти.

Пронзительный стон срывается с моих губ.

О, бог ты мой!

Я хватаю его рог и обрубок другого, а затем прижимаю его лицо к своей разгоряченной коже. И тут же прихожу в бешеное неистовство, а когда его язык — Боже благослови этот шершавый, бугристый язык — ударяет с силой по моей плоти, я снова издаю стон. С силой прижимаясь к нему, я двигаю бедрами вверх и вниз даже тогда, когда Ра́хош рычит и облизывает меня своим ртом, его собственное желание такое же интенсивное, как мое собственное. Его язык касается меня везде, облизывая и прижимаясь к моим самым нежным местечкам, и я чувствую, что он ласкает мой клитор с каждым восхитительным облизыванием. Затем он прижимается к моему клитору.

Он жмет на него.

И я кончаю настолько сильно, что вижу звезды. Мои крики эхом отдаются в снегу, и я трусь своей киской о его лицо, давая ему всё до последней капли моего оргазма. Он, кажется, не возражает против того, что я использую его рога как руль, направляя его рот туда и как я нуждаюсь в нем больше всего. Ра́хош искренне стремится исполнить любую просьбу, готов лизать меня до беспамятства. Я продолжаю кончать с каждым щелчком его языка по моим чувствительным местечкам, пока не чувствую, что меня пронзает уже второй оргазм, и я практически корчусь на земле, а моими соками покрыто все его лицо.

Когда спускаюсь с высот своего оргазма, я тяжело дышу и резко валюсь посреди снега. Моя вошь слегка вибрирует, а затем, на время утомившись, переходит на более слабое гудение.

Однако, вошь Ра́хоша работает настолько тяжело, что звучит, словно мотор, и когда он снова проводит по мне языком, я отталкиваю его лицо, потому что в этот момент я слишком чувствительна для еще одного раунда.

— Пока еще нет, — хныкаю я. — Я не смогу.

Он смотрит на меня с диким выражением на лице, а его глаза светятся дьявольским светом. Его твердый, сексуальный рот влажный, и пока я смотрю на него, мужчина обнажает клыки и окидывает меня взглядом, от которого мои соски снова сжимаются.

— Моя, — он издает рык и снова прячет лицо между моих ног.

Ра́хош снова начинает облизывать меня, и я пронзительно кричу. Я откидываюсь назад, готовая стать всецело его, как он только что сказал и...

Подожди гребаную секундочку. Это и вправду был английский?

Я поднимаюсь на локти и смотрю вниз на инопланетянина, который облизывает меня.

— Что ты только что сказал?

РАХОШ

Маленькая рука дергает меня за рог, прежде чем я снова могу спрятать лицо между ее ног и испить сладкий нектар, который струится из тела моей пары.

— Что ты сейчас сказал? — повторяет она снова. Выражение ее личика крайне взбешенное.

Прищурив глаза, я окидываю ее взглядом и снова пытаюсь опустить голову, но вместо этого она погружает свои пальцы мне в волосы и резко дергает за них, и я рычу на нее. Ничего мне не хочется сильнее, чем снова испробовать ее на вкус, лизать ее час за часом, пока она трепещет подо мной. А потом я погружусь своим членом внутрь ее теплого, ожидающего лона, и мы навсегда останемся вместе как пара. Так и должно быть. Все же рука в моих волосах очень настойчива, и Лиз сжимает колени вместе, пытаюсь избавиться от меня.

— Ты говоришь на чертовом английском.

— Говорю, — заявляю я, снова разводя ее колени. Хочу больше ее густого, сладкого меда. Хочу потеряться у нее между ног на долгие часы. Мужчины моего племени утверждают, что нет на устах вкуса слаще, чем вкус резонанс-пары, и они совершенно правы. Я даже не понимал, к чему имеет отношение то, о чем они говорили... до этого момента. Ну а теперь до конца моих дней я хочу пробовать на вкус лишь одну ее.

Ее влагилице может стать моим хлебом насущным. Все остальное не достойно даже внимания.

Я снова опускаю голову с полной решимостью лизать ее. Ей нравится, когда я лижу ее. Разве она не прижималась своими скользкими, влажными лепестками к моему лицу всего несколько мгновений назад? Требовала еще? Я дам ей больше. Мой член болит, и он столь же тверд как камень в наконечнике моего копья. Я жажду похоронить себя в ней, но сперва хочу еще вкусить ее своим языком.

Моя пара издает гневный рык, и ее маленький кулачок врезается мне прямо в глаз. Затем она вскрикивает от боли и трясет своей рукой.

— Черт бы тебя побрал! И с чего это у тебя такая жесткая башка?

Это привлекает мое внимание. Моя пара пострадала. Я сажусь и беру ее маленькую ручку в свою ладонь только для того, чтобы она снова попыталась меня ударить.

— Прекрати трогать меня, — орет она мне в ухо. — Я так зла на тебя! Ты говоришь по-английски!

— Говорю, — я ловлю ее руку, которой она собирается ударить меня вновь, прежде чем та снова вступает в контакт с моей бровью. Дело не в том, что ее удары болезненны, а в том, что она повредит свои мягкие маленькие человеческие ручки. Мой лоб покрыт защитной пластиной, а ее крошечные кулачки такие слабенькие.

— Ты мне лгал!

Это выводит меня из себя. Она думает, что я намеренно обманул ее? С какой целью?

— Каким же образом мне удалось сделать что-то подобное?

— Ты не сказал мне об этом!

— Так ты никогда и не спрашивала, — возражаю я, и мое раздражение нарастает. — Ты

только и делаешь что говоришь и говоришь, просто решив, что я не понимаю тебя. Ты даже не удосужилась спросить меня, умею ли я.

Ее розовое личико краснеет, и я смотрю, как она задыхается, а ее дыхание паром клубится на холодном воздухе.

— Ну ты и хрен!

— Я не знаю, что означает это слово.

— Ты что, серьезно? — в ее голосе слышится явная насмешка. — Я то уже подумала, что ты здесь эксперт в нюансах человеческого языка.

— Есть слова, которые ты произносишь и которые не совпадают с тем, чему я научился.

— Странно. А мне казалось, что «хрен» — это язык твоего народа.

Я хмуро смотрю на нее сверху вниз.

— Я не знаю такого слова, как «хрен». Я — ша-кхай. Так же, как и мой народ.

Ее глаза закатываются, и она снова подталкивает меня в грудь.

— Это называется сарказмом.

— Я не знаю слова «сарказм»...

— Проехали, — рычит Лиз, явно разозленная на меня. — Господи!

Она что, сердится на меня? Я спас ее. Если бы она попала в воду, они тут же содрали бы ее плоть до костей. Мысль о ее страданиях — смерти — наполняет меня непонятным гневом. Я выпрямлюсь и смотрю вниз на нее, с обнаженными ногами и все еще раскинувшимися в снегу. Она до сих пор хмурится на меня, и это помогает мне не купиться на ее красоту.

— Тебе не стоило сбегать из пещеры.

— Сбегать? Я не сбегала.

Она может врать самой себе, но не мне. Я делаю один шаг вперед и хватаю ее за перед туники, затем ставлю на ноги. Она отбивается от меня, но я все равно ставлю ее прямо, и тогда, грозно хмурясь, она дергает за подол своей туники. Я наклоняюсь поближе к ней. Мой нос улавливает ее аромат, от которого мой кхай резонирует от голода. Ничего мне не хочется сильнее, чем прижаться своими губами к ее и снова спариваться ртами.

Но не сейчас, когда она смотрит на меня, будто я — грязь. Мое сердце слегка твердеет, и я наклоняюсь к ней.

— Ты принадлежишь мне, женщина.

Она гневно бьет меня в плечо.

— Я никому не принадлежу.

— Нигде здесь нет такого места, куда бы ты смогла сбежать, и где я не смог бы тебя найти, и вернуть обратно себе, — она не понимает, что с каждым днем, что она игнорирует требование своего кхай, будет лишь все хуже и хуже. С ним невозможно договориться или заставить его передумать. Просто он жаждет то, чего хочет.

А он хочет, чтобы Лиз была моей парой.

Я тоже этого хочу. Она моя, и я все еще намерен заявить права на нее.

— О Боже, да ты какой-то маньяк, — бормочет Лиз, скрещивая руки на груди. — И если хочешь знать, я искала материалы для лука.

— Лука? — я повторяю. Это слово было знакомым, но вещь, которая приходит на ум, мне совсем не знакома. — Это какое-то оружие, да?

— Да, — говорит она и окидывает меня дерзким взглядом. Она вскидывает подбородок. — Я умею стрелять из лука. Я тоже могу охотиться.

Я ворчу. В глубине души я счастлив, что она хочет охотиться, но какая-то часть меня сильно обеспокоена. Женщин в нашем племени столь мало, что они не участвуют в охотничьих походах. Они не отходят от пещер, потому что за последние несколько лет мы уже потеряли многих в нашем племени, и если мы потеряем еще, то прекратим свое существование. Однако на лице Лиз я вижу твердость духа и заранее знаю, что такой ответ ей не понравится.

Итак... ворчание — единственное, что она получает в ответ от меня.

— И что ты этим хочешь сказать? — она встает прямо у меня перед лицом и пытается дотянуться до одного из моих рогов, без сомнения, чтобы потянуть меня вниз до ее роста и привлечь мое внимание. Моя Лиз храбрая. Я испытываю огромное уважение к ней за это, даже если это и приводит в бешенство.

Я встаю в свой полный рост, так что она больше не может дергать меня за волосы или рога. — Ты принадлежишь мне. Если тебе что-то нужно, ты приходишь ко мне. Моя задача — обеспечивать тебя.

— Что ж, прекрасно, — заявляет она возмущенным голосом. — А как насчет того, чтобы ты обеспечил мне моих подруг, хммм?

Я делаю вид, что этого не слышал. Я не верну ее обратно до тех пор, пока мы не спаримся. Вместо этого я направляюсь к пожирателю (*прим: пожиратель — не существующее животное*), которого я убил ради нее. Если он ей так сильно нужен для ее лука, она может его получить.

— Пойдем. Тебе нужно вернуться в пещеру. Твоя человеческая плоть по-прежнему еще слаба, несмотря на твой кхай.

— Ничего себе, ты не посчитал ее такой уж слабой, когда схватил и сорвал с меня штаны.

Я поворачиваюсь, чтобы окинуть ее сокрушительным взглядом. Она пытается сделать вид, что ей не понравилось, когда я к ней прикасался? У нее ярко-розовые щеки, что весьма любопытно. Я разглядываю ее еще мгновение, а она неловко ерзает под моим пытливым взглядом.

— Ты, кажется, была не против моих прикосновений.

Ее лицо краснеет еще больше.

— Вот как, сразу швыряешь мне этим в лицо, ну давай.

Ее слова мне совершенно непонятны, но цвет на ее щеках говорит мне о многом. Она чувствует себя неловко. Я нахожу это очаровательным, особенно, когда ее руки двигаются, чтобы ладонями прикрыть крошечный пучок волос между ее ног и оградить его от моего взгляда. Она думает, что это защитит ее? Я облизал каждый ее дюйм всего несколько минут назад. Я разглядываю ее голые бедра и ноги, которые по-прежнему покрыты моими сапогами. Мои собственные стопы едва чувствуют холод, но я вижу, что ее мягкую человеческую кожу покалывает от холодной температуры. Я должен следить за тем, чтобы она находилась в тепле, и сейчас мне следует об этом позаботиться.

Но Лиз — настоящий боец, и ей так и хочется поругаться со мной. Поэтому я хватаю мертвого пожирателя и длинную трубку, которую они используют как приманку, и перекидываю это все через свое плечо.

— Ты идешь или мне тебя нести? — спрашиваю я ее.

Она мрачно смотрит на меня. Резким рывком она подбирает порванные половинки своих штанов и стремительно пронесется вперед меня.

— Ты такой хрен! Ненавижу тебя!

— Ты хоть на минутку угомонишься? — спрашиваю я.

Она поднимает вверх, в мою сторону, свой средний палец. Не уверен, что это означает, но могу догадаться, что что-то весьма неприятное.

— Ну что ж, придётся тащиться обратно с голым задом. Огромное спасибо, — ворчит она.

— Не хочешь мою набедренную повязку?

Ее лицо снова становится столь яркого красного цвета, и она стреляет в меня возмущенным взглядом.

— Чтобы ты мог раздеться догола? Нет, спасибо.

Ее отказ еще больше подчеркивает, насколько непривлекательным она меня считает. Это так больно.

— Все, что угодно, что может заставить тебя замолчать, — парирую я в ответ.

От возмущения она издает рык, а затем ураганом несётся впереди меня.

Лиз молчит, когда мы возвращаемся в мою секретную пещеру. Я позволяю ей идти впереди меня, так я могу охранять ее... и так я могу смотреть на ее маленькую, дерзкую задницу, как напрягаются мышцы ягодиц, когда она идет. У нее нет хвоста, поэтому зрелище — более чем занимательное..., но при этом и возбуждающее. Я мысленно представляю, как нагибаю ее, хватаю ее задницу, а затем снова облизываю все ее влажные женские местечки до тех пор, пока она опять не завопит от удовольствия.

К тому времени, когда мы возвращаемся в пещеру, мой кхай резонирует, а мой член отчаянно болит. Он напрягает мою набедренную повязку, и боль практически невыносима. Разве она тоже не мучается? Почему она сопротивляется этому?

Резонанс-пара всегда окончательна и никогда не подлежит пересмотру или отмене.

Лиз направляется внутрь пещеры, не оглядываясь на меня. Она все еще злится — от этого даже сам воздух вокруг нее, кажется, накатывает волнами. Ну и ладно. Позволю ей сопротивляться, если она думает, что это будет иметь значение. Она моя. На нее заявили права в тот момент, когда ее кхай срезонировал для меня.

Чтобы она не сделала, это ничего не изменит.

Так, будто она может ощутить мои бурные, собственнические мысли, Лиз хватается одну из шкур и оборачивает ее вокруг своей талии, а затем поворачивается ко мне.

— Я знаю, в чем тут заключается твоя цель.

Я хмурю брови. Моя цель? У меня нет иной цели, кроме как востребовать ее как свою пару. Чтобы мы могли стать одним целым.

— Ты намерен прятать меня, пока я не забеременею, верно? — она кажется побежденной, а взгляд ее глаз — полон печали.

— А что, если и так?

— В очередной раз меня держат заложницей из-за моего влагалища, — она вздыхает. — Да что с вами такое, инопланетяне? Разве не может девушка хоть разок просто взять и сделать свой собственный выбор? Неужели это настолько чертовски сложно?

— Решение принимал кхай, — говорю я ей.

Она слабо мотает головой.

— Конечно, всегда решение принимает кто-то другой. А когда случится, что выбор буду делать я сама?

Я смотрю на нее, испытывая разочарование. Нет никакой нужды принимать какое-то

решение. Кхай решил. И, тем не менее..., мне не нравится, как ее слова заставляют меня себя чувствовать.

Или слышать поражение в ее голосе. Лиз — борец. Я не хочу, чтобы она сдавалась.

ЛИЗ

Теперь, когда возвращаюсь, в пещере между нами царит жуткая неловкость. Я не обращаю внимания на Ра́хоша и концентрируюсь на том, чтобы снова сшить вместе свои штаны несколькими обрезками кожи, которые я использую в качестве плотных узлов. В надежде, что эта вещица продержится дольше, каждые несколько дюймов я скрепляю штаны узлом вместо того, чтобы использовать одну длинную нить, и все время, пока работаю над ними, я еще и краснею.

Ра́хош не спеша суетится у входа в пещеру, набирая снег и растапливая его, собирая больше кусков чего-то, похожего на экскременты для поддержания огня, а затем разделяет зверя, которого мы убили возле речки. Он откладывает для меня бамбук, а потом уносит с собой тельце существа, шепотом бормоча что-то про «приманку для ловушки».

Я молчу. Я все еще злюсь на него. Честно говоря, «злюсь» — не самое подходящее слово. Я очень расстроена. Расстроена до глубины души. Я понимаю, он невиноват, что наши вши решили стать спутниками жизни, но может же парень пойти мне навстречу, черт возьми, и выручить меня вместо того, чтобы вести себя так, будто проблема во мне и я доставляю одни неприятности? Уж простите, если не хочу машинально прыгать в постель и предъявлять требование, чтобы он извергся внутри меня своим жидким тестом для заготовки малышей.

Мое лицо начинает гореть, когда я вспоминаю наше маленькое сумасшествие в снегу. Я предаюсь воспоминаниям о том, как он срывает с меня штаны, и моя вошь тут же начинает вибрировать, а я истекаю влагой у себя между ног. Черт. Это так раздражает.

Даже не знаю, что хуже — нескончаемое возбуждение, вызванное вошью, или то, что Ра́хош позволял мне болтать без умолку, не сказав, что понимает английский. Я пытаюсь вспомнить все, что наговорила, и... напрасно. Откровенно говоря, я болтаю всякие глупости и не запоминаю то, что срывается у меня с языка. Ох!

Пару часов в одиночестве дают мне возможность починить штаны, и когда я надеваю их, они намного теснее, но все еще впору. Перерыв от Ра́хоша также улучшает мое настроение и придает мне сил очистить разум, чтобы расставить все по своим местам.

На самом деле, он загнан в ловушку так же, как и я. Впрочем, может, это наставления оргазмов, но он отдавал много больше и ничтожно мало получал из нашего, кхм, инцидента в снегу. Может, я веду себя с ним слишком резко? Хотя он прав в одном — я никогда не удосужилась даже спросить его, говорит ли он на английском. Я просто заносчиво допустила, что он безграмотный инопланетянин..., а это значит, что я — идиотка.

Я вздыхаю. Не совсем уверена, готова ли я извиниться, но знаю наверняка, что я морально истощена от наших постоянных ссор. Они лишь заводят в тупик. Мой папа всегда говорил мне, что на мед поймаешь больше мух, чем на уксус.

В последнее время я только и делаю, что извергаю уксус. Не мудрено, что у меня ничего не выходит.

И хотя у нас с Ра́хошем все еще противоположные желания — он хочет жену и

вынашивателя детенышей, а я хочу, чтобы меня оставили в покое — мы все равно можем вести себя как взрослые.

«Было бы здорово снова иметь друга», — думаю я тоскливо. Девочки, с которыми меня взяли в плен на корабль? Та была дружба при неестественных и насильственных обстоятельствах. Если бы мы не держались вместе, перекинулись бы мы друг с другом хоть парой слов? Я скучаю по дому. Я скучаю по своим друзьям. Я скучаю по своему папе, который умер вот уже пять лет назад.

Когда приближается закат, я критически оцениваю пещеру, зная, что скоро появится Ра́хош. Я пытаюсь привести все в порядок, чтобы вокруг стало как можно приличнее. Я запасуюсь дополнительной водой, заплетаю свои волосы, чтобы не лезли мне в глаза, чиню свою одежду, разжигаю огонь и начинаю работать над тетивом для моего лука. Бамбук, который мы заполучили, оказался совсем не таким, как я ожидала, но он пустой внутри и немного упругий в отличие от кости. Я пробую его в определенных местах обмотать кожей, чтобы укрепить, надеясь на лучшее.

Вскоре Ра́хош входит в пещеру, и два маленьких существа свисают у него с руки. Сегодняшний ужин.

— С возвращением, — говорю я ему.

Ра́хош приостанавливается и, нахмурившись, смотрит на меня, и я вижу, как в его голове вращаются колесики. Он пытается разгадать, что я задумала. Какой у меня может быть замысел кроме, как попытаться быть порядочным человеком? Я вздыхаю.

— Послушай. Мы не с того начали, понимаешь? Ты принудил меня получить вошь, а я с тех пор заставляю тебя за это расплачиваться. Мы можем заключить перемирие ненадолго? Я устала.

Он издает рык и опускается у костра на колени, подбрасывая в него топливо.

— Ты не из болтливых даже в свои самые счастливые дни, не так ли?

Он оглядывается на меня.

— А ты бы говорила даже со стенами, если бы они могли слышать.

Моя улыбка становится напряженной.

— Ты усложняешь всю эту ситуацию с «перемирием», приятель. Сразу предупреждаю.

Я ожидаю от него еще один рык. Вместо этого он кивает головой.

— Это было не очень-то любезно с моей стороны. Извини.

Я расслабляюсь, удивляясь, что он уступил.

— Ладно... ну тогда все в порядке, — я поддвигаюсь к костру и сажусь напротив него. — Хочешь, я помогу тебе с ужином?

— Ужином?

Я жестом указываю на дичь.

— Очистить их? Содрать шкуры? Приготовить из этого еду?

Он, прищуриваясь, еще раз окидывает меня взглядом. Не гневным, а скорее пытаюсь раскусить меня.

— Моя обязанность — обеспечивать мою пару.

— Ааа, — я на минуту задумываюсь, а затем обнимаю согнутые колени, прижав их к груди. Я покачиваю своими босыми ступнями вблизи костра. — Мы можем сохранить немного из этих шкур мне на сапоги?

Он кивает головой.

— Спасибо, — говорю я мягко. — Я не думаю убегать, чтобы ты знал. Отсюда мне

некуда бежать.

Он еще раз кивает головой. Я смотрю на пламя, когда инопланетянин начинает сдирать шкуру со своей дичи. Мне нужно разговорить его, если только так я могу взломать тот непробиваемо твердый панцирь, которым, кажется, окружено его сердце. Этот Рахош — сложный мужчина, в котором еще надо разобраться.

— Итак, расскажи мне про это место.

Он поднимает на меня глаза.

— Это моя пещера.

— Нет, не конкретно про это место, — говорю я, размахивая рукой вокруг пещеры. — Про эту планету. Про этот мир в целом. Я ничего другого о нем не знаю, за исключением того, что здесь холодно.

Рахош рычит, и долгое время мне кажется, что он собирается проигнорировать мои вопросы. Затем он вытаскивает нож поменьше, чем тот, которым сдирал шкуры со своей дичи, и начинает разрезать мясо на маленькие, удобные, небольшие кусочки.

— Это... теплый сезон. Мы говорим, что это — горький сезон, а более холодные месяцы — жестокий сезон.

Мои глаза широко раскрываются. Я невнятно бормочу.

— Но эта земля покрыта снегом в три фута высотой!

Как он может быть теплым?

Его губы медленно изгибаются, и я вижу, как на его лице распространяется сокрушительная улыбка. От нее у меня захватывает дыхание, а его жесткие, заостренные черты лица превращаются в нечто убийственно сексуальное.

— Тебе просто придется привыкнуть к снегу.

— Снег. Верно, — я игнорирую сильную пульсацию моих девчачьих частей в отклик на эту улыбку. Моя вошь опять пускается в ход, и я, инсценировав кашель, постукиваю себя по груди, чтобы попытаться заткнуть ее. — Значит, это... лето?

Он вскидывает голову, мысленно подыскивая слова, как мне кажется, а затем кивает головой.

— То, что ты называешь зимой — это время, когда очень мало света. Солнца показываются редко, и много тьмы. Холода все усиливаются, и охота становится все скуднее. Именно поэтому крайне важно так много охотиться во время теплых месяцев.

Я киваю головой, переваривая все это. Ладно, если речь идет о том, что будет так же тепло, тогда все когда-нибудь наладится и жить буду. Нравится мне это не будет, но жить буду.

— И ты охотник?

Он кивает головой и предлагает мне кусочек красного, окровавленного мяса. Я беру у него этот сырой кусок и кладу его себе в рот. Взрыв вкусов обрушивается мне на язык, и я издаю стон. Это так здорово, что лучше не бывает.

Его рука резко тянется к дичи и, пока я смотрю, его набедренная повязка плотно обтягивает его пах. Упс.

— Ммм, это так вкусно. Прости.

— Не извиняйся, — он злобно разрезает мясо. — Мне доставляет удовольствие, что я могу накормить свою пару.

Ну да, вижу я, до какой степени он доволен. Этот факт никак не скрыть. Я долгое время, упорно из-под ресниц разглядываю эту гигантскую длину. Он протягивает мне еще один

крошечный кусочек, и я наклоняюсь вперед и, не задумываясь, беру его в рот прямо из его пальцев. Его светящиеся синие глаза вспыхивают, и моя вошь пускается в ход по новой.

Глупая вошь, вечно она противостоит мне.

Рáхош наблюдает, как я пережевываю; он протягивает мне еще один кусочек мяса, но стоит мне потянуться за ним своими пальцами, он отстраняет его. Он хочет, чтобы я и дальше ела с его рук. Я наклоняюсь вперед и задеваю языком кончики его пальцев только лишь потому, что мучительно забавно дразнить его.

И это меня заводит. Совсем чуть-чуть.

Его окровавленные кончики пальцев прослеживают контуры моих губ, прежде чем он снова тянет их обратно, а затем Рáхош переходит на корточки. Его член — жесткое бревно возле его ноги во много раз крупнее, чем то хозяйство, которым имеет право владеть любой парень.

— Итак, как это существо называется? — я спрашиваю его, потирая ладони вверх-вниз по своим рукам, чтобы унять мурашки на моей коже. Сейчас я окончательно возбудилась, черт возьми. Из-за сырого мяса и похитившего меня засранца моим девчачьим прелестям не следует истекать соками, но я ничего не могу с этим поделать.

Он смотрит вниз на сырое мясо и отрезает для меня еще один кусок.

— Мы называем его двузубцем, — мужчина оттягивает губы существа, чтобы показать мне два гигантских клыка. Оно похоже на бобра. Отчасти. На бобра-вампира. С рядом шипов вдоль его спины и пушистых, непрочных ног.

Ладно, значит оно ничем не похоже на бобра, но мне кажется, что чувствую облегчение, ассоциируя его с земными животными.

— Ты сам совсем ничего не ешь, — указываю я ему, когда он протягивает мне очередной кусок.

— Моя пара, прежде всего, — говорит он и окидывает меня еще одним интенсивно-жарким взглядом, когда кладет мне в рот мясо, после чего своим большим пальцем проводит по моим губам. — Я поем, когда она насытится.

Мне немного неловко. Это — наиболее причудливо сексуальная трапеза, которая у меня когда-либо была. Наверное, я не должна этим наслаждаться и вполтину так сильно, как я этим наслаждаюсь

— Расскажешь мне о своем племени? О своей семье?

Голодный, возбужденный взгляд на его лице улетучивается, и я вижу, как его черты лица покрываются маской безразличия.

— У меня нет семьи.

— Вообще никого? А что на счет твоих родителей?

— Мертвы, — взгляд на его лице отстраненный.

— Понятно. Ни братьев, ни сестер?

Он качает головой.

— Моя мать резонировала для моего отца только один раз.

— Ааа, — Рáхош кажется совсем затерялся в своих мыслях, так что я продолжаю. — У тебя есть близкий друг в твоём племени?

— Вэктал.

Заставить этого парня раскрыть душу, все равно что пытаться вырвать надоедливый зуб.

— Я познакомилась с ним. А что насчет остальных?

Он пристально разглядывает меня.

— А почему тебе хочется это знать?

— Потому что я скоро буду там жить? Они ведь будут и моим племенем? — высказав это вслух, должна признаться, что меня это немного беспокоит. — А вдруг я им не понравлюсь?

Его густые, выступающие брови опускаются, будто он не совсем улавливает смысл вопроса.

— Ты — моя пара. Не может быть такого «нравится» или «не нравится». Ты будешь частью племени.

— Тебе легко говорить, — говорю я ему. — Ты же вырос вместе с ними. Вы все из одного вида. Я же причудливая чужачка, которая никак не прекратит болтать, помнишь?

Долгое время он пристально смотрит на меня непроницаемым взглядом. Ну а потом, после того, как, кажется, прошла целая вечность, он предлагает мне еще один кусок мяса. Я беру его, а он говорит:

— В нашем племени на данный момент всего два детеныша. С Джорджи будет уже три. А если и другие резонируют, будет еще больше.

Я пытаюсь переварить эту информацию.

— А женщины? Сколько женщин?

— Без людей? Четыре, если не учитывать детенышей.

Я бледнею. А это значит, что множество мужчин чахнут, испытывая чувство неудовлетворенности. Может оно и к лучшему, что Рахош спрятал меня подальше в этой пещере на некоторое время. Я вот гадаю, из-за остальных девушек, которые не резонируют, не будут ли они грызться как собаки из-за остатков ужина.

— А сколько всего мужчин?

— Нас осталось двадцать четыре. Двадцать из них без пары.

— Остались одни?

Он кивает головой, отрезая еще один кусок мяса.

— Жизнь здесь тяжелая. Несколько лет назад из-за неудачной охоты мы потеряли многих из нашего племени. Погибли четыре из наших мужчин и одна женщина, прежде чем мы могли убить та-ли^[8], — он потряс головой. — Это было трудное время.

— Звучит очень опасно.

— Именно поэтому женщины больше не охотятся. Дело не в том, что они не могут, а в том, что мы не хотим рисковать существованием племени, подвергая их опасности.

Я открываю рот, чтобы ответить, а он тут же впихивает в него еще один кусок мяса. Это больше похоже на тактику, чтобы заставить замолчать, так что я быстро пережевываю, а затем все-таки продолжаю.

— Но у вас же теперь человеческие девчонки. Это означает, что вы больше не одна большая компания мальчишек. Это увеличивает племя до..., — мгновение я подсчитываю. — Двенадцать человек и тридцать с вашей стороны, ребята, то есть нас насчитывается сорок два. Много охотников.

— Немногие захотят на охоте рисковать своими парами, — говорит он, предложив мне очередной кусок мяса. Я отказываюсь от него, и вместо меня он ест его сам, погруженный в свои мысли. — Многие вообще больше не захотят охотиться.

— А почему?

— Охота по своей сути крайне одиночная и ведется в уединении от других. Мы выходим в снег и вьюгу на длительные периоды времени. Можем уйти на полный оборот лун прежде,

чем вернуться домой.

— Это что-то вроде месяца?

Он пожимает плечами.

— Большинство охотится в одиночку. Так легче охватить всю территорию. Мы охотимся на небольших зверей во многих различных направлениях и прячем дичь под снегом, чтобы вернуться за ней позже, когда уголья неприступны, а весь отличный зверь впал в спячку, уйдя со льдов.

— Значит, охотники... проводят много времени одни? Это, наверное, не самое худшее в мире, учитывая, что у вас дома только четыре девушки, — я задумываюсь. — Это то, что ты делаешь?

Он кивает головой.

— Я — охотник и провожу больше времени в дикой природе, чем в племенных пещерах.

— Почему?

— Что почему?

— Почему проводишь больше времени в одиночестве, чем дома?

Его светящиеся синие глаза четко удерживают меня на месте.

— Там у меня ничего нет. Зато в дикой природе я могу оказать ценную помощь для моих людей. Дома мне дано лишь видеть то, что другие имеют и чего у меня нет. Иногда это... тяжело.

Взгляд, которым он смотрит на меня, в очередной раз чрезвычайно собственнический, и я понимаю, что он говорит о парах.

Я с трудом сглатываю. Поэтому он добровольно ссылает себя в изгнание на долгое время, поэтому он не остается возле всех этих счастливых парочек? Мое сердце сжимается от жалости. Теперь понятно, почему Рахош дерьмово себя чувствует среди людей.

— Проклятье, не заставляй меня жалеть тебя.

Он издает рык и беспощадно отрезает от дичи очередной кусок мяса, затем прожевывает его с ожесточенным выражением на лице.

— Я не нуждаюсь в твоей жалости, женщина.

— Жалость — это все, что ты сегодня от меня получаешь, — я саркастически передразниваю.

Его зубы обнажаются в рыке.

— Я не нахожу твои слова забавными.

— Я не пытаюсь развлечь тебя, — указываю я. Тогда в раздражении я встаю на ноги. — Боже. Ума не приложу, что мне с тобой делать.

— Я хочу свою пару, — говорит он сквозь зубы, неподвижно сидя у костра. — Именно так это происходит. Кхай решил, что мы с тобой должны быть спарены. Ничего из этого не может быть изменено. Ты будешь моей, и все на этом.

— А это так? — я поворачиваюсь обратно к нему и упираю руки в боки. — Я требую отправиться на охоту. — Ну что, выкусил? — он поднимает голову, и я понимаю, что он пытается разобраться в моих словах. — Это — человеческое высказывание, — я огрызаюсь. — Я хочу охотиться и обеспечивать себя. И знаешь, что? Я также хотела бы принимать решения за себя. Когда я смогу сама определять то, чего хочу, черт побери? — я широко раскрываю руки. — Все вокруг меня думают, что лучше знают, чем мне следует заниматься, а ты хоть имеешь представление, чего я хочу? Нет, не имеешь, потому что никто меня об этом не спрашивал.

— Ты хочешь охотиться, — говорит Рахош бесцветным голосом.

— Неплохо для начинающих.

— Очень хорошо. Утром возьму тебя с собой на охоту.

В удивлении я таращусь на него, хлопая глазами. Его настроение кажется мрачным, но он... собирается взять меня с собой на охоту?

— Серьезно? Вот так просто?

— При условии... — он делает паузу и окидывает меня очередным горячим взглядом.

— Ооо, ну вот, началось, — бормочу я, затем машу ему рукой, чтобы продолжал. Всегда есть какой-то подвох, не так ли? — Выкладывай все до конца.

— Я возьму тебя на охоту, если ляжешь со мной этой ночью, как должны это делать пары.

— Если думаешь, что я собираюсь перепихнуться с тобой за право поохотиться...

— Не для секса. Перепихнуться? — он смотрит на меня с любопытством. — Никакого перепиха. Одни лишь прикосновения. Обнимать друг друга.

Мое подлое маленькое сердце снова сжимается. Он так одинок. Боже, я такая скотина. Бедный Рахош, застрял с самой упертой женщиной в мире. Я смягчаюсь.

— Пожалуй, я справлюсь с этим.

Рахош молча кивает, а потом выпрямляется и встает.

— Мы должны убраться в пещере и подготовиться к завтрашней охоте, если собираемся на выход.

— Давай займемся делом, — говорю я, скрывая свое волнение. Правда, я немного нервничаю и трепещу при мысли о том, что сегодня ночью буду спать в его объятиях и позволять ему дотрагиваться до себя. Я в мыслях возвращаюсь к недавнему свирепому облизыванию киски, и ритмичная пульсация желания дрожью прокатывает сквозь меня. Моя вошь тут же начинает мурлыкать настолько громко, что звучит как бензопила. Черт тебя дери, вошь! Ну, прояви хоть какую-то сдержанность, девочка.

Следующие несколько часов мы не спеша занимаемся делами в пещере и, как ни странно, между нами царит дружелюбие. Рахош делает для меня пару сапог с какой-то очищенной шкурой внутри, которую он приберегал последние несколько дней. Я знала, что он обходился бережно с ней во время потрошения внутренностей и отбросов, используя самих животных, и в результате получились сапоги из жесткой кожи с чем-то вроде меха внутри, чтобы сохранять мои ноги в тепле. По сути, они были немногим больше рукавиц для моих ног с завязками на лодыжках, но, несмотря на это, я была довольна ими. Я работаю над своим луком, и, когда указываю Рахошу, какой материал мне нужен для тетивы, он достает из своего дорожного мешка нечто, что очень похоже на толстую бечевку. Надеюсь на лучшее, я натягиваю свой лук, а затем приступаю к созданию стрел. Их я делаю из кости, а также ребер и костей крыльев чего-то неописуемого, на вид ужасного и похожего на страуса, но с более короткими ногами — четырьмя, кстати — которые, оказывается, подходят идеально. Теперь у меня есть стрелы, которые чуточку короче, чем те, к которым я привыкла, но они легкие и со смертельными иглами в наконечнике после того, как хорошо заточены. Я затачиваю и оперяю свои стрелы, кажется, уже несколько часов, пока костер не гаснет, и я начинаю клевать носом с ножом в руке.

Рахош вынимает стрелу из моей руки, хотя я изо всех сил стараюсь не засыпать.

— Пора спать, — говорит он мне.

— Ооо, но у меня их всего четыре, — говорю я ему со слабым протестом. — Это совсем

немного для охоты.

— Кроме них у нас еще есть копыта и ножи. Ты можешь научиться новым способам охоты, — говорит он низким и нежным голосом, когда аккуратно откладывает в сторонку мой лук и стрелы. — Иди и раздевайся, чтобы лечь спать, моя пара.

Мне следовало возразить, что я не его пара, но все, что у меня получилось, — зевок.

— Я могу спать в своей одежде.

— Нет, если мы будем спать как пара, — он бормочет. — Ты именно это мне обещала.

Значит обещала. Меня слишком сильно клонит ко сну, чтобы протестовать, и я не понимаю, насколько сильно вымотана, пока он не поднимает меня на ноги, а мои ноги ощущаются словно желе. Когда Ра́хош прислоняет меня к себе и начинает развязывать шнурки на воротнике моей туники, я осознаю, какой он теплый и необыкновенно мягкий, несмотря на твердые защитные наросты вдоль его рук, груди и других частей его тела.

Мои руки сами тянутся к его грудным мышцам, и я потираю их под его жилетом.

— Ты такой мягкий, — я шепчу.

Прикасаться к нему — это как прикасаться... к замше или шкуре лани. На его коже имеется тонкий слой пушка, который я до этого не замечала, но он мягкий и о-Господи-такой-теплый, и я не могу перестать гладить его. На самом деле я не против того, чтобы голой спать с ним, если ощущаешь его именно таким.

Моя вошь, вот же маленькая шлюшка, мурлычет свое согласие.

— Подними руки.

В его голосе слышится мягкая хрипотца, и я вяло поднимаю обе руки вверх, прежде чем даже успеваю задуматься об этом. В следующий момент моя туника быстро удаляется через мою голову, а затем я стою прямо перед ним до пояса голая. Моя вошь у меня в груди напевает, и мои соски твердеют, даже когда я снова зеваю.

— Штаны, — говорит Ра́хош, но он не хватает меня и не заставляет чувствовать себя жутко неудобно, поэтому я послушно вышагиваю из них и передаю одежду ему. Сонными глазами я наблюдаю, как он отворачивается и заботливо складывает мои вещи, кладя их рядом. Затем, повернувшись ко мне спиной, он начинает раздеваться.

Это привлекает мое внимание. Я наблюдаю, как двигаются его руки, когда он развязывает шнурки у себя на груди, а потом снимает свою обтягивающую тунику. Потом он сбрасывает свои высокие сапоги и набедренную повязку. У меня от него полностью сносит крышу из-за похоти, наблюдая, мужчина нагибается, показав свою совершенную задницу, в то время как развязывает шнуровку на набедренной повязке, и та соскальзывает на землю. Ра́хош выступает из нее, поднимая ногу с непринужденным изяществом, и я вижу, как раскачиваются яйца у него между ног. Ну а потом его задница снова мелькает, он стегает своим хвостом, а я просто пялюсь не отрывая глаз.

Почему один вид того, как этот хвост виляет на этой подтянутой заднице, вытворяет безобразные, непристойные штучки с моими девчачьими прелестями? Ра́хош, оборачиваясь, смотрит на меня через плечо, и его взгляд такой жаркий, что я возбуждаюсь до предела и начинаю ерзать. Сомневаюсь, что если мы будем голыми вместе, это — хорошая идея, а еще я не уверена, что смогу остановиться, даже если бы и захотела.

И... я, вроде как, не хочу.

Он снова поворачивается ко мне лицом, и от его тела вперед выступает член, длинный и недвусмысленный. Он полностью эрогирован, и я пытаюсь не пялиться на его отличающуюся анатомию. Я не девственница, но у Ра́хоша чудовищно огромный член, и

вдобавок ко всему, у него, кажется, имеются... наросты вдоль всего ствола, так же зоны неровных шершавостей покрывают его руки и грудь.

Это будет ощущаться либо обалденно потрясающе, либо просто ужасно.

Я хмурюсь, пялясь на небольшой выступ, расположенный в несколько дюймах над его членом. Я припоминаю его еще с прошлого раза, но его вид сбивает меня с толку так же сильно и при повторном рассмотрении.

— А зачем тебе это?

Он делает шаг вперед, его рука опускается к члену и проводит по нему, он ласкает его так, что я чувствую себя опьяненной похотью.

— Моя шпора? — он пожимает плечами. — Это — часть моего тела.

— Да, но у него есть конкретная функция? Ну, за исключением того, чтобы шокировать земных девушек?

Рахош берет меня за руку и подводит меня к гнезду из шкур.

— Разве у ваших мужчин таких нет?

— Мда, вот этого уж точно нет.

— Я тебя пугаю? Поэтому ты меня отвергаешь? — он выглядит едва ли не полным надежд.

Это странно.

— Я тебя не боюсь.

Черты его лица мрачнеют.

— Тогда ты меня отвергаешь по другим причинам.

— Причина вроде «о, кстати, выбор не в твоей власти»? Для меня это вполне достаточная причина.

Я раскапываю шкуры и скольжу, чтобы улечься в них, устремляясь к дальнему краю гнезда. Из шкур получилась отличная уютная постель, но она все равно не очень-то большая. Рахош не ложится рядом со мной, и я, внезапно смутившись, подтягиваю шкуры, прикрывая свою грудь. Я одна, потому что он сидит на корточках рядом с постелью и изучает меня, а его член торчит как третья нога, в то время как мужчина потирает свой подбородок и задумчиво смотрит. Я пытаюсь не смотреть в глаз, эмм, его маленькой головки.

— Это потому, что я уродлив? — спрашивает инопланетянин по прошествии долгих минут. — Поэтому тебе ненавистно быть спаренной со мной? — он задумчиво потирает шрамы на одной стороне своего лица.

Я, хмурясь, смотрю на него.

— Ты не уродлив.

— У меня шрамы. Конечно же, ты их заметила.

Я фыркаю.

— Я же не слепая. Это слегка очевидно.

Выражение лица у него мрачнеет, и он встает на ноги. Я ранила его чувства. Проклятье, этот мужчина еще более вспыльчив, чем я. Я хватаю его за лодыжку, чтобы остановить, и он пристально опускает на меня свои прищуренные, пронзительные глаза, которые, похоже, скрывают все эмоции.

— Ты меня неправильно понял, — заявляю я. Понятия не имею, почему мне так важно не причинять ему боль, но это так. — По-моему, совершенно очевидно, что у тебя шрамы. И у тебя не хватает рога. Но я не говорила, что это некрасиво, — я облизываю губы. — Мне вроде как нравится.

Его глаза снова сужаются.

Мои пальцы скользят по мягкой замше его лодыжки, лаская твердые сухожилия под кожей. У него нет ни дюйма, который был бы мягким от избыточного жира. Он всем телом худощав и излучает некую дикость и... ну, даже если бы у меня и не было вши, он, скорее всего, был бы в моем вкусе.

— Единственное, что мне не нравится в этой ситуации, это тот факт, что у меня нет выбора. Дело не в тебе. Все дело во мне. Понимаешь?

Он снова садится на корточки, а его член балансирует прямо возле моей руки. Я стараюсь этого не замечать, стараюсь не поддаваться определенным мыслям.

— Когда дело доходит до спаривания, нет никакого выбора. Кхэй решает. Именно так создаются сильные дети.

— Там, откуда я, женщина сама решает, — ладно, это, наверное, немного упрощено, так как многим женщинам не приходится выбирать, но я не развиваю эту мысль. — Мужчина ухаживает за ней, а она дает ему понять, оценивает ли она его усилия.

Он раскидывает широко руки, жестом указывая на пещеру.

— Разве я не ухаживаю? Разве это не все необходимые усилия, чтобы показать тебе, что я могу предоставить?

— Похитив меня от остальных, а затем притворяясь, будто ухаживаешь, не считается, нет, — я огрызаюсь. — Знаешь что? Я прекращаю попытки быть хорошей. Ты полон решимости неверно истолковывать все, что я говорю. Забудь, — я откидываюсь обратно в постель и натягиваю шкуры, затем поворачиваюсь на бок спиной к нему.

Он ложится рядом со мной. Ну, разумеется, это должно было случиться. Мужчина не узнал бы слово «нет», даже если бы оно отвесило ему пощечину. Я все равно не обращаю на него внимания и полна решимости заснуть. Он хочет лечь спать как пара? Отлично — его первым опытом станет то, как женушки строят из себя Снежную королеву. Добро пожаловать в супружескую жизнь, Ра́хош!

Я закатываю глаза в пустоту, когда он тянется к моей руке и поглаживает ее.

— Ты передумала?

— Передумала? — я не оглядываюсь посмотреть на него, потому что, если я это сделаю, он может получить кулаком прямо в глаз.

— На счет охоты? Ты не хочешь утром отправляться в путь?

Я стискиваю зубы.

— Ты — просто ничтожный шантажист.

Инопланетянин приходит в замешательство. Он ладонью шлепает меня по руке, требуя ответ, что раздражает меня почти так же, как и его следующий комментарий.

— Я не понимаю эти слова. Что такое «ничтожный»?

— Твои люди. Следующий вопрос?

Он издает рык, и я не могу понять, сердится ли он по поводу моего едкого замечания.

— Шан... тажист? Что это такое?

— Это тот, кто вынуждает меня делать то, что мне совсем не хочется в обмен на что-то, что я очень хочу.

На этот раз Ра́хош издает какой-то звук неверия. Его длинные пальцы прослеживают вверх-вниз по моей коже, и в ответ мою кожу покалывает. У меня между ног начинает сильно отбивать пульс, и я чувствую, что истекаю влагой лишь при этом легком прикосновении.

— Ты утверждаешь, что не хочешь этого. Единственное, что говорит, будто ты этого не хочешь — это твой рот.

— Право выговориться тоже запрещено?

— Это значит лишь то, что сказано уже достаточно, — поправляет он кисло.

— И вот из-за подобного дерьма ты даже во сне не сможешь потрахаться, — я отстраняюсь от него. — Хватит меня лапать.

Он усмехается, наклоняется вперед и губами проводит по моей коже.

— Ааа. Есть побольше таких ритуалов спаривания? Я это уже успел запомнить.

И он ладонью накрывает мою грудь, сжимая сосок.

Я в гневе шиплю и шлепком отбиваю его руку прочь, даже когда моя вошь начинает вибрировать в ответ ему.

— Что ты делаешь?

Его ладонь возвращается к моей груди, своим мощным бицепсом прижимая мою размахивающую руку. Он ласкает и обхватывает мою грудь ладонью, крепко удерживая меня на месте, и начинает покусывать мою кожу вдоль плеча.

— Я ухаживаю за тобой, как ты мне указывала. Ты велела мне не прикасаться к тебе..., но это человеческое спаривание, которое велит мне доставить тебе удовольствие.

— Но это совершенно не так! — а затем я вспоминаю, как он вжимался своим лицом между моих ног, поглощая мою киску. — Не хочу, чтобы ты там прикасался.

Вот черт. Я подала этому парню какие-то безмозглые сигналы, так ведь? Настало время, чтобы все объяснить.

— Рахощ, думаю, нам нужно немного поговорить. Я... — мои слова обрываются удивленным визгом, когда его клыки царапают мое плечо, и мои нервные окончания резко взбесились. Это не должно ощущаться настолько восхитительно, как это было. От этого все мое тело не должно петь. Но моя вошь от восторга сходит с ума, и, когда он снова покусывает плечо и проводит языком по моей шее, я не сопротивляюсь. А потом его рука опускается между моих ног, и его ладонь накрывает мой холмик?

Я промокла. Я так сильно промокла.

И я издаю стон, не в силах сопротивляться.

— Видишь, — шепчет он и языком проводит по моему уху. Ооо, он шершавый. Я все время забываю, что он тоже шершавый, и от того, как он натирает мою плоть, делает меня по-настоящему необузданной. — Я учусь ухаживать за тобой, моя Лиз.

Его пальцы скользят вдоль моих складочек, а затем погружаются внутрь в поисках скользкого жара. Одним пальцем он ласкает вход в мою сущность, и я изгибаюсь навстречу ему, жаждущая большего, чем просто его палец. Я чувствую прижатую к моей спине твердую, невероятную длину его члена, и я хочу быть наполненной им.

— Никакого секса, — я выдыхаю. Сказать по правде, если бы он перекатил меня на живот и толкнулся в меня сзади, это наверняка было бы просто замечательно и я ликовала бы от этого. Тем не менее, девушка должна придерживаться своих стандартов.

— Я все еще ухаживаю за тобой, моя пара, — шепчет мужчина низким голосом, а у него в горле гудит свирепое мурлыканье от резонирования в груди воши, которая подчеркнута соперничает с моей. — Позволь мне сегодня ночью лизать тебя и доставить тебе удовольствие, как мы и обещали друг другу.

Что ж, звучит не так уж и плохо.

О Боже, кого я обманываю? Его прикосновения мне были нужны еще вчера. Мне нужно,

чтобы его руки облапали меня всю. Мне нужно, чтобы он продолжал исследовать мое тело, но при этом завязал со своими нежными ласками и перешел к разного рода похотливым, грязным забавам.

— Ра́хош, — я издаю стон, потянувшись назад, чтобы добраться до него. Моя рука скользит в густую копну его темных волос, и я нахожу его рог. Я хватаюсь за него, будучи счастлива иметь такую управу, когда он пальцами играет с моим телом, а его грудь тяжело вибрирует против моей собственной.

— Твое влагалище наполняется нектаром для меня, — шепчет он мне в ухо, а потом нежно облизывает ушную раковину. — Хочешь, чтобы я его испил и попробовал на вкус мою пару?

— Это так слащаво звучит, — выдыхаю я, но, проклятье, от его слащавых слов я вся уже извиваюсь от желания. Его палец все кружит около моей ноющей сердцевины, и больше всего мне хочется, чтобы он толкнул его глубоко внутрь и начал трахать меня своими большими пальцами, вместо того, чтобы просто дразнить.

— Слащаво?

— Это лишь еще одно высказывание, — говорю я ему, а затем издаю странное мяуканье, когда он погружает свой палец внутрь меня. — О, Боже, продолжай именно так прикасаться ко мне.

— Тебе нужны мои пальцы? — он зарывается лицом в изгиб моей шеи, и я чувствую, как твердые наросты на его лбу натирают мой подбородок, когда он прижимается носом к моему горлу. Моя грудь ноет по его прикосновениям, и я начинаю играть со своими сосками, толкая бедра против его пальца, который лишь едва чувствуется внутри меня. — Или ты хочешь, чтобы я лизал тот сосок, что у тебя между ног, пока ты не выкрикнешь мое имя?

Ошеломленный смех вырывается у меня из горла.

— Ты только что сказал «с... сосок»? У меня между ног?

Это привлекает его внимание. Ра́хош садится и, хмурясь, смотрит вниз на меня.

— Раз это не так? Тогда что же это такое?

— Нет же! Соски только на груди!

Его рука оставляет мою кисть и скользит к моей груди, я издаю стон, когда его влажные пальцы начинают кружить вокруг одного ареола соска.

— Это соски, да?

Я киваю головой, будучи не в состоянии говорить. Просто его прикосновения ощущаются слишком прекрасно.

— Люди такие мягкие, — комментирует он, порхая своим большим пальцем вокруг моего тугого соска, затем перекатывает его между пальцев, будучи очарованным этим твердым маленьким комочком. — Мы созданы не так.

— Нет? — я переворачиваюсь так, чтобы лежать на спине, а не на боку, и пристально смотрю вверх на него. Я протягиваю руку и смело ласкаю одну из его грудных мышц, скользя рукой по его соску, и пробую его на ощупь. Оказывается, он крепкий словно камень. Мои пальцы скользят по нему, и я удивлена. — Ничего себе. Он... отличается.

При моем прикосновении дыхание мужчины с шипением вырывается из горла. Будучи воодушевленной, я продолжаю потирать большим пальцем его сосок — даже при том, что он уже тверд, сразу видно, что он наслаждается моим прикосновением.

Он ласкает мою грудь еще чуть-чуть, а затем его рот резко опускается на мои губы. Я

отвечаю ему, хотя убеждаю себя, что целовать его — не умно. Это приведет лишь к ложным ожиданиям. Но, даже осознавая это, я ничего не могу с собой поделать. В тот момент, когда бархатная кожа прижимается к моей, а его губы встречаются с моими губами, я — пропала. Я целую его в ответ, наслаждаясь его твердыми губами. Он лижет мой язык в то время, как его рука ласкает мою грудь, и я прижимаюсь к нему. Я обнимаю его за шею и тяну вниз на себя, чувствуя, как его большая, тяжелая грудь прижимается к моим грудям. Наросты вдоль его кожи — шершавые, твердые участки на его руках и в центре его груди — ощущаются странной смесью шикарной замши с остальной частью его кожи, но когда я начинаю тереться своими сосками об нее, ощущения этой двойственности просто невероятны. Я снова стону, теряясь в ощущениях.

Его член толкается мне в живот, и я чувствую, как горячие капли предсемени текут по моей коже, оставляя влажные следы. Ра́хош продолжает целовать меня, его язык кружит вокруг моего, а его рука спускается вниз по моему боку и остается на бедре.

— Если это не сосок, тогда что это?

Я хихикаю ему в губы, удивляясь его инопланетному, полному отсутствию понимания женской анатомии. Хотя, если честно, думаю, вполне логично считать, что это сосок.

— Это называется «женскими гениталиями». Или «клитор» для краткости.

Его рука скользит к моим лобковым волоскам, и он проводит пальцами сквозь них, прежде чем снова найти клитор. Кончиками пальцев мужчина прикасается к нему, тщательно исследуя, от чего я прижимаюсь к нему еще сильнее.

— А какая функция у него?

— От него... эээ... просто становится так здорово, — понятия не имею, есть ли у клитора какая-либо анатомическая функция. Он не похож на почку или что-то в этом роде. У меня прерывается дыхание, когда Ра́хош опять начинает кружить пальцами вокруг него. — Господи. Очень, очень здорово.

— Ммм? Значит, тебе нравится, когда я касаюсь его?

Я кричу, а мои ногти впиваются в его кожу, тогда как он продолжает кружить ленивыми, но все более возбуждающими кругами вокруг маленькой частички чувствительной кожи. Я поднимаю одну ногу и оборачиваю ее вокруг его бедер, и своим тазом толкаюсь навстречу его прикосновениям.

— О, Боже, да. Прошу...

— Ты скажешь мое имя, Лиз? — он прижимается легкими поцелуями к моим губам, все продолжая касаться моего клитора невыносимо медленными, слегка царапающими движениями.

Я облизываю губы, хныкая от его прикосновений.

— Зачем?

— Потому что хочу услышать, как моя пара произносит мое имя, когда кончает для меня, — шепчет мужчина, покусывая мой подбородок.

Очередное хныканье вырывается у меня из горла.

— Откуда... — Боже, становится все тяжелее думать. Мне хочется схватить его руку, пихнуть его большие пальцы внутрь себя и объезжать их словно безумная, пока не кончу. — Откуда ты знаешь..., что я вот-вот кончу?

— Разве нет? — его зубы слегка царапают мой подбородок, а затем он начинает проводить языком вниз по моей шее. — Мне пить твой сладкий нектар из источника, пока не кончишь?

— О, Боже, — я издаю стон. Мои ногти впиваются в его плечи. Его непристойные, странные слова заставят меня кончить как сумасшедшую. Я так близка к этому. — Ра́хош... Мне нужен твой палец внутри меня. Трахни меня своей рукой.

Он стонет, припав к моему горлу, и своим языком скользит по линии моей шеи.

— Скажи еще раз мое имя, и я дам тебе все, что ты захочешь.

— Ра́хош, — кричу я, и один, но большой палец снова прижимается к моей сути. На сей раз, когда я выгибаюсь против него, он погружается глубоко внутрь. Я снова кричу его имя, а моя вошь в груди долго и тяжело вздрагивает от восхищения. — Именно так! О, Боже!

— Скажи еще раз, — требует он и снова толкает внутрь меня свой палец.

Я взбрыкиваю против него, цепляясь за его плечи.

— Ра́хош! Ра́хош!

Моя вошь мурлычет настолько громко, что чувствую, будто от нее я гложу, и вот, когда он снова толкается внутрь, его большой палец задевает мой клитор. Мое тело взрывается, и когда я кончаю, то повторяю его имя с оглушительным криком.

Дыхание с шипением вырывается из него, в то время как он снова и снова продолжает входить в меня своим пальцем.

— Я чувствую это, — говорит он слабым голосом, полным удивления. — Чувствую, как ты сжимаешься вокруг моих пальцев.

Горячий румянец окрашивает мои щеки, и я отталкиваю его руку, так как начинаю чувствовать чрезмерную чувствительность. Ра́хош игнорирует мои попытки оттолкнуть его и продолжает толкать внутрь меня палец, и на его лице отражается восхищение.

— Моя пара, — говорит он с благоговением. — Моя Лиз.

Боже мой! Что-то мне подсказывает, что, если я не отвлеку его внимание от этой блестящей, новой игрушки, я просто не выкручусь из этого, пока он не «утвердит» меня по-настоящему. И, конечно же, от этой мысли по всему моему телу опять пробегает дрожь, и я сжимаю бедра вокруг его руки, но от этого мне никак не легче. Вошь у него в груди начинает мурлыкать еще громче, и они уже обе в моих ушах звучат как какофония.

— Позволь попробовать тебя на вкус, — говорит он и начинает двигаться вниз по моему телу.

Стоп, стоп, стоп. Я не готова повторить это еще раз. Особенно, когда мои ноги все еще настолько сильно трясутся.

— Вообще-то, — говорю я, ухватившись за идею. Я скольжу рукой по его большой руке, а затем смело направляю ее к его передней части и обнимаю этот его большой, громадный член. — Теперь моя очередь поиграть с тобой. Именно так ухаживают люди.

Он смотрит на меня и хмурится.

— Так ухаживают?

— В некоторых кругах так происходит на самом деле, — говорю я ему и извиваюсь из его объятий. Его палец выскальзывает из меня, и на мгновение я чувствую себя такой пустой, что хочу плюхнуться обратно прямо на спину и дать ему трахнуть себя. Наверное, это, скорее всего, просто наставления моей вши. А я полна решимости не поддаваться ее власти, поэтому скольжу рукой вверх-вниз по его члену, чтобы привлечь его внимание.

Уловка срabатывает. Дыхание с шипением вырывается из него, и его рука накрывает мою.

— Постой...

— Все в порядке, — говорю я ему, слегка ослабляя крепкое сжатие на его члене. — Ты

давненько не занимался сексом? — это законная тревога, учитывая, что в племени всего четыре женщины, и у двух из них дети. — Мы можем делать все медленно.

Он сжимает челюсти и отводит от меня взгляд, при этом убирая мою руку.

— Эээ. Очень, очень долгое время?

— Не все ли равно? — он рычит на меня.

О, Боже, начинаю догадываться. Я заполучила себе настоящего инопланетного девственника! Я долгое время, упорно смотрю на него, а затем мое сердце сжимается с сочувствием. Неудивительно, что он считает себя уродливым. Если никто в его племени никогда не прикасался к нему, он, должно быть, привык думать, что это из-за того, как он выглядит. Племя, в котором только четыре женщины, подразумевает, что те леди могут сами выбирать себе мужчин — пока, конечно, их не спаривает вошь. Наверное, у Рахоша никогда не было подобного опыта.

Бедный парень. Никогда не иметь ни единого любящего прикосновения? Ласки? Дурачиться просто для удовольствия? Он столько всего из этого пропустил. Я внезапно чувствую себя той еще сволочью за то, что постоянно отвергала его. Я для него, наверняка кульминация, неисчисляемое количество мечтаний, и то, что я гоню его прочь, должно быть, причиняет боль.

Я начинаю понимать, насколько одинока его жизнь... и что, скорее всего, я для него означаю.

И вдруг мне хочется доставить ему удовольствие. Речь уже идет не о том, чтобы отвлечь Рахоша, чтобы он прекратил меня дразнить. Более того, речь идет о том, чтобы вовсе увеселить его парочкой мощных ласк, чтобы он осознал, что сексуален и желанный, и кому-то все-таки нужен.

— Ты мне доверяешь? — спрашиваю я его, положив ладонь на его грудь, над сердцем. Это безопасное место, при всем при этом оно грубое и покрыто наростами так же, как и кожа на его лбу.

Мгновение мужчина колеблется в нерешительности, а затем, сжав челюсти, кивает головой.

— Тогда ляг на спину, — говорю я ласковым голосом. — И позволь своей паре немного ублажить тебя. Все это является частью человеческих ритуалов спаривания.

Долгую минуту он просто парализован, и мне кажется, что он откажет мне. Но, потом он поворачивается и откидывается в шкурах на спину, а его член выступает вверх. Мужчина опирается на локти, чтобы наблюдать за мной, а его прищуренные глаза мерцают от интенсивности.

Мне придется действовать медленно, чтобы заставить его продержаться намного дольше. Я ломаю голову, пытаюсь понять, как продлить оргазм этому неопытному парню. Думаю, мне предстоит действовать просто по обстоятельствам. Ему будет стыдно, если его дружок взорвется слишком быстро, и будет винить в этом себя, а я не хочу, чтобы это произошло.

Тогда я кладу руки ему на бедро и выжидаю.

— Все нормально?

Он смотрит на меня обжигающим взглядом и после долгой напряженной минуты кивает головой.

— Можно мне исследовать тебя?

Его член подергивается, а на головке появляются еще больше капель предсемени. Я

смотря, как Ра́хош стискивает зубы и снова кивает головой.

Может, мне лучше снять сначала его напряжение. Поэтому я плавно опускаюсь вперед, двигаю руками по своим бокам, так чтобы мои груди (хоть и не производящие такое уж сильное впечатление) сжались вместе.

— Я заставлю тебя кончить, — говорю я ему, легонько проводя ногтями вниз по одному из его бедер. — Ну а потом я собираюсь некоторое время поразвлечься с тобой. Понял?

— Делай, что хочешь, — в его словах сквозит напряженность. Бедняга. Скорее всего, он вот-вот взорвется и почувствует себя неловко из-за этого. Моя вошь продолжает мурлыкать как сумасшедшая, а его начинает грохотать еще громче, когда я наклоняюсь вперед.

Я беру его длину в свою руку, но мои пальцы даже не соприкасаются на его толщине. А вот это... интересно. Еще он твердый и у него наросты вдоль ствола, и я снова сжимаю вместе свои бедра при осознании этого факта. Он не обрезан, и я сжимаю его над крайней плотью, а затем сдвигаю ее на его головку, сделав так всего лишь раз.

Ра́хош задыхается, и тогда брызги горячего семени, извергающиеся из здоровенной головки его члена, заливают мне руку. Его тело вздрагивает в спазмах оргазма, и я снова кладу руку ему на бедро.

— Все хорошо, — говорю я ему, а потом, пока он пристально смотрит вниз на меня, я наклоняюсь к нему и слизываю с головки его члена все следы семени.

Я никогда не была большой фанаткой вкуса спермы — у нее отвратительный вкус, к которому я просто не могла привыкнуть — но с вошью, приспособившей мои осязания, от него нет никаких неприятных ощущений на языке, лишь умеренно легкий мускусный привкус, который на самом деле... весьма хорош. Одно удовольствие облизывать и очищать его член, к тому же эти приглушенные стоны и запыхавшееся дыхание заставляют меня чувствовать себя чертовски довольной.

Когда я полностью заканчиваю очищать его, то поднимаю глаза и кончиком своего языка еще раз провожу по головке его члена.

— А сейчас я могу позабавляться с тобой?

У него раздуваются ноздри, и он резко с шумом вдыхает, а затем кивает головой.

— Если снова кончишь, — убеждаю я его, — Это нормально. Но я постараюсь быть с тобой нежной, — я кокетливо подмигиваю ему, так как выражение его лица выказывает неверие.

Затем я провожу пальцами вверх-вниз по его бедрам, исследуя особенности, которыми он отличается от меня. Я типичная девушка — типичного роста, типичного веса, с типичной грудью. Ра́хош, в отличие от меня, — обилие синевато-серых мышц ростом выше семи футов. На боках его крупных бедер имеются отчетливые пластины, линии бугристых шершавостей спускаются вниз от его груди прямо туда, где была бы полоса волос от пупка до лобка, если у него в паху были бы волосы, у него также имелись наросты на руках и плечах. Думаю, что если я проведу рукой по его спине, то обнаружу, что она также в бугристых шершавостях.

Само собой разумеется, больше всего мне интересно взглянуть, как выглядит его хозяйство. Мои руки скользят обратно вниз к его члену. Невозможно устоять перед ним, потому что эта чертова шгуковина просто великолепна. Длинный и толстый, с тяжелой, темно-синей головкой, и там он ощущается более бархатным, чем где-либо еще. Его яйца внушительного размера, а мешочек туго подтянут к паху.

Синие яйца. Я хихикаю. Никогда еще эта фраза не была столь уместной.

Он хмурится и шлепком отбивает мои изучающие руки прочь.

— Я смеялась не над тобой, — объясняю я, прикусив губу. — Только над высказыванием о синих яйцах, которое распространено среди людей.

— А что это за высказывание? — дыхание с хрипом вырывается из него, когда я наклоняюсь и снова беру его в руку, а затем начинаю покусывать вверх-вниз по его стволу.

— Не важно, — я провожу языком вниз по одной из толстых вен, а затем возвращаюсь обратно вверх по бугристым наростам. — Ну и каково это?

Когда он не отвечает, я поднимаю глаза от своей греховной миссии.

Его сияющие синие глаза пристально смотрят на меня.

— Почему ты остановилась?

Я хихикаю.

— Может потому, что задала тебе вопрос?

— Это не похоже... ни на что, что я испытывал раньше, — голос у него хриплый от желания, и даже когда он произносит слова, на головке члена появляются еще больше капель предсемени.

— Это самый лучший ответ, — я вновь возвращаюсь облизывать и покусывать его длину, выясняя, какие прикосновения ему нравятся. Кажется, больше всего реакций я добиваюсь, когда задеваю его нежную кожу зубами, или когда сильно сжимаю основание его члена.

Поэтому, естественно, я делаю и то и другое довольно долго, пока он не толкается мне в руку и у него не выступает пот на лбу. Хотя, свой пристальный взгляд он так и не отводит от меня и от того, что я делаю. Если бы еще один инопланетный корабль высадился бы снаружи, я сомневаюсь, что он бы придал этому значение. Он совершенно очарован моим ртом.

Я продолжаю исследовать его тело парочкой облизываний поперек головки ствола, его твердой и бугристой части, а затем направляюсь к выступу, похожему на уменьшенную копию большого пальца, расположенному над членом.

— Еще раз скажи, как ты это называешь?

— Это шпора.

— Это что-то типа... клитора? Ощущения приятные, когда я прикасаюсь к нему?

В порядке эксперимента я провожу по нему пальцами. Он ощущается по-другому, чем его член. Там, где член кажется словно бархат поверх жесткой мышцы, его шпора ощущается... странно. Слегка напоминает кость, но покрытой кожей и плотью. Он не сокращается или становятся больше, как делает его член, к тому же, когда прослеживаю по нему пальцами, Рахош, кажется, не реагирует так же, как когда я лижу его член.

Он пожимает плечами.

— Все, что ты делаешь, очень приятно.

— Но не похоже... хммм. Как на удар молнией, когда я лижу его? — я наклоняюсь и облизываю его, наблюдая за лицом мужчины.

Его член подскакивает в ответ.

— Приятно, — он шепчет.

Но я же хочу, чтобы он сходил с ума. Поэтому пододвигаюсь к его члену, сжимаю в кулаке головку, ну а потом дразню языком щель.

— А так...?

Я еще даже не закончила свое предложение, а он, тяжело задышавшись, толкается мне в руку. Рахош зажмуривает глаза и, издавая стоны, вновь падет обратно в шкуры.

— О да, так куда лучше. Ну что ж, рада это узнать.

Я вновь начинаю облизывать и сосать его член, потому что никогда не вредно придерживаться того, что девушка умеет лучше всего. Я вообще-то даже рада, что шпора не главная точка его удовольствия, потому что знаю, как вытворять чудеса с членом. А вот что сделать с этим отростком, я не очень-то сильно понимаю. Я сосу член еще какое-то мгновение, и тогда меня осеняет идея. Я наклоняюсь и щелкаю языком вокруг основания его шпоры, в то время как рукой ласкаю его член.

Все его тело начинает вздрагивать. Рахош издает вопль, а затем моя рука покрывается горячим, липким семенем, когда он еще раз вздымается бедрами вверх.

Я продолжаю тереть языком вдоль нижнего края его шпоры, а он все продолжает кончать, и его бедра содрогаются. Сразу видно, что он прилагает все усилия, чтобы оставаться на месте и не толкнуть в меня этой штукой, но мне приятно, что я заставила его кончить настолько сильно. Я поднимаю голову, и меня восхищает семя, блестящее у меня на пальцах.

— Полагаю, что там ты все же чувствителен.

Долгое время он пристально смотрит на меня, а затем хватает меня за руку.

— Я не должен был...

— Нет? — я прерываю его, прежде чем он может испортить мне настроение. — Ты хотел кончить мне в рот?

У Рахоша снова раздуваются ноздри, и это единственное свидетельство того, как высоко он оценил мои слова. Оооо. Он такой застенчивый. Я окидываю его блаженной улыбкой, после чего зеваю.

— Я пойду, возьму немного воды и очищу нас, и тогда сможем вернуться обратно спать. Ладно?

Мурлыканье в его груди — и в моей тоже — снизилось до тихого гула. Его вошь сейчас присыщена. Моя тоже. Но я весьма удивлена, когда Рахош встает и ласково проводит по моей щеке.

— Подожди здесь.

Я жду, а он возвращается мгновение спустя с небольшой, мягкой шкуркой и кожаным мешком с водой. Он берет мою руку в свою и водой и шкуркой очищает меня от своего семени. Это такой милый жест, что я ничего не могу с собой поделать, только смотреть с благодарностью, когда он очищает и себя тоже.

Даже если этот мужчина мне не по душе большую часть времени, он очень красив, чтобы им любоваться.

Рахош ставит кожаный мешок с водой обратно на место и возвращается в постель. Его член сейчас наполовину опустился — не понимаю, почему я продолжаю разглядывать, но я разглядываю — и на суровых чертах лица мужчины появляется более мягкое выражение. Он снова касается моей щеки.

— Теперь спать? Нам завтра рано вставать.

Я моргаю и вдруг понимаю, до чего ж сильно я устала. Надеюсь, что это послеоргазменное блаженство быстро пойдет. Моя вошь напевает ему мелодию, когда я киваю головой и откидываюсь обратно в шкуры. Как только я укладываюсь, он уже на боку рядом со мной и притягивает меня к себе. Я удобно прижимаюсь к нему, к тому же он такой теплый, а Рахош крепко прижимает меня в объятиях к своему телу. Он прижимается к моей шее, а ладонью обхватывает мою грудь.

Но меня беспокоит, что он будет слишком сильно грузиться мыслями о том, как мы дурачились.

— Между нами это ничего не меняет, ты ведь понимаешь? — говорю я ему. — Я все еще не приняла тебя как свою пару.

— Еще одно из твоих отрицаний, — говорит он благодушным голосом. — Говори, что хочешь. Я согласен ужиться и с этим ритуалом ухаживания.

Черт!

РАХОШ

Спал ли вообще когда-нибудь кто-либо из охотников ша-кхай так хорошо, как прошлой ночью спал я? Я просыпаюсь с твердым членом, прижатым к мягкому, бесхвостому заду моей спящей человеческой пары и испытываю удовлетворенность, которую я никогда раньше не ощущал. Лиз что-то бормочет и зарывается под шкурами, когда я пробегаю рукой по ее плечу и спине, восторгаясь ее мягким человеческим телом.

То, что она прошлой ночью вытворяла своим ртом,... у меня пересыхает во рту от страстных воспоминаний. Разве такого рода вещи не обычны между парой? А может, люди более изобретательны? Как бы то ни было, лично я счастлив из-за этого — а также из-за нее. Мы должны дойти до конца с этим странным человеческим ухаживанием, и мой член жаждет оказаться глубоко внутри нее. Даже сейчас мой кхай начинает резонировать от одной мысли о ней, а ее отвечает, напевая у нее в груди.

Я позволяю Лиз поспать еще несколько минут в то время, пока справляю нужду снаружи пещеры, а затем возвращаюсь, чтобы разжечь угли костра. Мы будем охотиться большую часть дня, но я хочу, чтобы очаг был теплым, когда мы вернемся, и я смог приготовить для нее вкусный бульон из костей. Лиз, моя хрупкая человеческая пара, все еще бледная и худая, и даже питаюсь добротным сырым мясом и сильным кхай внутри нее, она по-прежнему слишком тонкая, чем мне хотелось бы. Что ж, тогда придется кормить ее как больного ребенка. Много обильной еды и много бульонов на костном мозгу, чтобы ее щеки налились красками.

Даже если этот цвет — причудливо розовый.

Я надеваю свою набедренную повязку, сапоги и натягиваю свою тунику. Ей обязательно нужно будет тепло одеться, если будем находиться под открытым небом целый день, и мне придется внимательно наблюдать за ней. Лиз не из тех, кто признается, что не может держаться наравне. Она будет возражать, рычать и требовать, даже если будет шататься от слабости.

Я восхищаюсь силой ее воли, но в дикой природе лучше перестраховаться. Успешный охотник тот, кто осторожен.

Я становлюсь на колени возле ее спящей фигурки и стягиваю с нее шкуры. Ее бледное человеческое тело — все эти мягкие изгибы, нежные округлости ее задницы так и требуют моих прикосновений. Я восхищаюсь ее округлыми бедрами и выпуклостью одной из ее полуприкрытой груди, и представляю себе, какое наслаждение она подарит мне этой ночью.

Может, она примет меня внутрь своего влагилица, все время пронзительно протестуя, что, наверное, входит в ее причудливые человеческие ритуалы.

И тогда я обрету дом.

Я подталкиваю ее, потому что она не просыпается.

— Давай, моя пара. Время быстро уходит, а нам пора заняться делами.

Она издает стон и перекачивается в шкурах, предоставив мне возможность мельком взглянуть на ее соблазнительные груди и клочок мягких волосков между ее ног.

— Я тебе не пара, — она зевает. — Прошлая ночь была лишь ради забавы.

Тогда она хватается за шкуры и тянет их обратно на себя.

Я хмурюсь. О нет, опять? Неважно, взяла ли она меня в свое тело или нет. Наши кхай приняли решение. Она взяла меня в рот и заставила меня извергнуться. Ну, разумеется, мы спарены. Рассердившись, я срываю с нее шкуры и отбрасываю их в сторону.

— Если ты мне не пара, тогда мне не обязательно давать тебе поблажки, не так ли? Вставай или вскоре радушно очнешься лицом в снегу, как я бы поступил с любым другим ленивым охотником.

У нее открываются глаза, и она, хмурясь, смотрит на меня.

— Ты это серьезно? Кто-то помочился на твой завтрак? Настроение у тебя паршивое.

— А ты здесь замедляешь дела. Ты хочешь охотиться, или мне обойтись без тебя?

— Сейчас — иду уже, иду, — она ворчит, садясь. — Хрен.

— Язык моих людей? — я отвечаю ей, вспомнив ее слова.

— Ты ухватил суть.

Как только Лиз начинает шевелиться, выбираясь из постели, она набирает скорость, которую я даже не ожидал от нее. Мы окружаем валом костер и оставляем пещеру, и я показываю ей наглядным образом, как охотник ша-кхай ведет себя в дикой местности. Будь я один, то привязал бы несколько ветвей к своему хвосту и во время ходьбы помахивал бы ими по снегу, чтобы замести следы. Но так как я иду вместе с Лиз, то хочу, чтобы следы остались, в случае, если мы разделимся. Мне нужно, чтобы она смогла найти дорогу в пещеру.

Помимо этого? У нее нет хвоста.

Мы двигаемся через снег, и Лиз наводит меня на мысль о чем-то, что называется снегоступами. Она меньше ростом, чем я, и более крупные снежные сугробы поднимаются выше ее талии. По ее инициативе мы направляемся к деревьям и получаем несколько тонких ветвей, чтобы по возвращению в пещеру, моя пара могла повозиться со своей идеей на счет обуви.

Она счастлива прогуляться на свежем воздухе. У нее на щеках появился румянец, к тому же ее глаза блестят восторгом, а на губах расцвела улыбка. Кроме того ее распирает от гордости, когда она демонстрирует свой лук. Я сижу на корточках и наблюдаю, как она практикуется парой выстрелов. Это — странное оружие, слегка похожее на пращу, которая стреляет стрелами вместо камней. Моя пара натягивает тетиву, чтобы запустить стрелы, и бормочет не в силах успокоиться, когда та падает на расстоянии всего в несколько футов. Она вносит какие-то коррективы к своему луку и приглаживает крошечные перья в оперении, а затем пробует еще раз, и на этот раз она в состоянии попасть в дерево с немалой скоростью на короткой дистанции.

Я впечатлен.

— Это коварное оружие. А ты и правда очень умная.

Она лучезарно мне улыбается.

— В подростковом возрасте я без конца охотилась с луком. Вот этот не совсем такой, и я подрегулирую его на ходу, однако он достаточно похож. Думаю, что смогу заставить его работать, — Лиз похлопывает себя по талии. — Теперь мне нужно сделать сумку стрел, чтобы закончить его.

Я киваю головой.

— Я могу помочь тебе с этим, когда мы вернемся.

Она прикусывает губу, счастье отражается на ее лице, и мой кхай начинает напевать. Она красавица, даже с ее плоскими, причудливыми человеческими чертами. Ее кхай отвечает моему, и ее улыбка слегка блекнет.

Ах, да! Есть побольше этих ритуалов спаривания. Отрицание спаривания. Я делаю вид что не замечаю этого, и жестом указываю на солнца-близнецы, которые теперь уже высоко в небе.

— Ну что, теперь ты готова охотиться? Мы можем направиться к воде.

— К воде? — она явно полна радости. — Это еще один горячий ручей? Мне не помешало бы искупаться, — она приподнимает свою тунику и морщит нос. — Я немного вспотела.

Ее запах для меня — самый восхитительный аромат, но я пожимаю плечами.

— Мы можем купаться или можем охотиться.

— Давай охотиться. Может, мы сможем искупаться поздним вечером? — выражение ее лица — сама невинность. — Если мы поймем какую-нибудь дичь, я могла бы даже дать тебе потереть мне спинку.

Я найду для нее самого медленного, самого неповоротливого зверя во всей снежной округе, чтобы она смогла запустить в него все свои стрелы.

ЛИЗ

Охотиться с Рахошем — это даже весело. Воздух свежий, и, хотя много снега, светят солнца-близнецы, и так приятно выбраться на свежий воздух и выискивать дичь. Меня слишком долго держали взаперти в этой пещере. Рахош не самый терпеливый из мужчин, но я могу справиться с ним. Мой лук еще не закончен, но я уверена, что смогу заставить его работать после нескольких пробных выстрелов.

— Там, — говорит Рахош, когда мы достигаем вершину скалистого холма. Он вырывает себе волосок и выпускает его, проверяя, находимся мы с подветренной стороны или нет. Мужчина вздыхает, а затем жестом указывает на горизонт. — Видишь те следы?

Я прищуриваюсь.

— Как, черт возьми, ты можешь видеть что-нибудь так далеко от отсюда?

Он хватает меня за подбородок и наклоняет его вниз.

— Ты смотришь не на снег.

Я отстраняюсь от него и смотрю вниз на склон. Конечно же, в снегу видятся следы. Они пересекают следующую вершину.

— Значит, мы идем в правильном направлении?

— Да, — он соглашается. — Ты смотришь на снег... или следуешь своему носу.

— Моему носу?

— Запах воды, который нагретым поступает из недр земли.

Я втягиваю носом, и он прав — в воздухе чувствуется слабый запах тухлых яиц, а это означает, что поблизости есть вода.

— Поняла.

Глядя на меня, он приподнимает одну суровую бровь, что, проклятье, впечатляет, учитывая, что его лоб практически неподвижен из-за всех этих наростов.

— Какого вида охотой твой отец с тобой занимался?

— Если это оплеуха, направленная в адрес моего покойного отца, я надеру твою задницу...

Он снова протягивает руку к моему подбородку и приподнимает мое лицо к себе, прежде чем я шлепком отбиваю его руку прочь. Уголки его твердых губ изгибаются от веселья.

— Не заводись. Я ничего такого не имел в виду. Твое оружие полностью отличается. Я подумал, что у вас были иные методы охоты.

Ооо. Я немного успокаиваюсь.

— Ну, так вот, мой папа владел кое-какой землей в захолустье. У него там были охотничьи будки, и мы устраивались вблизи следов, — словами схематически изображаю ему, что такое охотничья будка, и он с пониманием кивает головой. — Ну а потом, конечно, там имеется зерно и кормушки для оленей.

— Зерно для оленей?

— Ну да, ты в некотором роде каждый день кормишь их в одном и том же месте и все такое. Тогда, когда они потолстели и похорошели, привыкли к доступной еде, они сами приходят к тебе вместо того, чтобы тебе их все время отслеживать.

Он рычит в признании, а затем прикрывает глаза ладонью, пристально глядя вниз на снег.

— У нас в домашних пещерах есть несколько детенышей двузубцев, которых мы кормим. Но тех существ мы называем «домашними животными».

— Эй, — говорю я оборонительно, ударяя его по руке. — Не каждая семья может позволить себе морозильник, полный свежего мяса, понимаешь. Ты делаешь то, что должен, чтобы выжить, мистер Придирчивый, — конечно, помню, что сама упрекала своего отца из-за этого, когда была моложе. Только-только с горшка слезший умник, неопытный новичок и тому подобное. — Чтобы прокормить семью, надо охотиться.

— Мудрые слова, — говорит он. — Но сейчас самое главное для тебя — научиться отслеживать.

Он прав, конечно.

— Веди, о мудрейший.

Мы пересекаем холмы, и я упорно пробираюсь сквозь снег, следуя за ним. На расстоянии приблизительно в пятьдесят ярдов, я вижу пузырящееся озеро воды ярко-синего цвета на фоне белого снега. И оно большое,... кроме того, приблизительно в пяти футах перед нами есть утес, а это — отвесной спуск, по крайней мере, на двадцать или тридцать футов. Возле водоема воду пьет косматое, пони-подобное существо, которое выглядит как нечто среднее между Бэмби и овчаркой.

— Двисти, — говорит Рахош.

— Идет! Похож на славную еду, — я поднимаю лук и натягиваю на тетиве стрелу, затем прицеливаюсь. Ветер направлен против меня, и мы довольно далеко. Я все еще не привыкла

к натяжению лука, и мои игло-подобные костяные стрелы, мягко говоря, ненадежны. — Я не думаю, что смогу попасть в него отсюда. Как нам туда спуститься?

— Жди здесь, — говорит он мне, выпрямляясь. — Я найду путь вниз.

Рахош уходит прочь с копьем в руке, и я могу немного полюбоваться его задницей.

Самую малость.

Я опускаю стрелу и смотрю вниз на существо, карауля его, чтобы знать, не уходит ли он.

Я так занята слезкой за ним, что почти упускаю щебетание, которое слышу позади себя. Но потом это вновь повторяется.

Я оглядываюсь через плечо.

Там стоит гребаный эвок^[9]! О Господи!

Ну, ладно, это не настоящий эвок. Это — пушистое существо, которое больше похоже на переросший ферби^[10], только с длинными руками и ногами, а круглые мигающие глаза такие милые. Оно снова щебечет, затем бросается вперед на один-два шага, затем пятится назад. Оно моргает на меня, затем повторяет движение и делает оборот вокруг себя.

Это какая-то игра? Со всей его шерстью и клюво-подобной мордой, оно все равно кажется детенышем. Может, дело в этих больших, бледных глазах. Когда оно снова щебечет на меня, волосы у меня на шее встают дыбом.

Все может оказаться хуже некуда. Например, найти счастливого, пухленького медвежонка скверно, всецело осознавая, что мама-медведь на расстоянии нескольких футов.

— Рахош? Ты еще здесь?

Оно поднимает свою голову и поспешно уносится прочь, а я медленно ставлю свою стрелу обратно для прицела. Снова слышатся щебечущие звуки...

А затем повторяется еще раз, но существом с более глубоким голосом. И еще одним. И еще одним. Когда я смотрю на заснеженные скалы позади себя, эти эвоки, кажется, появляются отовсюду. Множество высоких, пушистых существ с грязной, спутанной шерстью и глазами навывкате.

Я была права. Это детеныш одного из них. Остальные совершенно не выглядят такими уж дружелюбными.

— Рахош? — зову я снова, поднимая стрелу, когда одно из самых больших существ начинает двигаться в мою сторону. — Поможешь мне?

— Лиз, — говорит Рахош низким голосом, будучи далеко от меня. Я смотрю на него, и мое сердце колотится, несмотря на то, что вижу его на расстоянии в несколько футов с копьем наготове. Инопланетянин пристально смотрит вниз на трех больших, отвратительных вариаций этих существ, своим взглядом пытаясь привести их в ужас. На меня он не смотрит, однако стоит, приняв одну из боевых стоек. Он готов напасть в тот же миг, когда любой из них хоть пальцем пошевелит.

— Это что еще за твари? — я шиплю. То же существо делает еще один шаг вперед, а я делаю шаг назад, все же не забывая, что нахожусь на краю утеса. Черт. Черт. Черт.

— Это — мэтлаксы. А где один, там их сотня.

— Ну конечно, вижу я сотню, — говорю я, немного преувеличенно растягивая слова. Лишь слегка. Здесь, наверное, всего-навсего пару дюжин или около того. Зашибись! Всего-то.

— Моя пара, — говорит Рахош вполголоса. — Когда я скажу «беги», ты обязательно должна бежать. Хоть раз, не спорь со мной.

О чем он говорит? Он собирается отвлечь их, чтобы я смогла убежать?

— Что? Нет! Я...

— Лиз, — он предостерегающе повторяет. Я осматриваюсь вокруг, пока Ра́хош крепче сжимает в руке копьё. — Не спорь со мной. А теперь — беги!

С этим он издает боевой клич и делает рывок вперед.

Вот же черт! Я прицеливаюсь первой стрелой и отправляю ее в полет, как только первое существо открывает свою пасть и с рыком бросается на меня.

РАХОШ

Разворачивающаяся передо мной сцена — оживший самый страшный мой кошмар. Маленькая фигурка Лиз стоит на краю обрыва, она сжимает в руке свое странное оружие. Мэтлаксы — дикие, непредсказуемые существа — окружают ее. Я видел, как они за считанные секунды разрывают охотника на части, и я видел, как они проходят мимо другого, словно он и не существует вовсе. Их совершенно невозможно понять, к тому же они — настоящие дикари, если их спровоцировать.

А детеныш стоит невыносимо близко от ноги Лиз, что однозначно посчитается провокацией.

— Беги! — я снова ей приказываю, но упрямая женщина меня не слушается. Вместо этого она поднимает одну из своих остроконечных костяных стрел и, прицеливаясь, выжидает. Меня накрывает яростная реакция защититься, когда один из мэтлаков обнажает свои большие, желтые зубы в ее сторону. Они хотят причинить вред моей паре? Отнять ее у меня после столь долгого ожидания? Я переломлю им кости и растопчу их грязные шкуры под своими сапогами, прежде чем позволю им прикоснуться к ней! Дикий рык вырывается из моего горла, и я вытягиваю из чехла один из своих смертоносных костяных ножей, держа в другой руке копьё.

Лиз делает еще один шаг назад, еще больше приближаясь к краю утеса. Сердце у меня в груди бешено колотится, и меня накрывает волна жуткого страха.

— Лиз, — рывкаю я, когда один из мэтлаков подкрадывается к ней. — Беги мимо меня. Давай, прямо сейчас. Я отвлеку их. Быстро!

— Я не брошу тебя здесь, — кричит она, не отводя взгляд от ближайшего к ней мэтлакса.

— Не глупи, — рычу я, так как существо подступает к ней все ближе и ближе. Еще пару шагов и оно сможет дотянуться до нее своими длинными руками. Ей нужно действовать быстро. — Давай, Лиз...

Мое сердце останавливается, когда он бросается на нее. Я издаю боевой клич и резко устремляюсь вперед, а мое копьё отправляется в полёт. Оно проносится по воздуху и врежется в бок мэтлакса, который потянулся за моей драгоценной парой. Он пошатывается, а потом падает вперед, по-прежнему продолжая тянуться к ней. Я издаю яростный вопль и мчусь сквозь снег, чтобы встать перед ней.

Другое существо издает рев и начинает бить себя кулаками в грудь, отправив яростный зов через снега. Другие мэтлаксы отзываются, а один бросается вперед. Я уже раньше видел эту тактику. Они будут подталкивать нас к краю утеса и подберут наши тела позже, как только поймут, что мы мертвы. Я отказываюсь отступать, чтобы падать вниз.

Шшшшшчок.

Одна из костяных стрел Лиз пролетает мимо и оказывается в глазнице одного из крупнейших самцов. Он стонет и, судорожно дергаясь, падает в снег. Ее выстрел превосходен, и я отмечаю потенциал этого оружия.

— Следи за руками, — она призывает меня, когда поднимает следующую стрелу и прицеливается. Когда еще один бросается на нас, Лиз опять стреляет, и снова ее костяная

стрела поражает свою цель. Мэтлакс подышает еще до того, как падет в снег.

Одно загляденье на это смотреть, и всплеск огромной гордости за мою пару растет внутри меня.

Тогда остальные мэтлакссы начинают кричать и кидаются в атаку все одновременно.

Мои инстинкты отточились за годы охоты, мое желание защитить неистовствует внутри меня, и я резко устремляюсь вперед, издав вопль. Я слышу отчаянный крик Лиз, но это лишь подстрекает мою свирепость.

«Они не доберутся до нее. Сначала им придется пройти через мое мертвое тело».

С беспощадным гневом я обрушиваюсь на ближайшее существо, своим костяным ножом разрезая его шею, покрытую мехом, с такой свирепостью, что его голова практически отделяется от тела. Я делаю стремительный выпад на следующего, однако вместо того, чтобы драться со мной, оно убегает и прячется. Еще один прыгает мне на спину, дергая за мои волосы и одежду. Острые клыки погружаются в мое плечо, и я слышу вопль Лиз. Я всаживаю нож в того, что прямо передо мной в то время, как тот, который у меня на спине, скатывается на землю. Я кидаю взгляд вниз и вижу еще одну тонкую костяную стрелу Лиз, торчащую из его горла.

— У меня осталась только одна, — кричит она у меня за спиной в то время, как еще двое существ запрыгивают на меня, а третье нападает спереди. В драке один на один — они не были бы проблемой. Но мэтлакссы — дикие, раздирающие в клочья твари. Их когти и клыки, вцепившись в меня, уже погружаются в мою кожу. Я рычу от боли, когда один из них резко полосует мне лицо, и стекающая кровь заливает мне глаза.

— Ра́хош! — кричит Лиз откуда-то на расстоянии. — Ты подошел слишком близко к краю обрыва! Я... эй! Вернись!

Интонация ее голоса меняется от предупреждения на страх, и я рыча поворачиваюсь к ней. Трое существ, молниеносно наступая, направляются к ней, оскалив свои большие клыки. Тот, что сидит у меня на спине, начинает бешено кусать мою шею, и я чувствую, как взрывные волны острой боли проносятся сквозь мою руку, как раз тогда, когда мое лезвие погружается в грудь другого.

«Нужно спасти мою пару».

Эта мысль крутится у меня в голове снова и снова.

«Нужно спасти Лиз».

«Она — мое все».

С диким воплем я хватаю двух мэтлаксов, что передо мной. Мои пальцы погружаются в их косматый мех, сжимая его в кулаки, и я бросаюсь к обрыву скалы.

— Ра́хош! Берегись! — кричит она.

Впрочем, она не понимает мой план, но уже поздно. Я слышу крик Лиз, полный муки и страданий, когда опрокидываюсь прямо в обрыв, забирая с собой пять из этих беспощадных существ.

Я уравнию ее шансы хотя бы таким образом. Надеюсь ей удастся сбежать от двух-трех оставшихся.

Воспоминания о лице Лиз всплывает у меня перед глазами за мгновение до того, как я с тошнотворным треском ударюсь об землю, и все вокруг меня погружается во мрак.

ЛИЗ

Я кричу в ужасе, когда высокое тело Ра́хоша пролетает над краем обрыва вместе с несколькими существами. Я несусь к краю, где он упал, и смотрю вниз. Это как минимум падение с тридцатифутовой высоты (*Прим. ок. 9 м*), Ра́хош неподвижно лежит на спине в снегу. Одна нога у него вывернута под странным углом, и его тело лежит на мертвом мэтлаксе. Остальные разбросаны вокруг него и не двигаются, а снег забрызган кровью. Я не могу понять, живы ли они или мертвы.

«Я не могу оставаться здесь одна. Я не могу».

«Я не хочу его потерять».

Меня пронзает неистовая паника. У меня осталась только одна стрела, а тут все еще три существа, наряду с детенышем, который все еще резвится и играет в снегу, будто все это лишь игра. Я не знаю, что делать дальше. Они продолжают двигаться вперед, и я вижу, что каждый их палец оканчивается страшным когтем, а их волосатые лица, когда они приближаются, становятся все более и более зловещими.

И они убили Ра́хоша! Гребаные ублюдки.

Моя последняя стрела дрожит в моей руке, и тогда у меня появляется идея. Я отбрасываю свой лук в сторону и хватаю детеныша мэтлакса, когда, проказничая, он приближается, я приставляю стрелу под его челюстью, прижимая его к своему телу. Заложник — сейчас мой единственный шанс, но я не знаю, достаточно ли эти существа умны, чтобы понять, что это ситуация с заложником. Их лица как будто кажутся человекоподобными, но я могу ошибаться. Они могли просто пялиться на меня, а затем все равно подойти и вырвать мне горло.

Однако они начинают пронзительно кричать и останавливаются, когда я захватываю детеныша. Он извивается и корчится в моих руках, а его когти погружаются в мои руки, но я преисполнена зловещей решимостью добиться своего, держу стрелу под его челюстью. Я делаю шаг в сторону, а они пристально следят за мной своими дикими глазами. Они горлом издают странные тихие кудахтающие звуки, и тот, что в моей хватке, отвечает.

Все... может получиться.

Я бросаю быстрый взгляд через край обрыва, отчаянно желая спуститься вниз. Я должна добраться до Ра́хоша. Я обязана. В своих мыслях я думаю, что, если смогу добраться до него, то смогу его спасти. Сообщить ему, что я не так уж и ненавижу его, что я просто растерялась и недовольна, но своими улыбками он делает этот мир не таким уж плохим...

Я делаю несколько шагов вперед по краю, следя за остальными мэтлакс-тварями в то время, как прокрадываюсь вокруг утеса, выискивая путь вниз. Я замечаю нечто похожее на тропу, и направляюсь к ней, мой заложник извивается и царапается в моих покрытых царапинами руках. Я смотрю на остальных, чтобы понять, не останутся ли они здесь. Они сутулятся в снегу, наблюдая за мной хищными глазами.

— Ра́хош! — зову я, надеясь, что он ответит и с ним все в порядке, а мои глаза лишь ошибаются. Но в ответ не слышу ни единого звука, кроме молчания. Я снова отчаянно зову его по имени, скользя вниз по крутой дорожке. — Ра́хош! Прошу тебя! Ответь мне!

«Дорожка» заканчивается совсем недалеко от самого дна, и мы с моим пленником падаем последние несколько футов до земли и приземляемся в толстом снегу. Воздух выбивается из моих легких, и я задыхаюсь, растянувшись на спине. Возле меня мой пленник поднимется на ноги и бросается прочь, направляясь в другую сторону от утеса вместо того, чтобы вернуться обратно к своим родителям. Он исчезает за другим сугробом, и я

подумываю о погоне за ним, но беру себя в руки и встаю на ноги, схватив свою последнюю стрелу, а затем бросаюсь к Рахошу.

— Рахош? — я прижимаю ладонь к его груди. У него изо рта стекает струйка крови, а глаза закрыты. В том месте, где расположена его голова, растеклась маленькая лужица крови, и, увидев ее, я начинаю громко, судорожно всхлипывать. Я прижимаюсь к защитному покрытию кожи у него над сердцем и слышу его медленное, но верное биение.

О, слава тебе Господи! На секундочку мне хочется броситься обнять его вокруг здоровенной синей шеи и выплакаться, но я поднимаю глаза вверх по склону, все еще сжимая в руке свою стрелу, ожидая увидеть, не последовали ли остальные за мной и ребенком.

Однако ничего подобного я не вижу. Еще несколько минут ничего не происходит, я сижу возле Рахоша в состоянии крайней бдительности и выжидаю. Я, конечно, могу и дальше продолжать просто ждать, или же я могу помочь ему. Я сосредотачиваю внимание на упавшем мужчине, лежащем рядом со мной. Я провожу по нему своими дрожащими ладонями, пытаюсь определить полученные повреждения. Его нога под неправильным углом, и он еле дышит, но я не могу понять, сломаны ли ребра или есть травмы и похуже. Я пытаюсь не думать об этом. При моем прикосновении его вошь пускается в ход, и я надеюсь, что это добрый знак.

— Я вытащу тебя отсюда, — шепчу я на ушко его бессознательному телу. — Можешь на меня положиться. Все будет в порядке.

Как мне хочется, чтобы он открыл глаза и улыбнулся мне. Или окинул меня хмурым взглядом. Или еще что-нибудь. Но он такой неподвижный.

Один из мэтлаксов начинает подергиваться и издает крик от боли. Я задыхаюсь и поворачиваюсь к нему, а руками быстро и неловко пытаюсь отыскать оружие. Единственное, что у меня есть — моя последняя стрела, но лук остался наверху скалы.

Тем не менее, он не поднимается. Он издает жалобный плач и, лежа на земле, судорожно подергивается в конвульсиях, будто пытается подняться, но не может. Бедра у него расположены под странным углом, и, когда я оглядываюсь, вижу, что еще один мэтлакс задвигался, но лишь чуть-чуть. Я поднимаю взгляд на вершину скалы, чтобы убедиться, не возвращаются ли остальные, но они как сквозь землю провалились.

По-моему, этих раненых бросили умирать.

У меня слегка сжимается сердце, так как мне как-то не по себе. Я бы не пожелала переносить такую боль даже тем, кто на нас напал. Звуки, которые они издают, ужасны, и я оглядываюсь вокруг и всего в нескольких шагах от нас замечаю костяной нож Рахоша. Я хватаю его и встаю над телом одного из раненых существ. В общей сложности их пять, но лишь двое из них двигаются. Понятие не имею, оказалось ли это падение достаточно серьезным, чтобы убить их, и не знаю, что буду делать, если они очнутся и снова нападут.

У меня не так уж много вариантов. Так что я встаю на колени возле первого.

— Я сожалею, — выдавливаю из себя и перерезаю ему горло. Я напоминаю себе, что это — убийство из сострадания. Это уже не «убей или будь убитым», а ситуация, когда тяжело раненым абсолютно не под силу прийти в себя и доползти до дома. От этого все равно мне легче не становится. Легче было это сделать в действии, когда они нападали, и нельзя было терять время на раздумье. Я перехожу к следующему существу. Оно неподвижно, но я все равно перерезаю ему горло, просто на всякий случай. К тому времени, когда я заканчиваю с последним, я вся забрызгана кровью и заливаюсь слезами.

Я подхожу к Ра́хошу и пальцами прикасаюсь к его щеке. Чувствует ли он себя нормально? О, Боже. Я не знаю, что делать.

— Прошу, Ра́хош, не умирай у меня на руках. Пожалуйста, прошу тебя.

Я наваливаюсь на него и какое-то время поддаюсь девичьим слезам, громко и судорожно всхлипывая. Но затем все-таки сажусь и вытираю глаза, потому что слезы волшебным образом ему не помогут.

Я должна доставить его домой, в нашу пещеру.

— Ладно, шевели мозгами, Лиз, — говорю я себе и, шмыгая носом, озираюсь вокруг. — У тебя большой гудящий инопланетянин, которого ты не можешь нести и который не может ходить, а ты должна доставить его домой.

Я окидываю взглядом Ра́хоша и задаюсь вопросом, может моя вошь сделала меня более сильной. Я могу его тащить? Наш дом в пещере находится наверху этого склона и в нескольких милях отсюда, но должен же быть способ, как подняться обратно наверх, не связанный с той дерьмовой дорожкой, по которой я спустилась сюда. Должен быть обходной путь. Я просто обязана найти его. Я поднимаюсь на ноги и разглядываю Ра́хоша, затем хватаю его за руку и осторожно тяну за нее.

«А жеребчик довольно-таки тяжелый!» Я тяну сильнее, пытаюсь сдвинуть его. Он издает тихий стон, полный боли, и я тут же останавливаюсь.

— Вот дерьмо. Прости! — я проверяю его другую руку для того, чтобы посмотреть, может та хоть немножко получше, но я вижу торчащие кости из перелома возле его запястья. Черт. Я не могу тянуть за нее. Оно и к лучшему, потому что этот пробный рывок лишь дал мне понять, что он жутко тяжелый.

Мне надо придумать способ получше.

В отчаянии я озираюсь вокруг. Вдали ветер нагибает и развивает розовые, гибкие деревья, и у меня возникает идея, поэтому я хватаю костяной нож Ра́хоша и направляюсь к ним. Когда мой папа застреливал оленя, мы, как правило, привязывали его ноги к палке, а затем закидывали себе на плечи, но на сей раз, здесь нет никого, кто бы подставил для меня другое плечо. Хотя, однажды, когда я повела себя как скулящий младенец, и мой папа рассердился, он сделал для себя волокушу^[11] из двух ветвей и непромокаемого брезента и потащил оленя домой позади себя, а я в то время, рыдая, тащила рядом с ним.

Слава Богу, что я была хреновым ребенком. Я могу соорудить волокушу и потянуть Ра́хоша домой в ней.

У меня уходит почти час на то, чтобы срубить одно из хлипких деревьев, но они просто прекрасно подойдут для моей цели. «Ствол» достаточно большой, чтобы мне было удобно ухватиться, и даже при том, что на ощупь он липкий и губчатый, я смогу вполне нормально тащить его. Я срубаю второе, и к тому времени, когда я тяну их обратно к Ра́хошу, меня трясет от усталости, к тому же меня беспокоит, что я испортила его костяной нож, совершенно его притупив.

Сейчас не время беспокоиться об этом, потому что теперь падает мелкий снег, а небо закрывается тучами. Если мне не удастся доставить Ра́хоша домой, мы окажемся в глубоком дерьме. Поэтому я опускаюсь на колени и сбрасываю теплый плащ, который он дал мне этим утром, и начинаю привязывать его к шестам, чтобы сделать основание волокуши. Я использую несколько шнурков со своих штанов, чтобы привязать плащ, и к тому времени, когда я заканчиваю, я дрожу от холода, моя одежда разрушена и наполовину исчезла, а снег уже идет плотной завесой.

— Ра́хош? — я тихонько зову его, похлопывая по щеке, чтобы увидеть, пришел ли он в себя. Никакой реакции. В каком-то смысле, я рада. Будет не так больно, если он будет без сознания. Мысленно извиняясь, я хватаю его за здоровую руку и тяну на волокушу. Он стонет от боли, но не пробуждается.

Я хватаюсь за шести, зажимаю в зубах нож и начинаю тянуть за собой свою импровизированную волокушу. Черт. Они жутко тяжелые, но у меня нет выбора. Я просто должна перетерпеть это. Нам нельзя здесь оставаться. Я прикусываю губу и начинаю дальний путь медленного волочения домой.

Мне нужно несколько часов, чтобы найти выход из каньона, но как только мне это удастся, я могу видеть остатки наших следов в виде впадин в выпавшем снегу, а вдалеке — ледник. Я могу добраться до дома. Я смогу. Мои пальцы превратились в глыбы льда, и у меня на руках мозоли, но уже виден свет в конце туннеля.

Когда я делаю очередной рывок волокуши вперед, Ра́хош начинает стонать. Я задыхаюсь и аккуратно опускаю его вниз, затем мчусь к нему.

— Ра́хош? Ты пришел в себя?

Он беспокойно мотает головой, а затем пристально смотрит на меня остекленевшими от боли глазами. Я не совсем уверена, что он осознает, где находится.

— Лиз, — он выдыхает и пытается дотянуться до меня рукой. Его лицо искажается в агонии, и он падает обратно в волокушу.

— Не двигайся, — говорю я ему. — Я вытащу тебя отсюда. Все будет в порядке.

— Оставь... меня..., — он, задыхаясь, выговаривает. — Я слишком изранен.

— Не говори ерунду, — говорю я ему, хотя он высказывает вслух то, что больше всего меня пугает. — Ты в порядке! Тебе просто нужно парочку дней отдохнуть и восстановиться. Пусть вошь делает свою работу!

— Тебе... здесь... опасно... оставаться, — его глаза снова закрываются.

— Со мной все в порядке, — я рычу немного громче, чем нужно. Я наклоняюсь вперед и хватаю Ра́хоша за воротник. — Ты меня слышишь? Я в порядке, и ты будешь в порядке. Не вздумай умереть у меня на руках! — он не отвечает, и я начинаю немного паниковать. Я трясую его, вызвав у него очередной стон, полный боли. Мне плевать. Если он стонет, значит жив. — Не смей, черт возьми, бросать меня, Ра́хош! — я отпускаю его и разглаживаю его одежду, затем наклоняюсь, кладу руку ему на грудь. Его кхай при моем прикосновении начинает вибрировать, и я решаю, что подкуп — самое лучшее оружие, которое у меня есть. Я вплотную приближаюсь своими губами к его уху. — Если ты выберешься из этого живым, Ра́хош, я затрахаю тебя до чертиков, Богом клянусь.

РА́ХОШ

Мое сознание сейчас охвачено туманом раскаленной боли и зловещих снов. Время от времени кхай у меня в груди резонирует, и все становится лучше. Время от времени мое тело пронзает разряд ослепительной боли, и я все глубже и глубже погружаюсь в бездну тьмы. Мне нужно сосредоточиться, сконцентрироваться, но мой разум больше не хочет оставаться бдительным.

«Но я должен, — напоминаю я себе. — Я должен защитить Лиз».

— Лиз, — я выдыхаю. — Моя пара.

— Я здесь, — говорит нежный голос во тьме. Нежные пальцы ласкают мои щеки, и я борюсь против нахлынувшей волны боли, которая пытается затянуть меня обратно на дно. Такое ощущение, будто кто-то уселся на моих веках, настолько они отяжелели. — Успокойся, — говорит она, и ее дыхание такое сладкое. Я чувствую, как ее губы целуют меня в щеку, а потом она снова ласкает меня. — Ты в безопасности. Просто исцелись, ладно?

Я облизываю свои сухие губы.

— Мэтлаксы...

— Все уже улажено. Я развела огонь и положила сушиться мясо, и я заново затачиваю твой нож, — она поглаживает мою грудь и руки, и я ощущаю, как меня накрывает вспышка огненной боли, когда она это делает. Мое дыхание с шипением вырывается из горла. — Ты быстро поправляешься. На самом деле, очень быстро. Мне пришлось вправлять тебе кости. Прости. Я знаю, это, должно быть, очень больно. Просто успокойся, хорошо?

Мой кхай напевает у меня в груди, и я слышу, что ее кхай откликается. Даже несмотря на то, что я тяжело ранен и тону в боли, в ответ мой член начинает возбуждаться. Мы слишком долго тянули, чтобы ответить на призыв резонанса, и мое тело напоминает мне, что скоро мы должны будем подчиниться.

— Не оставляй меня...

— Не оставлю, — говорит она нежным голосом. — Только выживи. Засыпай, — она проводит пальцами по моим губам. — Засыпай, — снова повторяет она.

И я засыпаю.

Кажется, что целую вечность я то прихожу в себя, то меня поглощает тьма. Когда она наливает мне в горло бульон, мой разум переполнен нежными прикосновениями рук Лиз, ее успокаивающими словами, а также пульсирующей болью моего тела, хотя мой кхай и занимается его излечением. Мои конечности — не единственное, что у меня болит — мой член яростно горит по моей паре, и я беспокоюсь, что, когда очнусь уже исцеленным, захочу лишь улечься на Лиз и заставить ее спариваться.

Не думаю, что человеку это понравится. Не со всеми их ритуалами отрицания.

Но этот выбор — не мой собственный. Моему телу нужно время отдохнуть, чтобы исцелиться, и поэтому я вновь и вновь проскальзываю в дремоту.

В какой-то момент я прихожу в себя на удивление с ясной головой. У меня все тело болит тягучей ноющей болью подобно гнилому зубу, хотя и не слишком болезненной. Мне удастся раскрыть свои глаза, но без ощущения тяжелых мучений, и я смотрю на костер.

Там Лиз кипятит воду в моем кожаном мешке на треноге, размещенной над огнем. Она точит о камень мой нож, и когда я оглядываюсь по сторонам, то вижу куски вяленого мяса, свисающие с сетки сплетенных тростников, размещенных на стене. Ее лук — не этот, другой, новый — находится у дальней стены, а неразрывно связанные к нему дополнения расположены поблизости ослабленной тетивы.

У меня ощущение, будто мой рот покрыт сухой, потресканной кожей. Я облизываю губы и пытаюсь сесть, измученный жаждой. Я слишком слаб, а мой кхай пульсирует и мурлычет, страдая от голода.

Лиз сразу же оглядывается и удивленно смотрит на меня.

— Ра́хош! — она подходит ко мне и кладет руку мне на грудь. — Не вставай. Я серьезно. Ты все еще слишком слаб.

Я не обращаю внимания на ее излишнюю и чрезмерную суету вокруг меня и сажусь прямо, проверяя свое тело. У меня все болит, но в моем теле все, похоже, на своих местах. Я поднимаю одну руку и сгибаю ее. Она болит раскаленной болью, но она прямая и вокруг нее наложена самодельная шина.

— Мне пришлось вправить кости, — объясняет Лиз, заправляя шкуры вокруг моего тела. — Как рука, чувствуешь ее нормально?

— Ты все правильно сделала, — говорю я ей хриплым голосом. Из-за ее близости я страдаю от совсем иного вида голода. Мой член болит, а кхай резонирует, когда она наклоняется, чтобы прижаться своими маленькими пальчиками к моему лбу. Я хватаю ее руку и целую ладонь, желая, чтобы она была обернута вокруг моего члена и гладила его. Я помню это из прошлого — это навсегда въелось в мой мозг.

— Ты хочешь пить? Голоден? — спрашивает она, а глаза у нее широко раскрыты и вопрошающие. Она вынимает руку из моей хватки и встает, двигаясь к огню. — Я приготовила тебе немного бульона. Тебе нужно набираться сил.

Когда она приносит мне маленькую чашку бульона, аромат ее теплой кожи для меня представляет больший интерес, чем напиток. Моя пара поднимает руку, чтобы поднести чашку к моему рту, а я начинаю сквозь одежду ласкать ее округлую, красивую грудь. Лиз вздрагивает, и мой кхай резонирует в унисон с ее кхаем.

— Вижу, тебе уже лучше, — говорит она дрожащим голосом и отталкивает мою руку. — Сейчас не будет никаких «шуры-муры».

— Шуриимурии? — переспрашиваю я. Я не знаю, что это за слово. К тому же, меня это особо-то и не волнует. Волосы Лиз убраны с лица и заплетены сзади, выставляя напоказ ее красивую шею, и мне так хочется спрятаться туда лицом. Я хочу прижать ее маленькое тело к себе, чувствовать ее сердцебиение, вдыхать ее возбуждение, прикоснуться к ней и заявить права на нее как на свою.

— Вот именно, — проговаривает она, запыхавшимся голосом. Я слышу, как у нее в груди резонирует кхай. — Сейчас не самое подходящее время. Ты еще не совсем здоров.

Пальцами ласкаю ее щеку, провожу по ее челюсти, горлу. В то время, как она подносит чашку к моим губам и вынуждает меня пить, я прикасаюсь к ней везде, где могу, прежде чем она отодвигается. Когда она тянет чашу назад, я с закрытыми глазами прислоняю голову к стене пещеры. Я устал, но, когда касаюсь ее, от этого мне становится лучше.

Она откладывает чашку в сторонку и стягивает с моих ног шкуры. Я слышу приглушенное фыркание.

— Ну, что ж, похоже, кое-какая часть тебя работает просто идеально, — говорит она.

Я открываю глаза и смотрю вниз. Мой член стоит по стойке смирно, выпирая прямо вверх относительно моего тела. Он ноюще болит, и на мгновение меня охватывает робкий луч надежды, что она снова возьмет его в свой мягкий человеческий рот и оближет его. Однако, этого не случается. Лиз сосредоточена только на деле и проверяет мои повязки, причитая о моих ранах.

— Ты идешь на поправку, но все равно еще не вылечился.

— Моему кхаю все равно, — говорю я ей. В то время, как она суетится над моими повязками, Лиз наклоняется вперед, и ее лицо находится рядом с моим членом. — Он

требует, чтобы я заявил свои права на тебя.

Она издает напевающий гортанный звук, но я не могу понять, это ее согласие или нет.

— Скажи своему кхаю, что сейчас еще не время.

Я смотрю, как она встает и передвигается по пещере. Ее тело под бесформенной кожаной одеждой изящное и тоненькое, и ее глазки блестят. Она пахнет как самый ценный мед, и мои чувства переполнены ею. Я снова укладываюсь в своем ложе.

— Я помню... обещание, которое ты дала.

Ее лицо заливается румянцем, и она двигается к костру, заправляя одну из ее косичек за ухо.

— Как только ты поправишься, я намерена сдержать свое обещание. Ну, а пока тебе необходим сон.

Она трет себе один глаз, и я вижу, что на ее бледной коже у нее под глазами ярко выделяются темные круги. Она выглядит осунувшейся и уставшей. Ее одежда грязная и рваная, а ее волосы не видели воды много дней. Она совсем исхудала и выглядит такой же, как во время своей болезни.

— Как долго ты уже ухаживаешь за мной? — робко спрашиваю я. Пока я тут лежу, отсыпаюсь и позволяю своему кхай медленно себя исцелять, она тяжело трудилась.

Она подходит к стене пещеры и прикасается к ней, и я замечаю маленькие черточки, которые нарисованы на камне.

— Девять дней, — она подсчитывает, ну а потом берет меловой камень и добавляет еще одну черточку. — Ну, вообще-то, десять.

Неудивительно, что мое тело реагирует на ее близость. Я никогда не слышал, чтобы пара столь долго уклонялась от резонанс-спаривания. Кроме того, мне интересно, связано ли это с тем, сколько времени требуется моему телу, чтобы исцелиться. С помощью целительницы Мэйлак перелом можно вылечить за считанные дни. Если в течение девяти дней я в основном находился в бессознательном состоянии, меня беспокоит, что мой кхай перенапряжен и не удовлетворён.

Вскоре он перестанет спрашивать и начнет требовать. Интересно, понимает ли это Лиз?

Теперь, когда я снова в сознании, мой кхай решает, что должен утвердить Лиз как пару, я должен заявить на нее права сейчас же. Не имеет совершенно никакого значения, что мое тело все еще исцеляется, или насколько Лиз истощена. Все, что имеет значение, — требование кхая спариваться. Лиз резонирует каждый раз, когда приближается ко мне, а иногда когда она возвращается в пещеру, от ее рук исходит ароматом секса, словно она сама себя ублажала. Я понимаю, что ее не особо-то затрагивает потребность между нами. Она, должно быть, скрывает свои желания, полагая, что мое тело более хрупкое, чем оно есть на самом деле.

Единственное, что является хрупким, — мой контроль.

Каждую ночь она сворачивается калачиком возле меня, за день измотанная охотой и поддержанием огня, ну и еще — ухаживанием за мной. Она нежно купает меня и кормит кусочками вяленого мяса из дичи, которые она убила на охоте. Она все время занята изготовлением оружия или плавит побольше воды или опустошает мой ночной горшок, так как настаивает на том, что мне надо избегать нагрузки на ноги.

Становится уже невозможно сопротивляться ее чарам. Когда она проходит мимо меня, я автоматически тянусь к ней. Когда ее тело в постели прижимается к моему, требуется вся моя сила до последней капли, чтобы не толкнуть на землю и не трахнуть ее.

А когда она возвращается с руками, пахнувшими ее сладким влагалищем? Я вынужден закрывать глаза и напоминать себе, что не грубой силой, а только контролируя себя, я добыю своего человека.

Однако контролировать приходится все более агрессивно, и боюсь, что моя выдержка прольется сквозь пальцы, как вода.

ЛИЗ

Мне приходится справляться с большим количеством работы, а также заботиться о Рáхоше. День кажется бесконечным списком обязанностей по дому. Уборка пещеры, купание Рáхоша, встряхивание шкур, растопить воду для питья, еда, проверка ловушек, коптить излишнее мясо, растопить побольше воды, мастерить оружие, заботиться о Рáхоше, растопить еще воды, и так далее и тому подобное. Кроме того, Рáхош — исключительно ужасный пациент. Он исцеляется быстрее, чем я когда-либо видела, и подозреваю, что это — работа воши. К сожалению, все это совсем не поднимает его настроение. Он распускает руки, несмотря на свои раны, и капризничает, когда я отталкиваю его. Он исцеляется, а это означает, что крутить шашни — ужасная идея, независимо от того, как бы здорово мне это не казалось.

Правда в том, что я неопишимо возбуждена.

За всю свою жизнь я ничего подобного никогда не испытывала — словно я должна запрыгнуть на Рáхоша или умру. Но кости Рáхоша недавно заново срослись, и я просто не могу. Ему нужно беречь свои силы. И правда в том, что я устала и чувствую себя не такой уж хорошенькой. Я грязная и потная от всей той работы, которую делаю по дому, а моя кожаная одежда испачкана кровью Рáхоша, моей, и мэтлаксов, которых я убила, наряду с кровью добычи, на которую я охотилась.

Но сегодня после полудня, снаружи свирепствует снежная буря, а топлива для костра здесь полно. На ужин вяленое мясо, а Рáхош посапывает под шкурами, раскинув под ними свои длинные ноги. Иногда он наблюдает за мной и тогда притворяется, что спит. Хотя сейчас, мне кажется, он и правда спит. Я почесываю свою зудящую кожу на голове, и мои туго заплетенные в косички волосы кажутся дико грязными. Я смотрю на огонь и задумываюсь, удастся ли мне, пока он отдыхает, по-быстрому обтереть себя горячей мочалкой.

Как только мне в голову приходит эта мысль, я решаюсь на это сразу. Я заполняю снегом кожаный мешок для приготовления пищи, и пока он тает, все продолжаю добавлять горсти снега, пока над огнем не нагревается уже немалый объем воды. Я нахожу мыльные ягоды, которые, как мне объяснил Рáхош, используются для купания, а не для еды, и между пальцами раздавливаю несколько из них и добавляю их в воду. Пока она нагревается, я снимаю с себя кожаную одежду и скидываю ее вблизи огня.

Рядом с Рáхошем я не раздеваюсь в основном, потому что не хочу соблазнять его. Дело не в том, что я и дальше не хочу заниматься с ним сексом. Почти потеряв его, я поняла, что... ну ладно, конечно, я и правда хочу заняться горячим, развратным и ненасытным

сексом с этим мужчиной... эээ, инопланетянином. Отвергая его, я лишь мучила себя. Я не совсем уверена, согласна ли я рассматривать этот вопрос с точки зрения «пары» и «малышей», но всему свое время, ну а прямо сейчас я зациклена на сексе. Секс, секс, секс. Мастурбируя по-тихому снаружи пещеры — это просто избавление от зуда в одном месте, и я еле сдерживаюсь, выжидая тот момент, когда парень опять поднимется на ноги, чтобы я смогла затащить его в постель и надрать его задницу.

Выражаясь в переносном смысле, конечно.

Ну, а пока мы вынуждены жить в состоянии физических лишений, искупаться побыстрому кажется просто потрясающей идеей. Я беру небольшой кусочек кроличьей шкурки и окунаю его в теплую воду, ну а потом начинаю омыwać себя. Когда я моюсь, грязь разводами стекает с моих рук, и я сдерживаю стон удовольствия, который готов сорваться с моих губ. От моего обтирания просто потрясающее ощущение. Я быстро вымываю свое тело, проводя мехом по своей коже, сзади моей шеи и по рукам. Мои груди очень чувствительны, и я хныкаю, когда мокрый мех скользит по ним. Я едва ли не боюсь, практически заранее предвидя, каковы будут ощущения, омывая мои девичьи части тела. Тем не менее, когда я добираюсь до них, с искаженным в гримасу лицом, я их мою быстро и энергично, пытаюсь не прикасаться к себе больше, чем необходимо. Нет смысла в том, чтобы возбудить себя лишь для того, чтобы свести к нулю свое освобождение. Я промакиваю шкурку и выжимаю воду на мои косички, намачивая их, в надежде хоть немножко отмыть волосы. Я чувствую себя уже немного чище, когда отжимаю свои косы, чтобы удалить из них воду, и тогда все, что остается, — помыть мои ноги.

Я наклоняюсь вперед, чтобы сильными движениями отдраить свои голени.

Но тут теплые руки хватают меня за задницу, напугав меня.

— Рахош?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что он прижимается губами к моему бедру, а выражение его лица — абсолютное и полное блаженство. Он обнажен — он лежал голым в постели целыми днями. И он полностью возбужден.

И у меня пульс просто впадает в бешенство, равно как и моя вошь.

— Тебе нельзя вставать, — говорю я ему столь же бездыханно, как я себя и чувствую.

Он осыпает поцелуями мое мокрое бедро, а его рука скользит вверх с внутренней стороны моих бедер.

— Я чувствую твое возбуждение, моя пара. Чувствую его запах на твоих руках, когда возвращаешься в пещеру. Думаешь, я не замечаю?

Горячий румянец заливает мои щеки.

— Я, эээ, держала все под контролем.

— У меня нет вообще никакого контроля, когда дело касается тебя, — он бормочет, покусывая мою кожу своими длинными, нечеловеческими клыками. Я понятия не имею, почему их вид меня так сильно возбуждает, но это так. Проклятье, всегда возбуждали.

— Ты еще не выздоровел...

— Моя самая большая боль вообще не имеет никакого отношения к костям, — говорит он, пальцами настойчиво перебирая складочки моей киски.

Хныканье срывается с моих губ.

— Наклонись вперед, — его дыхание щекочет мне ногу. — Я хочу испробовать на вкус свою пару.

Я сжимаю мокрую шкурку, которую использовала в качестве мочалки, и просто

отбрасываю ее в сторону. Все мое тело полыхает жаром, и, хотя где-то в глубине моего сознания отдается мысль, что я не должна поддаваться желаниям инопланетянина, моя вошь напевает восхитительную мелодию в такт с его, к тому же я так возбуждена, что могу вылезти из собственной кожи. Так что я медленно наклоняюсь вниз и кладу руки на тыльной стороне голени, словно я сейчас в тренажерном зале и занимаюсь растяжкой. За исключением того, что я — в чем мать родила, полностью голая и возбужденная.

Я чувствую, что Рахош раздвигает пошире мои ягодицы, ну а потом его рот уже на моей киске и лижет с ненасытной свирепостью, от которой мои колени слабеют. Я издаю вопль и тут же, спотыкаясь, падаю вперед, слишком близко к огню. Лишь его сильная рука вокруг моих бедер не дает мне упасть в пламя. Более того, он, подняв меня, с размахом разворачивает по кругу до тех пор, пока не располагает меня лицом в шкуры, и тогда он подталкивает меня вперед, его рука все еще сжимает меня вокруг бедер. От его толчка я в шкурах по инерции скольжу вперед, щекой двигаясь к полу, а моя задница торчит в воздухе.

И по-прежнему он с целенаправленной интенсивностью пожирает меня. У меня пальчики на ногах подгибаются, и из моего горла раздается пронзительный вопль, когда его язык, шершавый и плотный, пронзает меня глубоко внутри моей сущности. О, черт. Это уже чересчур, чтобы я могла справиться. Ощущения слишком приятны.

Он издает стон и приостанавливается, пока я ловлю воздух, пытаюсь отдышаться.

— Такая сладкая.

Это — единственное предупреждение, что я получаю, прежде чем он снова погружается внутрь, и мои ноги напрягаются от терзающей потребности всего этого. О, Боже. Я уже так близко к тому, чтобы кончить, а все, что он сделал, — нырнул лицом в мою киску и начал лизать. Ну, конечно же, перспектива этого сводит меня с ума, и я извиваюсь против его рта, все сильнее взбрыкиваю бедрами назад и пытаюсь тереться о его лицо.

— Моя, — рычит он в мою плоть, а затем снова толкается своим языком внутрь меня.

Я кричу и сжатыми в кулаки руками хватаюсь за шкуры, когда кончаю, и мои ноги жестко напряжены от оргазма, пронзающего меня насквозь. Я чувствую, как мое тело сотрясается в конвульсиях от силы моего оргазма, и влажность заливает мои ноги.

От этого у Рахоша сносит крышу. Он издает рык и снова хватается за бедра. Прежде чем мне удастся перевести дух, он перекидывает меня на спину, задрал мои ноги вверх. Он берет свой член в руку и толкается внутрь меня.

И я снова кричу. Такое ощущение, будто меня пронзили насквозь, настолько он огромный. Я чувствую себя совершенно потрясающе. У меня и раньше был секс, но я никогда не чувствовала каждый дюйм мужчины, когда он внутри меня. Обычно чувствуешь себя лишь более или менее наполненной.

Но это кажется насыщенно-интенсивным. Я ощущаю каждый нарост его члена, каждый бугорок, каждую вену. И, черт побери, я определенно чувствую шпору над его членом. В тот момент, когда он вонзается внутрь меня, она скользит между губами моей киски и задевает клитор, плавно двигаясь как еще один палец.

Я полностью перегружена очарованием ощущений.

Он замирает надо мной, его пылающие глаза сужаются, когда он пристально смотрит вниз на меня. Он совершенно неподвижен, даже не дышит. Я не могу разобрать выражение его лица.

— Лиз? — спрашивает он. — Я... сделал тебе больно?

Он тянется рукой к своему рту, и я понимаю, что за своим тщательно замаскированным

выражением лица он скрывает свое беспокойство.

— Я в порядке, — говорю я ему и приподнимаю свои бедра. — Прошу тебя, не останавливайся.

Он издает низкий гортанный рык, и его лицо снова покрывает дикое, необузданное выражение. Он наклоняется вперед и кладет руки мне на бедра, а затем снова врезается в меня.

И я снова кричу, потому что, о Господи, как же мне не кричать? Такое ощущение, будто он трахает мою душу, выворачивая ее наизнанку. Это самое потрясающее, что я когда-либо испытывала. Его волосы свисают близко к моему лицу, и я хватаю несколько локонов, цепляясь за них так же сильно, как он вцепился в меня.

— Не смей прекращать трахать меня, — рычу я ему в ответ. — Никогда не смей останавливаться!

У него раздуваются ноздри, и тогда Ра́хош врезается в меня еще сокрушительнее, чем прежде. Я кричу, когда кончаю, дергая его за волосы и вскидывая бедра, чтобы встречать его полные страстного желания толчки. Такое впечатление, что мой оргазм, который у меня был несколько мгновений назад, так и не проходил. Он просто все продолжает накатывать на меня, и я кричу и воплю, пока он все продолжается и продолжается. С каждым толчком шпора Ра́хоша терзает мой клитор, и мне кажется, будто я ступаю по небесам обетованным. Я не могу справиться с таким сильным наслаждением. Это мне не по силам.

Тело Ра́хоша двигается резкими толчками, и какое-то мгновение мне кажется, что он вот-вот начнет сетовать на свое колено или судороги в мышцах, настолько крайне удивленное выражение у него на лице. Но тогда у него с шипением вырывается дыхание сквозь его туго сжатые губы, его тело судорожно подергивается, и я понимаю, что он тоже кончает.

РА́ХОШ

Я полностью переродился.

Все мышцы моего тела, все сухожилия, все органы — ничто больше не принадлежит мне. Все это забрала себе Лиз. Я целиком и полностью принадлежу ей.

Я обрушиваюсь поверх своей пары, обессиленный от нашего бешеного спаривания. На это ушло совсем немного времени, и мой член все еще подергивается, несмотря на то, что похоронен глубоко внутри нее, и я кончил. Однако резонанс не проходит. Если уж на то пошло, с каждым моментом он становится все сильнее, и наши кхай объединились в общую песню.

Руки Лиз выскользывают из моих волос, и ее лицо искажается в гримасу, увидев длинные пряди волос на своих пальцах.

— Я..., кажется, выдернула немного. Прости.

Она возвращает мне их обратно.

Я беру эти пряди волос и отбрасываю их в сторону.

— У меня их более чем достаточно.

Она может выдрать хоть все, если ей хочется. Мне плевать. Я лишь хочу остаться навсегда внутри нее. Я переворачиваюсь на бок и прижимаю ее к своему телу, опуская ее лицо к своей груди. Я никогда не чувствовал себя настолько... хорошо.

Она моя. Полностью моя. И сейчас она полна моим семенем. Я чувствую, как ее влагалище сжимает меня горячими, сильными спазмами, проходящими сквозь ее тело. Она слегка задыхается от каждого из них, и мне думается, что они возбуждают ее. Я поглаживаю ее светлые косы, мокрые от купания.

— Моя пара, — шепчу я. — Моя Лиз.

С губ моего человека срывается приглушенный полувздых-полустон, полный наслаждения. Она прижимается лицом к моей груди, а рукой проводит вниз по моей руке. Я делаю ей то же самое, наслаждаясь различием структур наших тел. У нее нет мягкого пушка, покрывающего кожу моих людей. Человеческая кожа совсем не похожа, но... я наслаждаюсь ею. На ощупь она ощущается слабой, привыкшей к неге, и я сразу вспоминаю, как лизал ее гладкое влагалище.

Это — приятные воспоминания, и это то, что я хочу немедленно снова повторить. Я пальцами движусь к основанию моего члена, по-прежнему всаженного глубоко внутри нее, и провожу пальцами вдоль краев ее щели, где она охватывает меня в глубоких тисках внутри себя. Ее складочки туго растянуты.

Она втягивает воздух.

— Что...

— Мне нравится ощущать, когда я внутри тебя, — говорю я ей, и ее покрасневшее лицо обретает еще более ярко красный цвет. — Тебе приходится широко растянуться, чтобы принять меня.

— Хвастунишка, — говорит она дразнящим тоном, а ее рука старательно спускается вниз по моей груди. — Кстати, как бы это сказать, но мы сделали все совершенно неправильно.

— Неправильно? — я ни на шутку потрясен, что чем-то умудрился разочаровать ее. — У людей есть какой-то ритуал, который я пропустил?

Она хихикает и кончиками пальцев пробегает по мышцам моей груди, а затем щелкает по моему соску.

— Ну, не то, чтобы уж совсем, если только не считать прелюдию ритуалом, — она сдвигается, и своим членом я ощущаю каждую мышцу внутри ее тела. Я резко вдыхаю, потому что готов прямо сейчас снова взять свою пару, однако она все еще разговаривает, так что пытаюсь внимательно ее слушать. — В основном, — продолжает она, — женщины хотят, чтобы их соблазняли к сексу.

Соблазняли к сексу? Я не понимаю. Она взывала ко мне. У меня во рту до сих пор ощущается вкус ее влажного возбуждения. Я секунду изучаю ее, задумываясь над этим. Ааа, наверное, настал момент выразить то слово, означавшее ухаживание.

— Невввп, — говорю я ей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она шлепает меня по груди.

— Что ты хочешь сказать этим своим «неввп»? — она выглядит оскорбленной. — Может, я ожидаю что-то вроде чертовой прелюдии! Не думаю, что я многого прошу.

— погоди. Разве это слово не означает ухаживание?

Она возмущенно вскрикивает.

— Я просила тебя всего лишь о прелюдии, а ты говоришь мне «нет»?

— Я сказал неввп, — уточняю я. — Это неправильно? Ты ведь говорила мне это раньше, и было совершенно очевидно, что тебе нравились мои прикосновения.

Лиз скептически смотрит на меня и толкает меня в грудь.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, чудак. Отпусти меня...

— Никогда, даже и не мечтай, — заявляю я и наматываю на кулак ее волосы так же, как она сделала со мной. Она все еще в моих объятиях, и я разглядываю ее и вижу, что на ее красивой шее учащенно бьется пульс, в ее глазах пылает яростный гнев и похоть. — Ты должна объяснить мне, что такое эта «прелюдия».

— Черт, ты, должно быть, шутишь надо мной?

Это слово крутится у меня в голове, но его перевод не кажется правильным.

— Нет, мой член не стал бы утверждать тебе о том, что шутит.

— О Господи, я не это имела в виду. Я... — она тяжело вздыхает от разочарования. — Ну, ладно. Прелюдия. Это, когда ты типа тискаешь сиськи и все такое. Тебе нужно подготовить девушку к сексу. Позаботиться, чтобы она была готова, намокла и нуждалась в этом.

Я смотрю на нее сверху вниз хмурым взглядом.

— Ты была мокрой.

— Знаю! Но...

— Я лизал твою влагу изнутри твоих бедер. Твое влагалище было настолько промокшим, что из него прямо стекало...

Она пальцами сжимает вместе мои губы и выглядит при этом... крайне смущенной.

— Такие пошлости нельзя говорить.

Пошлости? Было так прекрасно воочию увидеть всю ту влажность, которую я вызвал. Я пил бы ее сладкий нектар час за часом, но ей, кажется, неудобно даже думать об этом. Люди очень странные.

— Тогда объясни мне, — настаиваю я. — Что такое «тискать сиськи»? Я не понимаю смысл этих слов.

— О, Боже, — выдыхает она. — Чему из земного, спрашивается, этот переводчик научил тебя? — она похлопывает себя по груди. — Понимаешь, сиськи. Грудь. В смысле, если к ним прикасаешься, от этого испытываешь удовольствие.

Я тут же кладу ладонь поверх одной и нежно ее сжимаю, затем смотрю ей в лицо.

Лиз хихикает.

— Нет, не сейчас. Перед сексом, чтобы возбудить меня. Чтобы я была готова.

— Я уже готов, — указываю я ей. Мой член тверд и все еще внутри нее, и мне уже не терпится возобновить толчки, тем не менее, я жду ее человеческого намека, что она одобряет это. Такого, как эта прелюдия. Так что я еще раз неуверенно сжимаю ее грудь. — Вот так?

Она сводит брови.

— Ты хочешь сказать, что... опять хочешь заняться сексом?

— Это именно то, что это означает? — я сжимаю ее грудь еще раз.

— Нет, так ты только библикаешь моей грудью.

— Ты сама сказала, что именно этого хочешь!

Она закатывает глаза.

— Я говорю на сленге, детка.

— А сейчас ты говоришь, что я ребенок? — теперь мне даже обидно. — Я...

Ее пальцы снова накрывают мои губы и вынуждают меня умолкнуть.

— Детка — это нежное обращение к партнеру. Разве у твоих людей нет таких слов? Как бы ты называл меня?

— Лиз?

Она шлепает меня по груди.

— Типа ласковой клички. Прозвища, которым обращаешься к другому, выражая свою привязанность.

На мгновение я задумываюсь.

— Женщина?

Она раздраженно вздыхает.

— Знаешь что? Не бери в голову. Просто забудь...

Но теперь я понимаю, о чем она просит.

— Моя женщина? — шепчу я, приподнимая ее голову ко мне и проводя своими губами по красивой линии ее челюсти. — Моя Лиз?

Я чувствую, как легкая дрожь пробегает по всему ее телу, и она содрогается глубоко внутри влагалища.

— О Боже! У тебя снова встал, да? Я тебя чувствую.

Ее кхай напевает и резонирует еще громче, и я воодушевлен.

— Чем еще люди занимаются во время прелюдии? — я провожу языком по ее коже в том месте, где ее губа переходит в небольшую ямочку под ее крошечным человеческим носиком. Она мягкая, такая мягкая.

Она в моих объятиях тихонько вздыхает и закрывает свои глаза.

— Целоваться — весьма неплохо. Поглаживания. Нежные прикосновения. Ласки.

Ааа. Так, значит, я «прелюдировал»^[12] ее уже раньше. Я просто не знал этого слова.

— Я бы сейчас занялся с тобой прелюдией, Лиз. Хочу, чтобы твое влагалище снова было готовым заполниться моим членом.

— Ты уже внутри меня, поэтому эту часть мы довели до конца, — говорит она, однако слегка ерзает напротив меня, словно напоминая, что мое тело, похороненное внутри нее, лишает ее покоя.

Моя рука все еще запутана в ее волосах, и мне по душе, что я пригвоздил ее в этом положении. Вижу, что ей тоже очень нравится. Ее дыхание начинает переходить в тихие, быстрые вздохи, и когда она открывает глаза, чтобы пристально посмотреть на меня, в ее глазах отражается ленивый, полный возбуждения взгляд.

Ну, тогда я сейчас буду прелюдировать ее. Она хочет поцелуи? Я подарю ей поцелуи. Это то спаривание ртами, которое так сильно нравится людям и о котором так высоко отзывался Вэктал. Я тоже этим раньше наслаждался. Рот Лиз такой же мягкий и гладкий, как и ее влагалище. Так что я провожу губами по ее губам, и когда ее губы для меня приоткрываются, я скольжу языком против ее языка схоже тому, как мой член задает такт глубоко внутри нее.

В ответ она задыхается и стонет.

Мне это нравится. Да нет же, я в восторге. Я безумно жажду этого. Моя пара наконец-то в моих объятиях и позволяет мне заявить на нее права. Ничего на свете нет лучше этого. Я никогда не испытывал ничего подобного, и сейчас уже мною движет ненасытность по отношению к ней. Мои губы захватывают ее раз за разом, пока она не задыхается и трепещет подо мной. Я облизываю ее полную, розовую нижнюю губу, а затем осторожно прикусываю ее, ведь она такая мягкая, сладкая и напоминает мне о ее восхитительном влагалище. В то время как ее зрачки расширяются, и она напрягается подо мной, тихий слабый вскрик срывается с ее губ, и я чувствую, как ее влагалище дрожит и сжимается вокруг моего члена.

Я снова скольжу языком по ее приоткрытым губам.

— Я правильно занимаюсь с тобой прелюдией?

— Кажется, я только что опять кончила, — она выдыхает, и ее глаза покрыты томной поволокой.

— Хочешь, чтобы я остановился?

— Господи, нет, конечно, — этот затуманенный взгляд сосредотачивается на моем лице, и я чувствую, как она подо мной начинает вращать бедрами. — Я чувствую себя невероятно.

— Это все кхай, — говорю я ей и прижимаюсь ладонью между ее грудей. — Мы последовали их пожеланиям, и теперь они нас вознаграждают.

— Спасибо, вошь, — она приподнимает подбородок, тонко намекая, чтобы я снова ее поцеловал. Я с превеликим удовольствием счастлив это сделать, как раз когда моя рука движется, чтобы охватить ладонью ее грудь. Ее человеческая грудная клетка дрожит от силы кхая, вибрирующего внутри нее, а соски у нее набухли и напряжены. Я провожу по ним рукой, и она, зажмурив глаза, снова кричит.

«Ааа. Надо растянуть удовольствие от прелюдий».

— Мне приложиться ртом сюда?

Взгляд, которым она смотрит на меня, ошеломленный, но полон жажды.

— Не тяни с этим.

Я задумываюсь.

— Это значит... «да»?

— Да, теперь груди, — заявляет она, подталкивая мою голову к своей груди. — Потом поговорим.

Я перемещаюсь ниже, как она того требует, и мой член выскальзывает из ее влажного тепла. Она издает слабый звук, полный разочарования, но довольно скоро я вернусь туда. Как она выразилась — теперь груди. Я захватываю ее затвердевший сосок в рот. Лиз подо мной задыхается и извивается, в своей потребности, практически отрываясь от шкур. «Ааа. Мне это нравится». Я щелкаю языком по кончику соска, упиваясь ее криками наслаждения.

Лиз стонет, ее руки тянутся к моим волосам, моему оставшемуся рогу, и она отчаянно цепляется за меня. Ей это сильно нравится. Мой член до боли хочет вернуться в ее влажное тепло. Я не в силах противостоять искушению прикоснуться к ней, поэтому рукой скольжу к ее влагалищу и играю с мягкими, влажными складочками. Между ног она скользкая, мое семя и ее смешались вместе, и моя пара издает стон, когда я снова погружаюсь пальцами внутрь нее.

— Этого мало, — проговаривает она.

Я осторожно прикусываю кончик ее груди.

— Моих пальцев?

— В игру «найди точку джи» мы можем поиграть и позже, — снова она говорит всякую чепуху из ее человеческого языка. — Мне нужно, чтобы ты вернулся внутрь меня, Ра́хош. Я хочу тебя. Пожалуйста.

Мой член подскакивает, но я еще не наигрался с ней. Я все продолжаю исследовать свою сладкую, мягкую пару, не смотря на то, насколько сильно она возражает. Я не свожу взгляда со своих пальцев в то время, как толкаюсь ими внутрь-наружу ее влагалища, и струйка моего семени прослеживает вниз по ее складочкам. Я тут же подхватываю ее пальцами и толкаю обратно в нее. Я возьму ее столько раз, что мы вместе создадим ребенка.

Ну а тогда, когда ее живот округлится плодом нашего спаривания, мы вернемся к моим людям, и никто не сможет отнять ее у меня.

— Что ты делаешь? — она в беспокойстве быстро сдвигается ко мне.

— Обеспечиваю, чтобы мое семя осталось внутри тебя.

— Весьма по-варварски с твоей стороны, — бормочет Лиз. Ее ноги раздвигаются чуть шире, и она выдыхает. — Знаешь, что обеспечило бы еще больше твоего семени во мне?

— И что это?

— Если ты снова меня трахнешь, — Лиз слегка виляет бедрами. — Исключи посредника и обратись непосредственно к источнику.

И снова кое-какие ее слова совершенно бессмысленны, но это не имеет значения. Она требует, чтобы я занялся с ней сексом, и это — все, что мне нужно знать. Мой кхай мощно резонирует, упорно настаивая, чтобы я взял ее снова. И как я могу отказаться, когда она просит так сладко? Я скольжу обратно вверх по ее телу и целую ее в губы, а она начинает хныкать и цепляется за меня. Ее бедра снова приподнимаются, и поэтому я, пристроив свой член к ее складочкам, снова толкаюсь головкой сквозь ее влажность.

— О, Господи, да, — она стонет и снова сжимает в кулаках мои волосы. — Покажи мне все, на что ты способен.

Я погружаюсь внутрь, и она вопит от удовольствия. У меня закатываются от наслаждения глаза. Никакие ощущения несравнимы с теплым захватом влагалища моей пары, туго обнимающего мой член. И как только я начинаю врезаться в нее ритмичными толчками, лишь одна мысль крутится у меня в голове, снова и снова, резонируя так же сильно, как и мой кхай.

Лиз моя.

Лиз моя.

Моя пара.

Моё все.

ЛИЗ

Через какое-то время ранним утром, когда я просыпаюсь, моя щека прижата к груди Ра́хоша, и я немного обслюнявила его. Упс. Я сажусь и вытираю свой рот, а затем и его обнаженную кожу, но он только сдвигается в постели и снова прижимает меня к себе.

— Мне нужно пописать, — говорю ему сонно и встаю с постели.

Я ковьяляю за порог пещеры, чтобы справить свои грязные делишки — при этом «ковьяляю» самое точное слово этому. Прошлой ночью меня так усердно и так часто трахали, что я удивлена, как мои ноги вообще функционируют.

Теперь я понимаю, почему Джорджи абсолютно не возражала, когда Вэктал утверждал ее своей парой. Если он хоть в чем-нибудь похож на Ра́хоша, то он трахнул ее мозги к чертовой матери. Я тоже чувствую себя чертовски безмозглой, и у меня голова идет кругом. Конечно, я занималась сексом и раньше, однако секс с Ра́хошем? Это как бы СЕКС заглавными буквами и маленькими сердечками, парящими вокруг него. Более потрясающего траха мне в жизни не приходилось испытывать. Всем своим телом я чувствую себя липкой и потрепанной, но из-за эндорфинов я ошарашена и довольна до чертиков.

Я беру немного снега и протираю им свои ноющие девичьи части, чтобы вымыться, а

затем еще несколько очень приятных горсток пропускаю по своей липкой от пота коже, чтобы смыть его с себя. Ну а потом, зевая, возвращаюсь в пещеру.

Сейчас он проснулся, сидит среди шкур и наблюдает за мной хищным взглядом, от которого моя вошь снова начинает напевать. Понятия не имею, смогу ли я выдержать еще один раунд траха, не расплавившись в лужицу, поэтому я сажусь возле костра, крепко сжав вместе ноги, и берусь палкой размешивать угли.

— Возвращайся в постель, — говорит он и похлопывает по шкурам рядом с собой.

Мда, я абсолютно уверена, что не сон у него на уме.

— Скоро начнет светать, — говорю я. — У меня много дел на сегодня.

— Это может подождать.

— Слушай, а у тебя на удивление много энергии для парня, у которого еще на прошлой неделе было бессчетное количество сломанных костей.

Он поднимает одну свою руку, и на какое-то мгновение я уж было подумала, что он собирается применить силу. Но он лишь рассматривает ее и пожимает плечами.

— Кхай помогает нам излечиться быстрее, — он снова смотрит на меня, а потом похлопывает по шкурам. — Иди сюда. Я снова наполню тебя своим семенем.

Моя глупая вошь начинает напевать, как идиотка, однако я не обращаю на нее внимания.

— А как насчет того, что мы, ну, понимаешь, поболтаем о том, что нас ждет дальше?

Он поднимает голову и окидывает меня любопытным взглядом.

— Зачем?

В ответ я шиплю с жаром.

— Что ты хочешь сказать этим своим «зачем»? Мы же налаживаем здесь отношения!

Рахош, сузив глаза, смотрит на меня таким образом, что мне подсказывает, он думает о том, как бы сохранить терпение, хотя на самом деле это не так.

— Не вижу ничего, что стоит обсуждать. Ты — моя пара. Ты принадлежишь мне.

Я шиплю в ответ.

— Значит, мы теперь вернулись обратно к собственности? — мое посткоитальное блаженство испаряется. Я поднимаюсь и иду к своей одежде. — Знаешь, что? Не хочу я с тобой сейчас разговаривать.

— Что ты делаешь?

— Одеваюсь. Я должна проверить свои ловушки.

Он встает на ноги и выхватывает из моей руки одежду.

— Тебе нельзя отправляться на охоту. Уже сейчас ты можешь носить под сердцем моего ребенка. Нашего ребенка.

О, нет, он ведь не бросил мне только что в лицо идею «босой и беременной лучше-ка заняться делами на кухне».

— Ты правда хочешь увидеть, как у меня голова взорвется, да?

Он не одобрительно хмурит брови.

— Я ни за что не желал бы причинить тебе вред...

— Аааа! — я вскидываю руки. — Просто замечательно. Тебе обязательно нужно быть таким? — я тыкаю пальцем ему в грудь — что оказалось довольно-таки больно, потому что чертова штуковина покрыта защитным слоем. — Между нами ничего не изменилось, за исключением того, что мы чуток потрахались как кролики. У нас был секс, вот и все. Я не стала твоей чудо-собственностью, а ты словно по волшебству стал моим мужем. Мы такие

же, какими мы и были, а это означает, что мы — два придурка, которым нравится ссориться друг с другом. Мои охотничьи навыки не пострадали от твоей спермы. Я знаю, что вокруг много опасностей. Ты помнишь, что я тащила твое искалеченное тело целые три чертовы мили по снегу (*Прим. ок. 5 км*)?

Он скрещивает руки на груди.

— Ну да, так я и думала, — я жестом указываю на вход в пещеру. — Так что теперь я пойду и поймаю для нас завтрак. Ты можешь сидеть здесь и словно троглодит изо всех сил бить себя кулаком в грудь или что-то в этом роде.

Я направляюсь, чтобы забрать свой лук, но он хватается за него, прежде чем мне удастся перебросить его через плечо. Я свирепо смотрю на него.

Когда Ра́хош начинает говорить, говорит он вполголоса и очень серьезно.

— До того, как ты появилась здесь, в этом мире, у меня не было ничего, ради чего стоило бы жить. Я охотился. Я существовал. Мне не к чему было стремиться. А теперь здесь ты, и уже сейчас ты можешь носить под сердцем моего ребенка, — он стискивает челюсти. — Я знаю, что ты отлично справляешься. Проблема не в тебе. Она во мне. Этот мир слишком опасен, и одна только мысль, что ты, одна-одинешенька, где-то там, в дикой природе, это — гораздо больше, чем я в силах вынести, — он так долго и так пристально смотрит на меня, что мне кажется, у него челюсть переломится от силы стискивания зубов. — Если я потеряю тебя, — наконец хрипло проговаривает он, — У меня не останется ничего.

И потому, что мое сердце как зефир, я смягчаюсь. Я протягиваю руку, чтобы похлопать его по щеке, но при моем прикосновении он наклоняется, и это превращается в ласку.

— Ра́хош, я серьезно. Я знаю, как позаботиться о себе.

— Как и я. Тем не менее, меня одолела стая мэтлаков.

Ладно... в его словах есть смысл.

— Ну, тогда пошли со мной. Можем поохотиться вместе, — я киваю ему головой. — Если чувствуешь, что справишься с этим.

— У меня идея получше, — шепчет он и выхватывает лук из моих рук. — Мы можем есть и копченое мясо. Ты вернешься в постель и позволишь мне заполнить твое мягкое влагалище моим твердым членом, — его руки обнимают меня за талию, и он притягивает меня к себе. В тот момент, когда мы соприкасаемся, наши воши начинают резонировать. — А завтра мы отправимся на охоту. Вместе.

Трудно долго злиться на парня, когда он гладит твою кожу, и от этого всем телом ощущаешь пронзающее желание. На мгновение я задумываюсь.

— А что с моими ловушками?

Он смотрит на вход в пещеру.

— Идет снег. Что бы там ни было, это может там оставаться замороженными еще на один день.

— Ммм, — я притворяюсь, что обдумываю. Там и в самом деле нечего делать. Моя вошь несется со скоростью мили в минуту, и я знаю, что уже влажная между ног от потребности. Я поднимаю глаза на него. — Если мы собираемся стать парой...

— Нет никакого «если». Мы и есть пара, — настойчиво утверждает он.

— Тогда мы должны быть равными партнерами, — говорю я ему. Я провожу ладонью по его великолепной, обнаженной груди, а затемдвигаю рукой вверх к его шее, лаская его затылок. — Нет такого понятия, как собственность. Ты мой так же, как и я — твоя. Уяснил?

— Я твой, — соглашается он. — Целиком и полностью.

— Тогда и я тоже могу быть твоей.

Он наклоняется и нежно целует меня в губы.

— Моя пара. Моя Лиз. Ты для меня все.

«Нда, определенно трудно продолжать злиться после этого».

В конечном итоге мы валяемся в постели еще несколько часов, еще несколько раз занимаемся любовью и дремлем. Надо отдать ему должное, Ра́хош обещает быть более понимающим относительно охоты. Когда он думает, что я не замечаю, он все время ласкает мой живот.

Я никогда особо не подумывала о том, чтобы быть чьей-то мамой. Но ясно ли это Ра́хошу? Я и этот ребенок — все для него. И это заставляет меня задуматься, на что похожа его жизнь в домашних пещерах. В устах Вэктала это звучало так, будто все они были довольными и беспечными весельчаками, живущими в ледяном жилище или что-то вроде этого дерьма, но, может, там более одиноко, как мне кажется, для такого мужчины, как Ра́хош, у которого шрамы и отстойные навыки общения с людьми. То, что он оказался старым добрым девственником, говорит мне, что в племени, где лишь несколько женщин, они точно не ломались в его дверь ради его члена.

И неважно, насколько великолепно он оснащен.

И это странно, но я даже рада, что он весь мой. Там нет ни одной девчонки, ожидающей, когда он вернется домой. Никаких бывших подружек, с которыми мне, возможно, пришлось бы столкнуться. Он — только... мой. Будто он всегда ждал именно меня.

Итак..., похоже, что я не стану отправляться на охоту в одиночку, если он от этого и впрямь так психует.

Но к тому моменту, когда мы настолько голодны, чтобы поужинать, я начинаю колебаться при одной мысли о том, чтобы опять есть сухое, безвкусное вяленое мясо.

— Ты можешь пойти со мной, — упрашиваю я Ра́хоша. — Мы можем проверить ловушки и заполучить что-то свеженькое и вкусное, чем полакомиться. Было бы здорово? — я похлопываю себе по животу. — К тому же, если я и правда беременна, свежая еда была бы лучше.

В ответ он издает рык и надевает свою набедренную повязку, так что, думаю, этим подразумевается, что мы выходим наружу. Странно, но я очень рада выбраться на свежий воздух и пробираться через сугробы, утопая в снегу по самые уши. Мне приятно видеть, если что-то попало в мои ловушки. И у меня на самом деле пристрастие к свежему, сырому мясу. Это... странно, я знаю.

Мы окружаем валом костер и хорошенько прибираемся в пещере, а затем, одетые и вооруженные для похода, отправляемся в путь. Погода пасмурная, и, похоже, что снова может пойти снег. Ну, надо же, какой сюрприз. Здесь снег идет каждый чертов день.

Пока Ра́хош выздоравливал, я вытащила из воды еще двух тех уродливых копье-рыбье-подобных существ и сделала два лука и целую кучу стрел. Мне даже удалось из кое-какой лишней кожи сделать парочку импровизированных сумок для стрел. Я без малого настоящий Даниэль Бун^[13].

Странно, я помню, как мы вместе с отцом охотились, когда я была маленькой девочкой, но никогда не задумывалась над этим. Теперь, когда я вместе с Ра́хошем сама вышла на дело, мне вспоминаются вещи, которые я уже и позабыла, и более того... — которыми я наслаждалась. Я никогда не считала себя типом любительниц приключений, но ничто не может дать такого удовлетворения, как отправить отлично сделанную стрелу в дичь.

Ну, ладно, ладно, секс с Ра́хошем приносит намного большее удовлетворение. Охота — на втором месте.

Пока мы пробираемся сквозь сугробы, Ра́хош слегка витает в раздумьях до того, как я шлепком не отбиваю его руки, когда он пытается помочь мне пробраться через особенно глубокий сугроб снега. Его губы изгибаются в насмешке, когда я стреляю в него раздраженным взглядом, и я понимаю, что он дразнит меня.

Вот же хрен. Я припомню ему этой ночью, когда мы вернемся в пещеру. В то время как мы проверяем ловушки, я мысленно продумываю способы, как могу сексуально помучить своего инопланетянина. Если снять секс с повестки дня — это наказало бы меня так же, как и его. Может, миленький, томный минет, и не дать ему кончить...

— Эй! — доносится издали незнакомый голос, этот звук, унесенный ветром, почти неслышен.

Я удивленно смотрю на Ра́хоша. Это и вправду прозвучало на английском? Может мне померещилось?

Ра́хош неподвижно замирает, а затем просматривает горизонт. Тут же он хватается за руку и торопит меня вернуться обратно, откуда мы пришли.

— Скорее, Лиз.

— Постой. От чего мы убегаем? — пока мы пробираемся сквозь снег, я держу наготове свой лук. — Там опять мэтлаксы?

— Ра́хош! — выкрикивает голос, а затем произносит несколько слов, которых я не понимаю.

Я ахаю.

— Это люди из твоего племени?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь, прикрывая глаза от пасмурного неба, чтобы убедиться, смогу ли я рассмотреть, кто там.

— Возвращаемся в пещеру! — рычит Ра́хош и спотыкается в снегу.

У меня сердце в пятки уходит, и я дергаю его за руку. Порезвиться в постели — это совсем другого типа активность, нежели утомительно пробираться через обильные снега, и я беспокоюсь, что он себя перенапрягает. Только на прошлой неделе он сломал ногу.

— Ра́хош, подожди. Только не повреди себе...

Он хватается за шкуру моего тяжелого плаща и тянет меня к себе. Мне требуется лишь миг, чтобы осознать, что он поднимает меня и уносит отсюда. «Он пытается сбежать от них?»

— Ра́хош, да постой же!

— Они не отнимут тебя у меня, Лиз, — заявляет он свирепо. — Ты моя! Моя пара.

— Они не могут отнять меня, — говорю я успокаивающе, пытаюсь погладить его по плечу. Я боюсь, что он навредит себе. — Ра́хош, пожалуйста. Ты меня пугаешь.

Это вынуждает его прекратить свое отчаянное продвижение вперед. Он останавливается в снегу и осторожно снова ставит меня на землю. Он рукой прикасается к моему животу, ну а потом обнимает ладонями мое лицо.

— Ты для меня все, Лиз, — бормочет он перед тем, как впивается мне в губы страстным поцелуем.

— Знаю, — говорю я в растерянности.

— Ра́хош! Человек по имени Лииз! — провозглашают уже два голоса, из которых один слышится впервые. — Не убегайте!

Нас обнаружили.

Ра́хош закрывает глаза и прижимает меня к себе, сжимая в руке нож. Это очень беспокоит меня. Я кладу свою ладонь поверх его в молчаливой просьбе не нападать на них.

И мы ждем.

ЛИЗ

Пробираясь сквозь снег, к нам приближаются двое мужчин с копьями в руках. Они не бегут и копья используют скорее, как трости, поэтому я не очень-то волнуюсь. Пока еще.

А Рахош? Рахош от беспокойства сам не свой.

— Человек по имени Лииз! — один из них снова кричит, его ладонь сложена словно трубка у рта. — Жди там!

Я окидываю Рахоша неуверенным взглядом. На его гордых чертах лица четко написано, что он проиграл, и вот это меня беспокоит. Я скольжу рукой внутрь его ладони, чтобы успокоить, и он крепко ее сжимает, а потом тянет меня к себе в собственническом объятии.

— Кто это? — спрашиваю я его.

— Аехако и Хэйдэн, — отвечает Рахош. Его голос звучит безжизненно, что мне совершенно не нравится.

— Они твои друзья?

Он вздыхает.

Ааа. Он несчастен, потому что они пришли, чтобы вернуть нас в племя, а я еще не забеременела и не витаю в облаках полными любви глазами.

Гипотетически, во всяком случае.

Я похлопываю его по спине, а затем поглаживаю ее.

— Ты знал, что рано или поздно они придут за тобой, верно? Понимаешь, все это выглядит так, будто ты сбегаешь, пойманный с поличным.

Его рука гладит мои косы. Он не двигается, но я чувствую, как нарастает напряжение по мере приближения остальных.

Они пробираются сквозь большие, практически по колено, сугробы так, будто это сушая ерунда. Когда инопланетяне подходят, один из них улыбается, его дружелюбный, открытый взгляд отображается у него на лице, и это радует. Черты его лица более резкие, чем мужественные черты Рахоша, но выражение веселого настроения у него делает его гораздо привлекательнее. В отличие от Вэктала с Рахошем, у него короткие волосы, остриженные чуть ли не под корень. От этого его большие, изогнутые рога выглядят гораздо более заметными. Всем телом он синевато-серого цвета, и хотя он не такой высокий, как Рахош, у него руки как чертовы стволы деревьев.

Земные деревья, а не деревья Не-Хота.

А другой инопланетянин, который вместе с ним, выглядит явно менее дружелюбным. Он прошел ту же «школу обаяния» злобно зыркать, что и Рахош, но на этом их сходство заканчивается. Он — бледный, молочно-голубой, почти столь же мускулистый, как тот, что рядом с ним, и имеет крепкий нос и квадратную челюсть, от чего выглядит чертовски раздраженным. Его волосы по бокам побриты, а длинные волосы на макушке заплетены в косу, спадающую на спину.

Они оба одеты в простые кожаные туники и штаны и вооружены до зубов.

Никакого дружественного «привет», значит.

— Рахош! Мы повсюду тебя искали, — дружественный продвигается вперед, чтобы похлопать Рахоша по спине, но Рахош скалит свои зубы и впивается взглядом в него,

задвинув меня к себе за спину. Вновь прибывший выглядит удивленным этой реакцией. — Ты же знал, что мы придем. Вэктал сразу отправил нас по твоему следу, так как мы не резонировали, — он хлопает ладонью прямо над сердцем и делает вид, что сильно расстроен.

Второй вообще не проявляет каких-либо эмоций.

— Привет, я — Лиз, — говорю я, выходя из-за спины Ра́хоша и протягивая свою руку.

Они смотрят на меня как на чокнутую, а тот из них, который недружелюбный, отводит свое копьё в сторону.

— Нет, я не тянусь за твоим оружием. Так у людей принято приветствовать при встрече, — я сжимаю пустую ладонь в приветственном пожатии. — Понимаешь, это что-то вроде официального знакомства.

Ра́хош хватает меня и оттаскивает обратно, прежде чем они могут вплотную заняться моей рукой.

— Она — моя пара, — он скалит зубы. — Мы резонируем друг другу. Так что обсуждать тут нечего.

Я шлепаю Ра́хоша по руке, потому что теперь уже начинаю выходить из себя.

— Спасибо тебе, и, если ты уже закончил строить из себя полного неандертальца, я и сама умею говорить.

Парни напротив нас обмениваются взглядом.

— Меня зовут Аехако, — говорит дружелюбный. Он жестом указывает на своего приятеля. — Это — Хэйдэн, — Аехако улыбается мне. — Так ты и есть Лииз?

— Вообще-то мое имя надо говорить кратко. Лиз, — я исправляю его произношение.

— Это неважно, — говорит Ра́хош и снова пытается оттащить меня обратно. — Они должны обращаться к тебе как к паре Ра́хоша.

Услышав это, я неодобрительно хмурюсь.

— Попридержите свои чертовы рты! У меня больше не будет своей собственной идентичности?

— Нет, будет, — уверяет меня Аехако. — Он просто слишком сильно о тебе печется. Такое происходит с каждым, кто в резонансе, — он выглядит в замешательстве, а на лице Хэйдена я вижу усмешку.

Хэйдэн приподнимает подбородок.

— Как вижу, ты точно такой же как и твой отец. Пренебрегаешь правилами, если считаешь нужным. Импульсивный, упрямый и глупый. Ты и правда сын своего отца.

Очевидно, что это не комплимент. Ра́хош явно теряет самообладание. Он кривит рот, и я вижу его обнаженные зубы.

— Мне просто не хотелось, чтобы моя история закончилась так же, как твоя.

Хэйдэн издает рык и резко бросается на Ра́хоша, сбивая его с ног в снег.

Я начинаю кричать, когда мужчины отталкивают меня в сторону, а Аехако продвигается вперед, чтобы растащить обоих мужчин друг от друга. Я спотыкаюсь назад, падая на задницу в снег. Ра́хош снова издает рык, и тогда следующее, что я вижу, он отталкивает обоих мужчин в сторону и с нежностью помогает мне встать на ноги. Он снова прижимает меня к груди и гладит мои косички, и я слышу, как в его большой груди колотится сердце.

«Слишком сильно печется», — пожалуй, еще слабо сказано.

— Я в полном порядке, — говорю я, похлопывая его по руке. — Просто не понимаю, что происходит.

— Собирайте свои вещи, — говорит Аехако весьма заботливым голосом. Он внимательно разглядывает небо. — У нас есть еще несколько часов, прежде чем сядут солнца, так что можем тронуться в обратный путь к племенным пещерам. Рокан говорит, что через несколько дней грядет буря, а ты же знаешь, он никогда не ошибается.

Я смотрю на Рахоша.

С задумчивым выражением на лице он прикасается к моему подбородку.

— Не делай все сложнее, — предостерегает Хэйден.

Рахош просто поглаживает мою челюсть.

— Мы пойдем с вами.

Потребовалось около часа, чтобы вернуться в маленькую уютную пещерку, которую мы с Рахошем последнее время называем домом. Аехако — единственный, кто говорит, увлекшись веселым монологом. Рахош не произносит ни слова, и Хэйден тоже. Я веду себя тихо, потому что наблюдаю за всеми ими тремя и пытаюсь понять, что меня ждет.

Суть в том, что они — инопланетяне. Их культура отличается от моей, и что на первый взгляд может показаться безгрешным, впоследствии может оказаться серьезной проблемой. Поэтому я внимательно наблюдаю и стараюсь схватывать все на лету.

Следует отдать им должное, так как, пока мы идем, говорят они на английском, поэтому я не чувствую себя одинокой. Аехако крайне удивлен, увидев нашу пещеру, и хлопает Рахоша по спине за то, что он устроил для себя такое уютное местечко «прямо у них под носом». Однако, Рахош не выглядит таким уж радостным. Он довольно хорошо скрывает свои эмоции, но я ощущаю его глубочайший гнев и разочарование из-за крушения его надежд.

— А это что такое? — спрашивает Аехако и берет в руки мой лук.

— Это оружие, — говорю я ему, беру лук и перекидываю себе через плечо, пока мы собираем наши вещи. Прослеживаю, чтобы взять не только его, но и колчан, полный костяных стрел. — Я пользуюсь им во время охоты.

— Охоты? — он сводит брови. — Но ты ведь женщина. Недопустимо, чтобы ты охотилась.

— Я что, не туда свернула и приземлилась на планету женоненавистников? — спрашиваю я. — Черт возьми, я имею право охотиться! Вы что думаете, дикие животные придут в бешенство, что у меня женские прелести, которыми я пытаюсь их выманить как какая-то порнозвезда? Что...

Рахош успокаивающе кладет свою руку мне на плечо.

— Женщины моего племени не охотятся, не забыла? Их слишком мало.

Я фыркаю.

— Ну, с этим дерьмом мы еще разберемся. У вас, вообще-то, уже больше нет перевеса в численности трое к одному.

И я устраиваю целое шоу, демонстративно поправляя лук у себя на плече, при этом прожигаю взглядом Аехако и Хэйдена.

Аехако лишь смотрит, и на его лице отражается замешательство.

Из нашей маленькой пещеры мы упаковываем оставшуюся еду, шкуры и собираем наши кожаные мешки с водой. Я сворачиваю в рулон оставшиеся шкуры, и когда пещера полностью убрана, то в последний раз осматриваюсь вокруг. Меня терзают душевные муки, что мы уходим отсюда. Я с нетерпением жду новой встречи с Джорджи, Кайрой и остальными людьми, но должна признаться, что жить в этой пещере было довольно...

здорово. Уютно. Уединенно.

А мне очень даже нравилось находиться здесь с Ра́хошем. Я привязалась к этому здоровенному дурню. Как только моя жизнь налаживается, опять надо переезжать. Я так страстно жажду местечко, которое могла бы называть домом.

Но когда Ра́хош берет меня за руку, чувство потери исчезает. Вместо того, чтобы чувствовать себя вынужденной покинуть свой дом, я чувствую лишь смутное раздражение, что наша маленькая идиллия прервана именно тогда, когда все только начинало становиться фантастически сексуальным.

Инопланетяне обломали весь кайф. Проклятие!

Какое-то время мы идем в направлении заходящих солнц. Кажется, мы движемся на запад, за исключением того, что так было бы на Земле, а это место — определенно не Земля. Мы достигаем маленькую рощицу и разбиваем лагерь, когда небо уже становится розовым с прослойками оранжевого. Пока мы шли, Аехако собирал навозные кусочки для топлива, и теперь имеет дорожную сумку, набитую ими.

Может... и к лучшему, что я не пожалала ему руку.

Мы устраиваемся на ночь вокруг костра, и Хэйдэн тут же отправляется прочь к ближайшей возвышенности, сказав, что он первый стоит на страже. Это меня устраивает. Он точно не весельчак, к тому же у меня остался Ра́хош на случай, если мне захочется побыть с кем-то, кто тихонько кипятится.

Когда я сажусь вблизи костра и оборачиваю вокруг себя свой плащ из шкур, Ра́хош хватает свое копьё и наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб.

— Я отыщу для тебя немного свежего мяса.

— Ладно, но... — я наблюдаю, как он покидает маленький лагерь, и теперь остались только мы с Аехако, который подкидывает в огонь очередной кусок навоза. Я окидываю его хмурым взглядом. — Ты не собираешься гоняться за ним?

— Зачем? — Аехако спокойно пожимает плечами. — Он вернется. Ты же здесь.

Ааа. Значит их целью был не Ра́хош. Это — я. Поняла. Все-таки он прав. Раз уж я здесь Ра́хош вернется. От одной только мысли об этом у меня сразу теплеет на душе. Что бы ни случилось, Ра́хош всегда готов поддержать меня. Я решительно настроена сделать то же самое для него.

Но у меня болят ноги, и приятно посидеть у огня, пусть даже если за его пределами очень холодно и нет какого-либо убежища, позволяющего укрыться от стихии. Я подползаю чуть поближе к нему и приподнимаю мокрые, обутое ноги, чтобы они немного обсохли.

— Расскажи мне, как там остальные. С ними все в порядке?

— Здоровы, насколько это вообще возможно, — Аехако успокаивает меня, и его губы растягиваются в широкой улыбке. Несмотря на сложившуюся ситуацию, этот парень мне нравится. Боюсь, этот парень просто не может не нравиться. — Твои подруги принесли огромное счастье нашим людям, — говорит он. — Долгое время мы считали, что пара — всего лишь мечта, а теперь эта мечта осуществляется для многих.

Его слова вызывают во мне желание, чтобы Ра́хош был здесь. Я пристально разглядываю деревья, однако моя «пара» — я до сих пор пытаюсь примириться со всей этой ситуацией — выпускает пар, охотясь за ужином.

— Это радует.

— Мы все теснимся в наших пещерах, словно пернатые звери в снежную бурю, но, несмотря на это, никто не жалуется.

— Ммм. Ты в курсе, у кого-нибудь завибрировала вошь?

— Резонировала?

— Ага, именно это слово, — не сомневаюсь, что Ра́хош уже говорил мне его, но также он говорил и такие словечки, типа «моя-моя-моя-моя» и «твое влагалище полно моим семенем», поэтому рядом с этим парнем я должна подбирать слова тщательно. — Кто-нибудь уже резонировал?

— О, конечно, — он ворошит огонь. — Джорджи, о которой ты, конечно, знаешь. Пашов и Стейси сразу же стали резонировать друг для друга, и мне кажется, что даже до того как, ее кхай был внедрен внутрь нее. Меня удивляет, что ты этого не слышала.

Он посмеивается.

— Ммм, — я снова повторяю, потому что мои воспоминания о той ночи сводятся к тому, что я говорю «нет», отказываясь от воши, а Ра́хош наступает на меня, чтобы удерживать меня на месте и заставить меня принять ее. Это были не самые лучшие мгновения в жизни большого парня. Однако, моя предательница вошь мурлычет при мысли о Ра́хоше, а я рассеянно потираю себе грудь. — Я не очень хорошо помню Стейси. Она не та, которая склонна кидаться в слезы?

— Она плачет, но теперь уже меньше, когда рядом Пашов, чтобы осушать ее слезы, — он усмехается и откидывается назад, пытаясь расслабиться. — Больше всего плачет Ариана. Она — пара Золая. Он очень переживает из-за того, что она плачет.

— Ну, да, могу себе представить, все это для нее в новинку, — единственные, кто резонировал, это девушки из капсул? — А что насчет Джоси? Или Кайры? Или Тифф?

Он качает головой.

— Для них до сих пор нет резонанса.

— Ооо.

— Они еще молоды, — говорит он. — У них впереди еще много лет. Полно времени, чтобы начать резонировать правильному мужчине.

— Ну-у. И для тебя тоже нет пары?

Он вздыхает, и впервые веселая улыбка у него на губах слегка дрогнула.

— Ни пары, ни семьи у меня все еще нет. У меня тоже еще полно времени впереди, — но он выглядит задумчивым. — Еще есть Марлен с Зэннеком. И Нора с Дагешем.

У Дагеша странное имя — от того, как оно произнесено, складывается ощущение, что средний слог проглотили и заново пережевали. Это определенно не человеческий звук. Так что я просто говорю:

— Они молодцы. Надеюсь, что они очень счастливы.

— Некоторые из них счастливы. Некоторые приспособляются. Но все племя радуется. Создано много новых пар и жилищ в пещерах. В ближайшем будущем появится множество комплектов, которые так и будут носиться вокруг, — он растягивает ноги, потом шлепается в снегу на бок и подпирает рукой подбородок. — Столько много новых спариваний подразумевает новые комнаты для новых семей.

— Да?

— Никто не хочет слушать, как их кхай резонируют ночи напролет, — говорит он с дьявольской ухмылкой на губах.

Чувствую, что краснею от смущения. Подозреваю, что это не единственное, что они слышат ночи напролет.

— Судя по всему, у каждого своя довольно уютненькая обстановка.

— Ммм. Уютная для новых пар. Мы с Хэйденом добровольно вызвались отправиться выслеживать вас обоих. Для многих мужчин там уже слишком тесно. Все охотники больше всего времени проводят в походах. Они утверждают, что охотятся ради того, чтобы прокормить новые рты, однако, думаю, отчасти еще и потому, что там ужасно тяжело для тех, у кого нет своей семьи, — он пожимает плечами. — Принимая во внимание, что мы снова возродимся, в этом нет ничего страшного.

— Снова?

Аехако кивает головой, и жизнерадостная улыбка исчезает с его губ.

— Наше племя в прошлом было значительно больше. У нас было много пар, много семей. Это было прекрасное время для ша-кхай. Но пятнадцать лет назад возникла кхай-эпидемия, которая пронеслась по пещерам. Многие умерли, — он ковыряется в снегу перед собой. — Не было ни одного жилища в пещерах, которое бы не затронула кхай-болезнь. Столько много потерянных матерей, отцов, пар...

Он резко садится, и я вижу Хэйдена, который продвигается мимо кромки деревьев. Я открываю рот, чтобы заговорить, а Аехако легонько машет головой, бросив многозначительный взгляд в сторону Хэйдена.

Ааа. Значит, Хэйденом весьма остро реагирует на эту тему. Ясно.

— А что насчет семьи Рáхоша? — спрашиваю я. Это первый раз, когда я по-настоящему задумываюсь, что Рáхош может иметь семью, которая ожидает его возвращения домой. Он ничего об этом мне не говорил. Может, дело в том, что он не хочет рассказывать о них? Или же дело в том, что он потерял их во время кхай-болезни так же, как, по-моему, произошло с Хэйденом?

Аехако озирается вокруг, ну а потом наклоняется ко мне.

— Он разве не рассказал тебе о своей семье?

Я, понизив голос, нагибаюсь вперед. Мы сплетничаем, но это те сплетни, в которых я нуждаюсь, поэтому мне плевать.

— Он ничего не рассказывает. Они в пещере? Или умерли?

— Давно умерли, — говорит Аехако тихим голосом. — Его случай... весьма интересен.

Я пододвигаюсь еще чуть поближе.

— Мне нравится все, что интересно.

Более того, мне очень, очень интересно. Я хочу понять, что движет моим Рáхошем, его внутренний мир. Странно, что я уже начинаю думать о нем как о «своем» Рáхоше.

— Его мать, Дайя, никогда не любила его отца. Вáшан был не очень-то терпящим поражение мужчиной, а Дайя любила кого-то другого. Но когда кхай выбирает, он выбирает, — он пожимает плечами. — Рáхош был их сыном, и когда ему было пять лет, его мать снова стала резонировать его отцу. Это означало еще одного ребенка. Она настойчиво утверждала, что не хочет его ребенка. Отказывалась вступать с ним в какие-либо отношения. Она даже ходила к вождю — в то время им был отец Вэктала, — Аехако потирает свою челюсть и при этом выглядит встревоженным. — Вождь объявил, что ей следует принять его ребенка, потому что резонанс нельзя отменить. Но ей не обязательно жить с ним. Это привело Вáшана в бешенство. Он разозлился и, похитив ее, сбежал из племени. Он забрал ее с Рáхошем и не вернулся. Мы много лет их искали, но никто их так и не нашел. Казалось,

будто они исчезли с лица земли. А потом, после того, как от кхай-болезни многие погибли, Вáшан вернулся обратно, но только с Рáхошем, а Рáхош весь покрыт шрамами, каким ты видишь его сейчас. Мы спрашивали его, где Дайя с его ребенком, но он ответил, что они мертвы. Их убили мэтлаксы. Вáшан решил забрать Дайю и вынудить ее уступить резонансу? Быть его парой, хотя она этого не хотела? Это стоило жизни ей и их ребенку, поэтому вождь наказал его изгнанием из племени. Рáхош был оставлен в племени, чтобы расти в безопасности.

Эта история в моем сердце отзывается болью. Она просто ужасна и хоть немного разъясняет, почему он так переполошился, что потеряет меня.

— Бедный Рáхош.

Аехако вдумчиво кивает головой.

— Несколько лет спустя, когда он уже был достаточно взрослым, чтобы охотиться самостоятельно, он отправился на поиски Вáшана. Он его так и не нашел, но сказал, что нашел кое-какую растерзанную животными старую кожаную одежду, а старая пещера разрушена. Что бы ни осталось от Вáшана, этого уже давно нет.

О, Рáхош. Я думаю о его матери и том ребенке, которые умерли. О страданиях его отца. Как это повлияло на столь маленького ребенка? Неудивительно, что он так отчаянно пытается меня удержать, даже если это будет означать лишний раз позлить его племя. Только так он в силах додуматься реагировать после примера его родителей.

Такая печальная история. Я потеряла свою мать, когда была совсем маленькой, но у меня был отец, и я всегда, всегда, до самой его смерти, чувствовала, что меня любят. Оказаться посреди таких семейных конфликтов, а затем потерять обоих, от этого мое сердце разбивается, когда думаю о моем инопланетянине. Так вот почему он был настолько одержимым собственником, настолько решительным в своем желании меня спрятать. Внезапно мне хочется успокоить его и дать ему понять, что у него есть я. Что я принадлежу ему, а он — мне. Из-за воши или нет, но я испытываю чувства к большому парню, и он делает жизнь здесь, на этой странной планете, увлекательной.

Беседа с Аехако затихает, и инопланетянин возвращается к разжиганию пламени. Скрестив ноги, я сижу возле него, погруженная в глубокие размышления, пока не возвращается Рáхош. У него в руке дичь, и, судя по стреле, торчащей из пернатого зверя, он использовал лук, который я сделала для него. Он, должно быть, наблюдал, как я его использую, и во всем разобрался. Ух ты, здорово. Широкая улыбка, которой я его встречаю, искренняя, и я встаю, чтобы поприветствовать его поцелуями.

Он слегка поражен моим восторженным приветствием, но обхватывает меня рукой и крепко прижимает к себе. А когда он разрезает дичь, то старается, чтобы я получала самые вкусные кусочки и кормит ими меня, а не отдает другим — или самому себе — кусок за кусочком до тех пор, пока я как следует и сытно не наедаюсь.

На самом деле не так уж и плохо быть центром чьей-то вселенной. Меня это вроде как вдохновляет.

И я планирую показать ему свое к нему отношение.

РАХОШ

Отличное настроение Лиз заставляет меня насторожиться. Видеть это, конечно, — одно

удовольствие, но не могу перестать думать, не задумала ли чего моя изобретательная пара. Обычно она приветствует меня колкими словами и раздражительностью, а сейчас, когда здесь Аехако и Хэйден? Она все улыбается и тянется ко мне, когда я подхожу к ней.

Я серьезно огорчен встречей с этими двумя мужчинами. Они — хорошие парни, но правда заключается в том, что я предпочитаю держать Лиз рядом с собой, по крайней мере, ближайшие несколько поворотов лун, чтобы, когда мы вернемся к моим людям, было очевидно, что мы — семья, и мы должны быть вместе.

Сейчас я не уверен, что они подумают. Я нарушил законы нашего племени, а живот Лиз все еще плоский без каких-либо признаков нашего ребенка. Мое единственное утешение в том, что она улыбается мне, и, когда я рядом, ее руки тянутся ко мне. Совершенно очевидно, что мы — пара, и я вижу зависть в глазах как у Аехако, так и у Хэйдена.

Они не резонируют. Для них жизнь продолжается холодной и одинокой, однако, при этом добавляются еще и нестерпимые муки видеть, как многие другие обретают свое счастье. В первый раз за всю мою жизнь я тот, кому завидуют. Это очень необычное ощущение.

Вечер проходит довольно спокойно. Аехако беззаботно болтает, но он всегда жизнерадостный. Его разговоры про охоту и жизнь в пещерах увлекают Лиз, но ее ладошка в моей руке. Хэйден безмолвен, но всякий раз, когда Лиз прикасается ко мне или своей рукой гладит мою, он наблюдает.

Уже поздно, и Лиз зевает и прикладывает щекой к моей руке.

— Мы можем сейчас пойти спать, детка?

Она называет меня любовным словом своего народа. У меня сердце готово разорваться от радости, и кхай в моей груди начинает нежный резонанс.

— Разумеется, — я встаю и поднимаю ее на ноги.

Хэйден встает следом.

— Она должна остаться здесь, возле огня, рядом с нами.

Прежде чем я успеваю зарычать, выразив этим свой протест, Лиз фыркает.

— Эй, мы резонируем, не забыл? — она стучит себе по груди, и я слышу, как ее кхай напевает песню в ответ моему. — Мне казалось, что цель, которую вы хотели достичь, в том, чтобы он сделал меня беременной и у вас было побольше бегающих вокруг синеньких малышей, верно?

Хэйден сжимает челюсти.

— Мы стараемся тебя защитить.

— От его эякулята? — розовые губки Лиз накрывает миленькая улыбочка. — Ну, с этим вы чуток опоздали. А теперь я иду ложиться спать со своей парой, — она берет меня за руку и уводит недалеко от костра к каким-то кустам. Зевнув, она скидывает с плеч свой плащ, а потом жестом указывает на мешок у меня на спине. — Одеjala, пожалуйста.

Я подчиняюсь, не сказав ни слова. Я делаю для нее постель, набитую шкурами, так как знаю, что способность моего человека переносить холод имеет свои границы. Даже сейчас, когда она зевает, ее сотрясает дрожь. Когда кровать настолько безупречна, насколько могу ее сделать, я беру плащ и окутываю его вокруг ее плеч.

— Ты должна оставаться в тепле.

— О, я намерена оставаться в тепле, — говорит она с нежной улыбкой на губах. — Мы будем обниматься.

Я оглядываюсь и устремляю взгляд на костер, находящийся неподалеку. Аехако и

Хэйдены наблюдают за нами. Я не уверен, хорошая ли идея «обниматься». Я уже резонирую своей паре, а мой член под моей набедренной повязкой начинает напрягаться.

— Может мне стоит спать возле костра?

— К черту это, — говорит она сонно. Лиз плюхается в шкуры, растягивается, ну а потом хлопает по местечку рядом с собой. — О, ну же. Я доставлю тебе удовольствие.

Это — слова для секса. Мое тело отзывается даже сейчас, когда я еще раз оглядываюсь на костер. Навряд ли это должно означать то, что она сказала. Из сказанного Вэкталом я понял, что люди стеснительны. Шорши не хотела, чтобы он к ней прикасался в присутствии других. Просто очередная человеческая болтовня.

— Бррр, — жалуется она, клацая зубами. — Ужасно холодно. Мне нужен мой большой инопланетянин, хочу к нему прижаться.

Я не могу отказать такому призыву своей пары. Бросив последний взгляд на этих двух мужчин у костра, я ложусь в постель рядом с Лиз, и она тут же пристраивается ко мне, ее холодные руки скользят под мой жилет и прижимаются к моей коже. Я терплю это стоически; хочу, чтобы ей было комфортно и тепло. Мои руки обнимают ее, прижимают поближе к себе, и я устраиваю ее маленькую головку себе под подбородком. Мой кхай поет песню, заявляя протест, но я доволен. Лиз в моих объятьях, и окружающий мир в этот момент перестает существовать.

— Ммм, — тихонько говорит Лиз, рукой поглаживая мою грудь.

Я ласкаю ее руку под шкурами.

— Лиз?

— Да, детка?

— Что такое эякулят?

Она хихикает, а мой член становится еще более твердым.

— Это же твоё семя.

Как ни странно, я чувствую себя смущенным, что она сказала такое другим мужчинам. Она отпустила шуточку насчет ее защиты от моего семени?

— Твои слова очень дерзкие.

— Знаю, но они их не поймут, так что все в порядке, — говорит она, и в тоне ее голоса я отчетливо могу расслышать улыбку. Ее рука скользит вниз по моему животу, а затем ее ладонь обхватывает мой член. — Однако нет совершенно никаких сомнений, что вот от этого монстра девочек точно не защитить.

Я с шипением втягиваю воздух и отстраняю ее руку.

— Лиз!

Я резко сажусь и выглядываю сквозь остроконечные листья кустов туда, где мерцает свет костра. Наверняка они наблюдают за нами, хотя я сомневаюсь, что они могут видеть больше, чем наши ноги.

Однако, я уверен, что они могут слышать Лиз. Моя пара совсем не тихо себя ведет.

— Ложись, — велит она мне и толкает меня в грудь.

— Они тебя услышат.

— Ну и что? — ее рука снова тянется к моему члену, и она проводит пальцами по длине, а потом ласкают мою шпору. — Пусть услышат, что теряют.

Я сдерживаю судорожный стон, который готов сорваться с моих губ. Кхай в моей груди бешено напевает, а Лиз, по-видимому, полна решимости позабавиться. А я? Я — слабый мужчина, потому что я позволю ей. Я тянусь к Лиз, но она скользит вниз и исчезает под

шкурами.

— Позволь мне доставить тебе удовольствие, — шепчет она, и я чувствую, что она дергает за шнуровку моей набедренной повязки. А потом набедренная повязка отпадает, и я ощущаю ее горячую маленькую руку вокруг своего члена.

Я прикусываю себе руку, чтобы не застонать вслух. Не хочу, чтобы другие поняли, какое удовольствие я получаю от своей пары, опасаясь, что она остановится. Потому что я жуткий эгоист, к тому же жадный, но мне хочется большего.

Она крепче сжимает ладонь вокруг основания моего члена, и я чувствую ее хихиканье, а потом она проводит головкой по своим губам.

— Боже, ты уже такой твердый. Это так сексуально, Рахош, — губы Лиз накрывают головку моего члена, и я ощущаю, как ее язык вихрем кружит вокруг нее.

Я едва ли не извергаюсь своим семенем прямо на месте. Вместо этого я прикусываю свою руку еще сильнее, преисполненный решимости сохранить молчание, желая продлить это подольше. Мое тело изгибается дугой, и мне хочется погрузиться еще глубже в ее рот, в эту теплую влажность, которая напоминает мне ее влагалище.

Ее язык с жадностью кружит вокруг моего члена.

— Столько много предсмени для меня, — шепчет она.

Ее ладонь сжимается и ритмично двигается у основания, ну а потом ее рот ощущается повсюду: лижет вдоль моего ствола, покусывает головку, затем дразнит и лижет мою шпору, которую я даже никогда не считал чувствительной, пока она не стала играть с ней. Я уже на вершине наслаждения, а когда Лиз издает всякие тихие восторженные звуки, и ее кхай вибрирует, это доставляет мне еще большее удовольствие.

Затем ее рот в плотных тисках сжимает головку моего члена, и она опять начинает сосать. Лиз берет меня еще глубже, проводя вниз по моей длине языком, пока я не ощущаю, что мой член упирается головкой в заднюю стенку ее горла.

И ее кхай начинает вибрировать еще сильнее. Кажется, будто она призывает именно к этому, потому что он настолько громкий, что я чувствую, как трепещет ее кожа, и я ощущаю его вибрации на ее языке даже сейчас, когда она зажимает меня в своем горле.

Это... не похоже ни на что, что я когда-либо раньше испытывал.

Даже кусая себе руку, я не в силах подавить стон, и тогда я кончаю, и мое семя струей выстреливает прямо в ее горячий, влажный рот. Она издает какие-то тихие звуки удовольствия, и я чувствую, как она глотает, хотя и выпускает мой член.

Лиз просто пьет из меня семя, как я пью из ее сладкого влагалища. Я снова стону, а мои руки дергают за ее штаны. Мне хочется отплатить ей взаимностью.

Но она останавливает меня, слегка похлопывая по груди и облизывая губы.

— Все в порядке, детка. Я делала это, не потому что хочу, чтобы ты лизал меня, — она нежно проводит рукой вниз по моей груди. — Я просто хотела, чтобы ты почувствовал себя хорошо. Чтобы ты знал, что я с тобой, — она начинает так мило хихикать, услаждая мой слух своей мелодичностью. — И чтобы они тоже знали, что я с тобой.

А Лиз хитрая. Она доставила мне удовольствие своим ртом, чтобы остальные знали, что она со мной по собственной воле? Моя пара коварна... и замечательна. Я прижимаю ее к себе, чувствуя, что мой кхай резонирует в унисон с ее.

— Ты — все для меня, Лиз, — тихо говорю я. — Мой мир. Моя душа.

— Это признание в любви? — сонно спрашивает она, и ее голос приглушен моей грудью.

Я киваю головой. Мои люди, как правило, вслух не признаются в своей любви, но я люблю Лиз. Она принадлежит мне, а я — ей.

— Я люблю тебя, Лиз.

Она издает какой-то тихий звук, выражая свою признательность, — и это все, что я получаю в ответ. Хотел бы я знать — любит ли она меня? А разве это имеет значение, раз уж она моя пара? Но почему-то кажется, что... важно. Может, я делаю недостаточно, чтобы нравиться ей.

Моя рука опускается к поясу ее штанов, и я проникаю внутрь пальцами, стремясь к ее влагалищу. Лиз издает сонный звук в знак отказа, а затем ее руки обнимают меня за шею и сжимаются, когда я нахожу ее третий сосок — клитор, как она его называет. И тогда воздух с шипением вырывается у нее из горла.

— Похоже, я все же в настроении для кое-какой ответной взаимности, — говорит она, а потом нежно кусает у основания моей шеи.

Ее влагалище намокло медом, и я скольжу пальцами сквозь ее обильно влажные складочки, как раз тогда я запутываю свою вторую руку в ее волосах и поворачиваю ее лицо, чтобы поцеловать ее в губы и спариваться с ней языками. Она снова всхлипывает, и звуки становятся все громче и громче, а я приглушаю их своими губами. Несомненно, остальные догадываются, чем мы тут занимаемся, но крики удовольствия Лиз — принадлежат только мне, мне одному.

Я погружаю палец глубоко внутри нее и начинаю делать им выпады, имитируя движения моего члена. Она приподнимает бедра и бормочет мне в шею.

— Мой клитор, — повторяет она снова и снова, и я понимаю, что она хочет, чтобы я касался его, в то время как двигаю в ней пальцем. Я наклоняю большой палец под таким углом, чтобы тереться им о ее бутон в то время, как толкаю его внутрь нее, а она издает крик во весь голос. На сей раз его не приглушить. Со стороны костра я слышу тихий комментарий, а затем звук чьих-то удаляющихся шагов — подальше от лагеря.

«Отлично», — мелькает у меня в голове неистовая мысль, пока я доставляю удовольствие своей паре. Когда она кончает, достигнув кульминации, то слегка вздрагивает и тихо вскрикивает, ее тело против моего напрягается, и у нее между ног разливается мед. Я окунаю пальцы во всю эту сладость, прежде чем вытаскиваю их из ее штанов, после чего облизываю свою руку, смакуя ее вкус.

— Бесстыдный варвар, — она, хихикая, шепчет, а потом удовлетворенно вздыхает. И в мгновение ока она уже засыпает рядом со мной. Полная доверия. Счастливая.

Я держу ее в объятиях, наслаждаясь этими моментами на случай, если они недолго продлятся.

ЛИЗ

«Домашняя» пещера племени снаружи выглядит не такой уж и впечатляющей. На самом деле, единственное, чем она отличается от любой другой скалы, которую мы миновали, думаю, состоит в том, что из входа в пещеру вылетает Джорджи собственной персоной, раскинув руки и счастливо визжа при виде меня.

Я не ожидала увидеть от нее столь эмоционально радушный прием, но я протягиваю руки и даю ей накинуться на меня с бурными приветствиями. Мгновение спустя рядом уже

Джоси, которая обхватывает меня руками, пока я не оказываюсь в центре моих подружек по плену. Странно видеть всех их с сияющими синими глазами, хоть и знаю, что у меня тоже, должно быть, такие же. Свечение в наших глазах гласит, что мы имеем вошь, к тому же все выглядят здоровыми и счастливыми. Как ни странно, я чувствую, как слезы обжигают мне глаза. Такое ощущение, будто я вернулась домой, особенно когда появляется Кайра и обнимает меня в долгом, безмолвном объятии. Мы с ней знаем друг друга дольше всех, и встретить ее — все равно, что встретить сестру. От счастья видеть их всех на какое-то мгновение я заливаюсь слезами и рыдаю, хлюпая носом. Я касаюсь уха Кайры, где все еще прикреплен переводчик.

— Все цепляешься за свои аксессуары, — от счастья видеть ее, меня так и подмывает ее поддразнить.

— Не так-то просто его удалить, — говорит она с мягкой улыбкой на серьезном лице, а затем отступает, чтобы дать Тиффани меня обнять.

Вижу, что, когда Кайра отходит, Аехако подходит к ней, широко раскрывая свои руки для объятия.

— Что, не поприветствуешь меня, Печальные глаза?

Кайра заливается румянцем и отмахивается от него.

— Как ты? — спрашивает Джорджи, потянув меня за руку и таща внутрь пещеры. — Ты цела? У вас обоих все в порядке? Рахош не обидел тебя?

Когда меня уносят волной счастливых человеческих женщин, я оглядываюсь назад на Рахоша. Он стоит сзади Аехако и Хэйдена, и взгляд прищуренных глаз вернулся на его лицо, но на мгновение, кажется, он выглядит... потерянным. Несчастливым.

— Рахош всегда был со мной выше всяких похвал, — говорю я во всеуслышание. Я издали посылаю ему воздушный поцелуй, а потом позволяю Джорджи с Тиффани затащить меня в пещеры.

«Домашние» пещеры — это совершенно не то, что я ожидала увидеть. Наверное, я вообразила, что это будет нечто крайне примитивное, очень похожее на пещеру, которую я делила с Рахошем, но сама пещера выглядит как выдолбленный пончик с дыркой внутри. Если она не создана человеком, то я съем свою кожаную рубашку. Двери в каждую отдельную пещеру идеально закруглены, и кожаный занавес натянут над входом. В пещере тепло и практически влажно, а в центре ярко-голубой бассейн воды, который слегка пахнет серой. Маленький мальчик-инопланетянин с крошечными рожками и ярко-синей кожей на ступеньках цепляется за женщину-инопланетянку. Она высокая и мускулистая, и так же покрыта бугристыми защитными наростами, как Рахош и другие мужчины ее племени, и это на ее женском лице выглядит почти ошеломляюще.

Это немного странно, потому что повсюду люди, и я быстро оказываюсь перегружена ощущением невероятной давки вокруг меня. Здесь много людей играют возле воды, а кто-то вдалеке плетет корзины. Я слышу болтовню голосов многих людей, и, куда бы я ни глянула, везде люди. Я вижу веснушчатую девушку из капсул, склоняющуюся над кастрюлькой, когда кто-то пытается поучать ее, как готовить еду. Сверху в стороне, одну из слезливых девушек — Ариану — обнимает у себя на коленях другой инопланетянин. Мне она совсем не кажется такой уж и плаксивой.

— Боже мой, это так... — я делаю паузу, не в силах на этот раз мгновенно вспомнить остроумную реплику.

— Это невероятно, правда? — Джорджи обнимает меня за талию. — Они даже

устроили для нас здесь комнату. Охотники уходят и проводят большую часть времени, охотясь, потому что увеличилось количество «ртгов», которые необходимо прокормить. А Кэшрем занимается дублированием всех шкур, которые попадают ему в руки, потому что нужно обеспечить нас кожей, к тому же они выделили нам пещеры, и все это так потрясающе, — Джорджи говорит с чрезмерным энтузиазмом, когда ведет меня внутрь.

Это очень мило с их стороны, но все что я вижу — людей повсюду. Множество людей. Это — милое местечко для жизненного пространства, но в то же время и слишком шумное от смеха. И все-таки я скучаю по тихой пещере, которую делила с Ра́хошем. Она примитивная, но уютная. Во всяком случае, там совсем не то, что здесь, где в точности, как в торговом центре. Суть в том, что моя жизнь целиком и полностью изменилась в тот день, когда маленькие зеленые человечки похитили меня из моей квартиры и уволокли меня в космос.

Джорджи направляет меня через пещеры и улыбается людям, когда они, придумав предлог, выходят посмотреть. Думаю, что то, что Ра́хош похитил меня, весьма миленько-скандальное событие, хотя меня и раздражают все эти перешептывания и взгляды. Он поступил так, как должен был поступить, и я нисколько не сожалею об этом. Однако, я уверена, еще долгое время мы будем лакомым кусочком для сплетников. Эта настолько маленькая община, что я уверена, каждый будет норовить вмешаться в наши дела.

Я выискиваю взглядом Ра́хоша, но его здесь нет. Впереди Вэктал разговаривает с парой пожилых инопланетян с длинными, седыми волосами и нахмуренными лицами. Вэктал оглядывается на нас с Джорджи и кивает головой.

— Пойдем, — говорит Джорджи, направляя меня в соседнюю пещеру. — Давай-ка проверим тебя у целителя.

— Со мной все в порядке, — я возражаю, однако Джорджи упряма. Она не принимает «нет» за ответ, поэтому я сдаюсь и позволяю ей провести меня внутрь одной из прикрытых занавесом пещер.

Внутри находится женщина, одна из высоких, крепко выглядящих инопланетянок. У нее вьющиеся рога и длинные, ниспадающие темные волосы. Ее живот округлый, она однозначно беременна, и у нее ярко светятся глаза. Она нежным голосом говорит что-то на инопланетном языке.

Я мотаю головой.

— Я не говорю на языке На'ви^[14].

Джорджи хихикает и хлопает меня по руке.

— Будь паинькой, Лиз. Это — Мэйлак. Она — целительница племени.

— Привет, — говорю я.

Мэйлак протягивает руки и улыбается мне.

— Лииз?

— Достаточно близко, — я кладу свои руки в ее. — Но скажи ей, Джорджи, что я чувствую себя прекрасно. Ра́хош очень хорошо заботился обо мне. Он замечательный.

Джорджи сводит брови, будто она не очень-то мне верит.

— Он похитил тебя, Лиз. Ты не должна его защищать.

— Подруга, маленькие зеленые человечки тоже похитили меня, но ты еще не видела, чтобы я воспевала им похвальные дифирамбы, — я еще раз пожимаю руки Мэйлак. — Уверяю тебя, Ра́хош отличный. Мы спарились и все такое. Поэтому, давай скажи целителю, что я в порядке, — я люблю Джорджи за то, что она спасла нас, но меня начинает

раздражать, что никто, кажется, мне не верит, когда я говорю, что у нас с Рáхошем все в порядке. Когда она снова колеблется, я спрашиваю: — Я выгляжу так, будто меня запугивали подчиняться?

Она хихикает.

— Думаю, ты бы любого, кто попытался, заговорила бы до смерти.

— Именно!

Джорджи оглядывается и смотрит на Мэйлак, и разговаривает на чистейшем инопланетном языке. Когда они разговаривают, я наблюдаю за их лицами, но мне не нравится, что я ни слова не понимаю. А Джорджи понимает, потому что получила «загрузку» языка на космическом корабле, разбившегося где-то недалеко отсюда и на котором приехали люди Рáхоша. Рáхош способен говорить на английском по той же причине, но я не получала «загрузку», поэтому чувствую себя «не в теме». А я не люблю чувствовать себя «не в теме».

Мэйлак что-то говорит, а Джорджи потом это объясняет.

— Она будет говорить с твоим кхай и выяснит, в каком ты состоянии.

— Супер. Передай ему пламенный «привет» и что он маленький сукин сын.

Джорджи усмехается и жестом указывает Мэйлак, чтобы она начала.

Инопланетянка закрывает глаза и начинает напевать, и какое-то ужасное, банальное мгновение мне уже начинает казаться, что она вот-вот кинется скандировать «омммм». Затем ее глаза начинают светиться еще ярче, став настолько яркими, что я могу видеть свечение под ее закрытыми веками, а моя вошь начинает откликаться. Моя вошь не напевает или мурлычет, как это бывает, когда Рáхош приближается, но такое ощущение, будто она... с ней разговаривает. Я чувствую, как она внутри меня крутится волчком, а потом чуть ли не танцует.

Это пугает меня до чертиков.

Она продолжает держать меня за руки, и я чувствую, что моя вошь, реагируя на это, двигается и вибрирует. Это совсем иного рода вибрации, более высокого уровня и более быстрые, чем во время эротических моментов с Рáхошем. Я пытаюсь вырвать у нее свои руки.

— Не волнуйся, Лиз. Она просто пытается разобраться, что у тебя внутри. Даю слово, что все хорошо, — Джорджи кладет свою ладонь мне на руку.

Мэйлак открывает глаза, и моя вошь перестает вибрировать. Она замедляется до слабого гудения, а затем прекращает полностью, после чего целитель делает медленный выдох. Затем ее губы растягиваются в улыбку, и она отпускает мои руки.

Как ни странно, я чувствую себя гораздо лучше. До этого момента плохо я себя не чувствовала, но я чувствую себя... обновленной. Как будто меня только что целый час хорошенько промассировали изнутри.

Мэйлак начинает говорить, а Джорджи переводит.

— Она говорит, что у тебя небольшое истощение. Для людей это нормально, потому что мы все до сих пор все еще приспособляемся к этому климату и наличию у нас кхай, но тебе нужно быть поаккуратней.

— Я совсем не удивлена. Я заботилась о Рáхоше после того, как он упал и сломал ногу, — мои глаза широко раскрываются, и я хватаю Джорджи за руки. — Господи, скажи ей, что она должна проверить Рáхоша. Некоторое время назад он поранился, и потребовалось время, чтобы он восстановился после этого. Она должна проверить его, чтобы убедиться, что

он в порядке.

Джорджи смотрит на Мэйлак и говорит, а Мэйлак слегка хмурит брови, выглядя несчастной. Она что-то говорит, а Джорджи огрызается ей в ответ.

— Ну, и о чем вы тут, девочки, болтаете? — спрашиваю я, когда они все продолжают не обращать на меня внимания.

— Все не так просто, — говорит Джорджи. — Я тебе потом объясню.

Мэйлак продолжает говорить и жестом указывает на мой живот. На лице Джорджи вспыхивает улыбка, и она на меня смотрит.

— Дай-ка угадаю, — говорю я, прежде чем она успевает перевести. — В моей духовке появилась булочка.

Она широко распахивает глаза.

— Ты знала?

— Эээ, всякий раз, когда Ра́хош приближается, я трясусь, будто у меня внутри засунут вибратор, — говорю я словно шершавым голосом. — Мы не предохранялись и поразвлекались пару раз.

— Пару раз? — она посмеивается.

— Ну, ладно, пару раз в день. А если серьезно, все дело в воши, верно? Поэтому, я ничуть не удивлена. Пока еще не знаю, как сама к этому отношусь, но я не в шоке.

Она сочувственно смотрит на меня.

— Ты не уверена в своих чувствах, потому что он от Ра́хоша?

— Да нет же, — вот черт, почему все вокруг думают, что я ненавижу этого парня? — Я пока еще не знаю, как сама к этому отношусь лишь потому, что не уверена, что хочу стать мамой, я слишком молода для этого. Мне только двадцать два года. Тебе только двадцать два года. Нам всем лишь по двадцать два, а теперь у нас будут дети, если воши добьются своих целей.

Рука Джорджи тянется к ее животу.

— Я тоже беременена.

Я сразу же бросаю взгляд на молчаливую, выжидающую целительницу.

— Она уверена? Откуда нам знать, что это не от того, что просто пучит живот или что-то в этом роде? Может, наши толстые кишки готовы взорваться от их инопланетной еды.

— Во-первых, это просто отвратительно? Во-вторых, она знает. Она — целительница, — Джорджи смотрит на Мэйлак и что-то говорит, а Мэйлак жестами указывает на ее груди, произнося больше динамичных слогов. Мне очень нужно попасть на тот инопланетный корабль и получить «загрузку», потому что я уже устала от того, что люди что-то обсуждают в обход меня. Джорджи кивает головой, а затем, глядя на меня, переводит. — Она говорит, что чувствует изменения в твоей матке. Твой кхай знает, что он там.

— Тогда, почему эта чертова шгука продолжает вибрировать каждый раз, когда я рядом с Ра́хошем?

Губы Джорджи изгибаются в легкую ухмылку.

— Ты ведь возбуждена? Полагаю, он обожает сексуальные эндорфины также же сильно, как и все мы.

А девушка ведь дело говорит. Я выдыхаю, глядя на стены пещеры.

— Значит, я беременна.

— Я тоже. Ты не одинока в этом, — она улыбается. — Вэктал так взволнован.

Я представляю себе волнение на лице Рахоша, когда скажу ему, что в моем животе маленький синенький инопланетяничок. Я касаюсь своего живота. Он будет... счастлив, а еще — в ужасе. Я не забыла историю его родителей. С нами этого не случиться. Я обещаю синенькому малышу, что такое не повторится. Я бросаю взгляд на Джорджи.

— Рахош тоже очень взволнован из-за всего этого резонирования. Он на самом деле хочет иметь настоящую семью.

Ее улыбка чуть-чуть стирается.

— Он тебя не обижал?

Я мотаю головой.

— Пару раз он становился слишком резок, но я держала события под контролем. Когда мы наконец-то сошлись, это было моим решением, а не его.

Ну, это вообще-то было требованием воши, но я не указываю на это. Чувствую, что Джорджи может и не поверить. Она совсем с ума сходит по своему Вэкталу так же, как я по Рахошу, и я буду защищать его, даже если это поставит нас по разные стороны.

Потому что по некоторым причинам, я чувствую могучую-премогучую защитную силу. Просто такое ощущение, что что-то во всем этом здесь не так, и просто не возьму в толк, что именно.

Все же, то, что Джорджи говорит дальше, валит меня с ног.

— Кстати, устройся поудобнее, ожидание может оказаться долгим. Оказывается, их леди вынашивают малышей три года или около того.

У меня аж воздух вышибает из легких.

— Какого хрена?

Я просто в ужасе. Девять месяцев раздутого живота и опухших лодыжек уже кажется скверным. Три года беременности выглядят прямо как садистские пытки.

Ее лицо искажает гримаса.

— Понимаю. Судя по всему, они вынашивают беременность куда дольше. Мэйлак утверждает, что это тридцать пять лун или около того, но трудно сказать, насколько длинные их лунные фазы по сравнению с их вычислениями, потому что никто уж точно не имеет ни часов, ни календаря, и они совершенно не совпадают с Землей.

Я начинаю стонать от ужаса.

— Значит, мы будем беременными где-то между девятью месяцами и тремя годами? Сейчас же пристрелите меня.

— Если тебе от этого станет легче, ты восприняла новости намного лучше, нежели Ариана.

— Дай догадаюсь — она зарыдала.

— Бинго.

Мэйлак переводит между нами любопытные взгляды, и поэтому Джорджи переводит ей. Пока она переводит, еще один вопрос приходит мне на ум.

— Итак, кто уже забеременел?

— Давай посмотрим — Ариана, конечно. Я. Ты. Марлен. Нора. Стейси. Это пока что все.

— Для Кайры нет резонанса, да? — я вспоминаю, как Аехако флиртовал с ней снаружи пещеры. — Или Джоси? Тифф?

— Неа. Мэйлак говорит, что иногда резонанс происходит позже, но столь многие из нас стали резонировать с первого взгляда, что даже и не знаю, — она понижает голос. —

Некоторые разочарованы.

Как ни странно, я это понимаю. Как будто их воши решили, что они недостаточно хороши для инопланетных малышей. А поскольку племя, кажется, так отчаянно нуждается в детях, это, должно быть, причиняет боль.

— Это случится. Ну, или, знаешь, этого не будет. Может, их воши не хотят быть мамочками.

Джорджи смеется.

— Может, они пока еще не готовы.

— Есть какие-либо следы маленьких зеленых человечков? — я потираю местечко у себя на руке, где несколько недель назад был внедрен датчик слежения, а затем, вскоре после этого, вырезан.

Она мотает головой.

— Вокруг все было спокойно...

И кое-что осталось недосказанным. «За исключением тебя».

По правде говоря, она пытается защитить меня от моего похитителя. Это невозможно ненавидеть.

— У меня все хорошо, Джорджи. Я серьезно.

Она прикусывает губу и затем вздыхает.

— Вэктал не на шутку разозлен на Рахоша, — взгляд, которым она меня окидывает, полон тревоги. — Он рассказал тебе историю своих родителей?

— Я узнала от Аехако. Ну, это не совсем то же самое.

— Может, не в глазах Рахоша, а для Вэктала это так. В их племени очень строгие законы насчет подобных дел, Лиз, — она качает головой. — Просто будь готова к дерьмошпорму. Это все, что могу тебе сказать.

— Пусть тогда начнется этот шторм, — говорю я ей. — Я готова.

Мэйлак наконец-то находит, что у меня все хорошо и просто отлично, и мы с Джорджи уходим из ее пещеры. Я не упускаю из виду, что, когда мы уходим, они между собой обмениваются несколькими возбужденными комментариями на инопланетном языке, а также тревожный взгляд на лице Мэйлак. Я ведь не слепая. У меня зловещее ощущение относительно нашего возвращения, и я понимаю, что это ничего хорошего не предвещает.

В центре пещеры на паре вырубленных ступенях сидит Вэктал. Он небрежно восседает, но в его манере вести себя нет ничего случайного. Он выглядит напряженным. Рассерженным. Аехако и Хэйдэн разговаривают с ним, а Рахоша нигде не видно. Другие мужчины слоняются рядом, а когда мы с Джорджи возвращаемся, все внимание обращается на нас.

Вэктал встает на ноги. Он смотрит мимо меня, и я, повернувшись, вижу, что Мэйлак вышла из своей пещеры и стоит в нескольких шагах позади меня. Он говорит что-то на инопланетном, и я разбираю свое имя. Не трудно расслышать «Лииз» среди скороговорки на их языке.

Это уже начинает раздражать. Все только и делают, что говорят в обход меня. Я щелкаю пальцами перед лицом Вэктала.

— Эй, я стою прямо здесь. Не говорите так, будто меня здесь нет.

Я слышу, как Аехако приглушенно смеется, а Вэктал поворачивает свой ошеломленный взгляд на меня.

— Что ты делаешь?

— А что, похоже, что я щелкаю пальцами под ритм танца? Я привлекаю твое внимание, — я уже начинаю уставать от того, что все говорят, игнорируя меня. Я хочу высказаться о своем будущем, черт возьми. Мной слишком долго помыкали, и я не собираюсь позволять командовать собой еще одному крупному синему рогатому инопланетянину только потому, что он говорит, что он — вождь. — Я стою прямо здесь. И ты можешь поговорить со мной о моей любимой теме — обо мне.

Он сводит брови и окидывает меня суровым хмурым взглядом.

— Я устанавливаю положение дел у целителя.

— То, что я беременна? Мог бы спросить и у меня. Да, мои яичники встретили свою пару, и это — инопланетная сперма, — я скрещиваю руки у себя на груди. — Где Рахош? Я хочу свою пару.

— Лиз, — бормочет Джорджи, пытаюсь успокоить меня.

— Если ты не хочешь увидеть представление разбушевавшихся гормонов беременности в полную силу, я хочу Рахоша и хочу его сейчас же, — говорю я смертоносным голосом и указываю на землю. — Понимаю, что тебе кажется, что я возмутительна, но возмутительность ты еще даже не видел. Я буду самой большой болью в заднице на этой заснеженной планете, если не отдашь мне моего мужчину, немедленно.

Я не понимаю. Зачем они нас разделили? То странное чувство «что-то не в порядке», которое я ощущала, лишь усиливается.

— Это их дом, Лиз, — говорит Джорджи.

— А мне казалось, что мы все уже должны были стать одной большой командой, помнишь? Это делает этот дом и моим тоже, и я хочу своего дьявольского мужчину.

Джорджи поднимает глаза на Вэктала. Он вскидывает руки, словно говоря: «разбирайся с ней сама», и уносится прочь. Джорджи в негодовании смотрит на меня, но мне плевать. Я должна увидеть Рахоша и узнать, что с ним все в порядке. К тому же хочу сказать ему, что у нас будет ребенок. Тем не менее, она отводит меня в сторону, и, подавшись вперед, шепчет мне на ухо.

— Рахош нарушил правила и сейчас он попал в беду, Лиз.

— Знаю, — говорю я и затем прижимаю руки себе под подбородком. — Но я хочу его увидеть, хочу сказать ему, что у нас будет ребенок, понимаешь?

— Понятно, — говорит она тихо. — Я могу немного притормозить на некоторое время развитие событий и поговорить с Вэкталом, но когда они примут решение о его наказании, я ничем не смогу помочь, понимаешь?

Я пожимаю плечами. И что они с ним сделают? Он — член племени и скоро станет отцом. Если возложат на него обязанность побольше охотиться, я просто уйду вместе с ним. Если они наложат на него что-то вроде взыскания, не думаю, что это его будет волновать. И насколько я могу судить, удары хлыстом и телесные наказания были бы, наверное, перегибанием палки. Что бы это ни было, это не может быть настолько плохим.

И что бы это ни было, мы разберемся с этим вместе.

Кроме того, я и так чувствую, что к настоящему моменту уже пережила парочку «наихудших сценариев развития событий». Похищение инопланетянами, чтобы быть проданной как корова? Пережить кораблекрушение, совершив аварийную посадку на

ледяной планете? Умирать с голоду, несколько недель вдыхая вонь собственных нечистот?

Я возьму это дерьмо «наихудший сценарий развития событий» под свой контроль. Все, произошедшее после этого, — непринужденная прогулка.

Джорджи говорит несколько слов, и два воина выходят из пещеры. Мы ждем в полной тишине, а несколько минут спустя входит Ра́хош, сопровождаемый воинами. Он выглядит чертовски взбешенным, его руки крепко сжаты в кулаки, а тело аж дрожит от силы его гнева. Оружие у него пропало, а на челюсти небольшой синяк.

Наверное, все это меня уже достало, потому что, увидев его, я заливаюсь девчачьими слезами.

Выражение его лица сразу меняется на свойственные собственнику, и он проталкивается сквозь толпу в пещере, чтобы добраться до меня. Я слышу отголоски перешептывания, но мне плевать. Моя вошь начинает вибрировать, напевая песню его воши. Он подхватывает меня на руки и прижимает к своей груди, его большие руки обнимают меня в крепких объятиях. Я слышу, что его вошь вибрирует в унисон с моей, и я издаю тихий полувздых счастья.

Я в его объятиях. Все хорошо.

— Лиз? — он кладет руку мне на щеку. — Что случилось?

Я протираю рукой глаза, словно малое дитя.

— Я просто устала. Я хочу лечь где-нибудь в тишине и поговорить.

Он гладит меня по волосам.

— Конечно.

К нам подходит Кайра, и я с удивлением вижу, что Аехако снова рядом с ней. Пока Ра́хош держит меня в своих крепких объятиях, она поглядывает на меня, и ее печальные глаза полны решимости. Не могу понять, это зависть отражается у нее на лице или же беспокойство. Или и то, и другое?

— Им пришлось здесь переделать много спальных помещений, — говорит она. — Не знаю, есть ли здесь тихое место, где можно побыть.

Аехако кивает головой и скрещивает на груди свои мощные руки.

— Вещи Ра́хоша были перемещены к другим охотникам. Ту пещеру делят впятером. А твою старую пещеру занимают Золай и его пара.

Ра́хош рычит.

— Тогда куда...

— Давай просто выйдем отсюда, — говорю я ему, хватая его за руки. Я уже устала от этой пещеры, битком набитой людьми, ее влажностью и от того, что все на меня смотрят. — Я бы предпочла уйти с тобой.

— Ты не можешь, — говорит Аехако. — Прости. Вэктал требует, чтобы сейчас с тебя глаз не спускали.

Меня, потому что они знают, Ра́хош без меня никуда не уйдет. Я в разочаровании выдыхаю.

— Тогда, куда мы можем пойти?

— Вы можете пойти в девичью пещеру, — предлагает Кайра. — Именно в ней живут человеческие девушки, которые не резонируют.

Я киваю головой и хватаюсь за Ра́хоша еще крепче.

— Девчонки не будут возражать, если заявится мой большой синий друг?

— Нисколько, — заявляет она, и на ее серьезном лице появляется улыбка.

Аехако добавляет:

— Как будто они сами не развлекаются с другими большими синими друзьями...

И снова я вижу, как у нее на щеках появляется румянец, когда она шлепает его по руке, и они оба едва скрывают свои улыбки. Полагаю, за этим кроется какая-то история, и, должно быть, очень пикантная, но я слишком устала, к тому же истощена морально, чтобы сейчас об этом расспрашивать. Я просто хочу немного полежать, обнявшись с Рахошем.

— Можете занять мою постель, — говорит Кайра. — Там относительно уединенно, как и здесь повсюду, — она кивает головой и показывает нам жестом следовать за ней. И мы следуем, и Кайра приводит нас к одной из дальних пещер. Два знакомых человека поднимают глаза, но Кайра отсылает их, когда мы приближаемся. — Лиз должна отдохнуть. Позже поболтаете.

«Девичья» пещера довольно просторная, потолок гладкий и высокий. Ну, если подумать, комната где-то около двадцати футов в длину и, возможно, вдвое меньше. Вдоль пола расположены несколько постелей, в центре — очаг костра, в которое Тиффани подбрасывает топливо, и занавешенная зона у дальней стены. Кайра приводит нас туда и осторожно отводит в сторону кожаный занавес, раскрывая нишу в стене, где устроена ее покрытая шкурами постель.

— Я собиралась делить свою койку с Норой, но тогда она стала резонировать... — Кайра пожала плечами. — Этой ночью я перекантуюсь с другими девушками. А вы отдыхайте. Если проголодаетесь, дайте мне знать, и я вам, ребята, что-нибудь принесу.

— Спасибо, Кайра, — я вползаю в завешенное пристанище из шкур и одеял и счастливо вздыхаю, когда ложусь в постель. У меня ноги болят от всей этой ходьбы, но, когда Рахош снова закрывает занавес, это уже личная проблема. Я уже практически представляю, что мы снова исключительно одни.

Практически. Неподалеку все еще слышан гул голосов, и все разговаривают на непонятном языке.

Мой большой аппетитно вкусный инопланетянин ложится рядом со мной и нежно тянет меня в свои объятия. Он пальцами проводит по моей щеке, окидывая мое лицо обеспокоенным взглядом.

— Ты в порядке, Лиз?

Я киваю.

— Просто... напряжена. Непохоже, что они рады снова тебя увидеть.

— В их глазах я поступил дурно, — он качает головой, а затем легонько целует меня в губы. — Но я бы не стал ничего менять, ни за что на свете.

Я отчаянно его целую, намотав его волосы на свои пальцы. Я люблю ощущать его жаркое, твердое тело против моего, а также я начинаю любить то, как моя вошь вибрирует всякий раз, когда он рядом.

— Просто я беспокоюсь о тебе, — говорю я ему, когда прерываю поцелуй.

Проблеск удивления появляется у него на лице.

— Обо мне?

— Ну да, не знаю, заметил ли ты, но твои люди, вроде как, могут придраться, — говорю я тихо. — Но не переживай. Я прикрою твою спину.

— Мою спину? — он сводит брови.

— Это означает, что я с тобой. Что бы ни случилось, ты можешь рассчитывать на мою полную поддержку.

Его губы приоткрываются, и на какое-то мгновение он выглядит совершенно онемевшим. Затем он снова с силой прижимает меня к себе.

— Ты для меня — все, Лиз. Ты — весь мой мир.

— Я тоже люблю тебя, великан, — говорю я ему. И тогда я оживляюсь, потому что у меня есть кое-какие новости, на каком бы раннем этапе это ни было. — Эй, угадай, кто станет папочкой?

Глаза Ра́хоша зажигаются от счастья, и его рука благоговейно касается моего живота.

— Правда?

— Подтверждено целителем, — я киваю. — Юниор рождается где-то между девятью месяцами с этого момента и, эээ, тридцатью шестью месяцами или типа того.

Я стараюсь об этом не думать.

— Юниор?

— Думаю, что мы могли соединить наши имена. Ра́хиз? Лизош?

— Они... звучат ужасно, — его пальцы скользят по моему плоскому животу.

— Тут ты прав, — я улыбаюсь. — Дай-ка я еще подумаю. Может, что-то покороче. Что-то вроде Ра́з или Лош.

— Наш ребенок, — шепчет он и кладет свою голову мне на живот. — Наш комплект. Мы станем настоящей семьей.

Я, лаская его, провожу пальцами сквозь его волосы.

— Мне нравится мысль об этом. Семья.

Семья Ра́хоша.

Никто нас не беспокоит весь остаток вечера, и в итоге я погружаюсь в сон. Я слишком устала и выбита из колеи, чтобы сделать большее, чем крепко обнимать Ра́хоша и прижиматься к нему, и поэтому всю ночь мы лежим в обнимку. Однако утром пузырь нашего маленького, безмятежного мирка превращается в пену.

— Лиз? — Джорджи говорит сквозь занавес. — Нам нужно, чтобы вы с Ра́хошем вышли, пожалуйста.

Я зеваю и поддвигаюсь, чтобы отодвинуть занавес. Но прежде чем я успеваю это сделать, Ра́хош тянет меня обратно к себе. Он охватывает мое лицо ладонями и серьезным взглядом смотрит на меня.

— Знай, что ты — моя жизнь, Лиз, — говорит он тихим голосом. Его кхай резонирует с моим, и он нежно целует меня в губы.

— Знаю, — говорю я ему. После этого я отодвигаю занавес.

Там стоит Вэктал, и я вижу на его лице хмурую тень. Несколько других мужчин племени стоят позади него, и они выглядят несчастными. Джорджи стоит рядом с Вэкталом и заламывает себе руки, ее взгляд полон тревоги.

— Ра́хош, — говорит Вэктал возвышенным голосом. — По просьбе моей пары я предоставил тебе ночь, чтобы попрощаться со своей женщиной. Однако...

— Прощаться? — бормочу я. — Что?

— Однако, — Вэктал продолжает мощным голосом. — Закон племени был нарушен. Ты не имел права забирать эту женщину, Лииз. Ты сделал это, хотя знал, чего это может тебе стоить, — он приподнимает подбородок, и на мгновение его лицо кажется уставшим, а в

глазах мелькает грусть. — Мы со старейшинами посоветовались и определили, что твое наказание — изгнание.

— Изгнание? — повторяю я словно попугай, отказываясь верить в то, что я слышу. — За то, что немного позаимствовал меня?

— За то, что набросился на тебя и подверг опасности твою жизнь, — говорит Вэктал. — Из-за этого он изгоняется из племени.

Выражение лица Ра́хоша непроницаемо, его глаза сужены, словно сине-ледяные щели. Он встает на ноги и двигается в мою сторону. Его руки крепко обнимают меня.

— Это несправедливо. Она резонирует мне.

— Я тебя предупреждал, — Вэктал парирует. — И ты сознательно не подчинялся моим приказам. Эти люди для нас неизвестны. Что, если бы она отвергла свой кхай? Что, если бы ей понадобился целитель? Ты рисковал ее жизнью, спрятав ее. Ты принудил ее.

— Кхай решает, — говорит Ра́хош категорически. — Не мы. Лиз — моя.

Я немного обеспокоена тем, что Ра́хош снова попал в ловушку «МОЯ-МОЯ-МОЯ», но он расстроен, и я не виню его за это. Вся эта ситуация быстро выходит из-под контроля.

— Ты изгнан, — Вэктал повторяет. — Собирай вещи и покинь пещеры.

Я смотрю на Ра́хоша и пребываю в полном шоке, затем перевожу свой взгляд обратно на Вэктала.

— Но я беременна! Я жду его ребенка!

— Ты остаешься, — заявляет глава племени и скрещивает на груди руки. — Ты и твой комплект здесь, в пещерах, будете в безопасности.

— Вы не можете разлучить нас! — рычит Ра́хош. Он прижимает меня еще крепче, и на этот раз я цепляюсь за него. Я не хочу с ним расставаться.

— Здесь о ней позаботятся. Ты же знаешь, — голос Вэктала холоднее, чем все, что я когда-либо слышала. — Сожалею, мой брат, но как вождь, это то, что я не могу проигнорировать.

С печальным выражением на лице он отступает, и трое крупных мужчин выходят вперед.

Один из них — Аехако, и взгляд, которым он окидывает Ра́хоша, совершенно несчастен.

— Пойдем, — говорит он. — Не делай все еще сложнее, чем уже есть.

— Нет, — говорит Ра́хош и прижимается губами к моим волосам. — Я не брошу свою пару!

Джорджи тянет меня за руки.

— Ну же, Лиз.

— Но... нет! — я не хочу с ним расставаться! Я хочу, чтобы ничего из этого не происходило!

Внезапно маленький укромный уголок заполняют люди. Руки хватают меня, и я кричу, когда меня выдергивают из рук Ра́хоша. Он ревет как раненое животное и начинает драться, и я вижу летающие руки и ноги — не все принадлежат ему — когда он изо всех сил пытается вернуться ко мне. Они, удерживая его, разделяют нас, и я смотрю на то, как они вытаскивают мою борющуюся пару из пещеры, пока слезы на моих глазах не размывают мое зрение.

— Лиз! — ревет он. — ЛИЗ!

— Ра́хош! — кричу я ему в ответ. Я хочу пойти с ним. Я избавляюсь от заботливых людей, держащих меня за руки, и пытаюсь следовать за ним, однако Джорджи хватает меня

вокруг плеч. Я пытаюсь оттолкнуть ее, но она бросает на меня свирепый взгляд.

— Прекрати, Лиз. Ты делаешь только хуже.

— Вы не можете изгнать его, — протестую я. Я чувствую, что у меня на глазах выступают еще больше глупых слез. — Вы просто не можете так поступить.

— Он нарушил закон, — говорит Джорджи тихим голосом. — У них не хватает женщин, но это — очень серьезно. Опасность для женщины здесь как смертный приговор.

— Но — изгнание? А что насчет его семьи? Я думала, это и есть суть! — я хлопак рукой себе по груди, где моя вошь молчит. — Вы хотели, чтобы инопланетянин стал моей парой, а теперь вы отнимаете его у меня!

— ЛИЗ! — полный боли рев Ра́хоша эхом отзывается в пещерах, но он отдаляется. Они уводят его прочь.

Этого не может быть. Не может.

Зачем мне обретать свою пару, чтобы затем потерять ее?

ЛИЗ

Выглядывая из пещеры, я смотрю на заснеженный пейзаж. Вдалеке, на вершине горного хребта в снегу, лицом к пещерам сидит одинокая фигура. Его плечи опущены из-за поражения, и если пристально всмотреться, то можно разглядеть, что у него всего один единственный рог.

Мой бедный Ра́хош.

Они не позволяют ему хоть на шаг приблизиться к пещерам. Изгнание — это изгнание, говорят мне, и, раз он не может придерживаться правил, его здесь больше не желают видеть. Мне также не разрешают выходить, чтобы повидаться с ним. Когда я смотрю на него, моя вошь напевает печальную, одинокую песню, и я моргаю, чтобы отогнать слезы отчаяния.

— Нет, это неправильно, — говорю я Кайре, которая стоит рядом со мной. Кто-то неизменно находится рядом со мной или слоняется поблизости. Я никогда не бываю одна, и это сводит меня с ума. Прошел всего один день, как мы вернулись, и начался весь этот хаос. Я смотрю на одинокую фигуру Ра́хоша на вершине горы, и ком сжимает мне горло. — Сердце у него было в правильном месте.

— Нет, не так, — голос у нее нежный, но твердый. Кайра всегда спокойно-сильная. В ней нет решительного мужества Джорджи, или моей дерзкой язвительности, или лучезарной улыбочивости Джоси. Кайра серьезная, деловая. — Его сердце было не в правильном месте, и ты сама это знаешь.

— Так, значит, он — член, — говорю я раздраженно. — Чего ты хочешь от меня? Что бы там ни было, он — мой член, и я хочу, чтобы он остался со мной.

— Перестань, — говорит она успокаивающим голосом, легонько уводя меня подальше от входа в пещеру. — Ты этим себя лишь мучаешь, а это тебе не во благо.

— А как насчет того, что во благо ему? — я снова пытаюсь побороть ком в горле. — Почему всем наплевать на то, что с ним теперь будет?

— Они злятся, — Кайра обнимает меня за талию и ведет обратно в «девичью» пещеру. — Им просто нужно немного времени, чтобы остыть.

— Меня не волнует то, что они в гневе до тех пор, пока они не приложат усилия, чтобы передумать, — я ворчу, но даю ей привести себя обратно к остальным.

В «девичей» пещере я чувствую себя почти так же, как в трюме инопланетного космического корабля, когда нас захватили в плен маленькие зеленые человечки. Тут Меган, и Джоси, и Кайра. Тиффани вышла помочь Мэйлак с ее детьми — со слов Кайры эти двое уже стали близкими подругами, невзирая на языковой барьер. Единственное различие в том, что теперь здесь вместо Джорджи, у нас Харлоу — единственная девочка из капсул, которая никому не резонирует.

Ну, ладно, это не единственная разница. У нас теперь есть теплое жилище, и мы все сыты, никто не пытается продать нас как коров, и нам не нужно испражняться в переполненном ведре. Здесь есть теплая вода и мыло, если хотим искупаться. Местные относятся к нам с добром. Нам здесь рады.

Я должна быть счастлива аж до чертиков.

Вместо этого я все еще возмущаюсь из-за неправильного обращения с Ра́хошем. Никак

не пойму, как люди, которые так ярко рвутся с нами спариться, готовы так просто с такой поспешностью нас разлучить. Неужели им плевать, что он любит меня, а я люблю его, и мы сделали этого ребенка вместе? Разве все это не часть их грандиозного плана? Ну и вот они — мы, и я так яростно пытаюсь утаивать свои страдания. Джорджи, может, и счастлива как никогда, и, может, плаксивая Ариана перестала рыдать весь гребаный день напролет, но если они считают, что со слезами здесь покончено, тогда они пока еще ничего не видели.

Кайра направляет меня к очагу костра в центре пещеры и усаживает на высеченное из камня сиденье, усеянное шкурами и подушками.

— Может, мне принести тебе немного горячего чая?

Когда я усаживаюсь, Джоси прикасается к моему колену, а ее маленькое, круглое личико излучает сочувствие.

— Ты в порядке, Лиззи?

В порядке ли я? Полагаю, это вопрос на миллион долларов. Думаю, я уже долгое время не в порядке. Можно сказать, что на самом деле я не в порядке весь последний месяц, с того самого момента, как маленькие зеленые человечки похитили меня, пока я спала, и запахнули меня в грязный трюм с кучей незнакомцев. А может, я не была в порядке еще до этого, потому что чувствовала себя такой одинокой и несчастной из-за отца, погибшего в автокатастрофе и по которому я скучала каждый божий день после его смерти, и работы, которая выматывала мне всю душу.

Так что, да. Я не в порядке. А теперь, когда я обрела того, кого люблю, кто мне небезразличен, и с кем хочу быть счастливой? Того, с кем я представляю себя, проживающей свою жизнь? Он находится в изгнании, а меня удерживают тут одну с его младенцем в утробе? Не думаю, что я в порядке, нет.

Как не сомневаюсь и в том, что преисполненное надеждой выражение лица Джоси улетучится, если скажу обратное, да и продолжать выплескивать свою ярость прямо перед ними, было бы несправедливо по отношению к другим девочкам. Не они принимают решения. Поэтому я лишь похлопываю ее по руке.

— Отлично. Просто отлично.

— Ты ужасная лгунья, — говорит Меган ласковым голосом.

Я посылаю ей слабую улыбку. Боюсь, что она права.

— Может, поможешь мне с этим, — говорит Кайра и кладет мне в руки мягкую шкуру. — Я делаю накидку с капюшоном. У нас есть кхай, но для нас все равно недостаточно тепло снаружи, поэтому мы изготавливаем зимнюю одежду для всех человеческих девочек.

— Я рада, что сейчас холодный сезон, — комментирует Харлоу, и я вижу, что у нее тоже на коленях есть шитье.

Шитье. Лучше пристрелите меня прямо сейчас.

— На самом деле сейчас теплый сезон, — указываю я, поднимая шитье и уставившись на него с чуть ли не ужасом. Переделка моей юбки в штаны была необходимостью. Шить, чтобы развеяться, это просто... фууу.

В пещере воцаряется тишина.

Кайра моргает и присаживается возле меня со своим шитьем, а ее большой ракушкоподобный переводчик болезненно торчит в ее ухе.

— Мне казалось, они говорили, что это горький сезон.

— Ах да, — говорю я, проткнув костяную иглу сквозь кожу. — Именно так. Но затем

наступает жестокий сезон. Они не что иное, как шайка ослов Иа, то есть группа.

— Ты хочешь сказать, что будет еще холоднее? — судя по голосу, Харлоу не очень-то рада. — Поверить не могу, что этот считается для них теплым сезоном.

— Вы что, не заметили летнюю одежду, которую они все носят? Вэктал же в жилете разгуливает, ради всего святого, — они молчат, и я понимаю, что все они переваривают эту информацию.

— Откуда ты узнала? — спрашивает Джози.

— Ра́хош мне рассказал, — мне не остается ничего, кроме как немного подсыпать соль на раны. — Зашибись. Интересно, о чем они еще не рассказали вам, девочки? Мне казалось, что мы должны быть на равных, а может суть в том, чтобы держать нас всех босоногих, беременных и пошивающих одежду.

Тишина углубилась еще больше. И я вижу, что Джози, явно расстроенная, опускает шитье.

— Думаю, мне нужно погулять на свежем воздухе, — говорит Меган, встает и выходит из пещеры.

Проросли первые ростки раздора? Прочно прижились. Я прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку и с превеселой бодростью занимаюсь шитьем. Что ж, если мне предстоит влачить свою гребаную жизнь совершенно несчастной, я прихвачу их всех с собой.

Остальные разбегаются, веселое настроение испарилось без следа, и очень скоро у костра остаемся только мы с Кайрой, сидим и шьем.

— Что ты творишь? — спрашивает она.

Я приподнимаю повыше накидку.

— Шью, как полагается милой маленькой девушке.

— Я серьезно, Лиз. Ты норовишь здесь разжечь гребаный раздор? — ее странные синеватые глаза смотрят на меня.

— А что, если и так?

Она кладет свое шитье на колени, и ее губы сжимаются в жесткую линию.

— Ты точно это задумала? В самом деле и по-настоящему?

— Слушай, все, о чем я сейчас могу думать, — это мой парень, и о том, что шайка придурков не позволяет мне быть с ним! Они захотели, чтобы я выбрала себе пару. И я выбрала. Они захотели, чтобы он обрюхатил меня, и в тот момент, когда это происходит, его изгоняют. Так что уж прости, если теперь во мне нет добрых чувств к На'ви с замороженным сердцем с Ледяной планеты синих Аватар^[15].

Она громко выдыхает.

— А тебе не приходило в голову, что мы полностью зависим от их благожелательного отношения? Они знают, как здесь выживать. Мы об этом даже понятия не имеем. Они умеют здесь охотиться и хорошо знают эту планету. А мы нет. До того, как они забрали нас, мы и понятия не имели, как развести огонь и прокормить себя. Оглядишься вокруг, Лиз. Здесь нет ни одного продуктового магазина или закуской. Здесь нет ни одного супермаркета, где купить теплую одежду, и нет центрального отопления. Поэтому я не хочу, чтобы ты бесила этих людей, понимаешь? Потому что, если в конечном итоге мы опять окажемся в снегах сами по себе, это самое ужасное, что может с нами произойти, чем тут немного пошить!

Она встает и уходит, а ее шелковистые каштановые волосы развиваются позади нее.

В общине переполненных пещер я как-то умудрилась взбесить всех настолько сильно, что первый раз за полтора дня они оставили меня одну. Станный, жалкий, едва слышный

полусмех-полухихиканье вырывается из моего горла, и вскоре он превращается в слезы. Я шмыгаю носом и вытираю слезы, скатывающиеся по моим щекам, ненавидя себя за то, что расплакалась.

Боюсь, я лучше предпочла бы оказаться в дикой природе с Ра́хошем, чем одна, тоскуя по нему.

А прошел всего один день. Как же мне вот так просто продолжать жить, если мое сердце разбито?

Моя вошь молчит. Она со мной согласна. Это не жизнь.

Сидя в пещере «людей» в полном одиночестве, я снова и снова вонзаю иглу в шкуру.

В итоге этой ночью я снова сплю в постели Кайры вместо того, чтобы прижиматься к Ра́хошу, и это Кайра укуталась в одеялах с другой стороны от меня. В итоге я тихо плачу большую часть ночи, чувствуя себя совершенно несчастной. И как только Ра́хош может все это вынести? Он где-то там, в холодных снегах, совсем один. Он может найти пещеру и позаботиться о себе, но мой разум переполнен его бессменной одинокой вахтой на горном хребте, уставившись вниз на пещеру, надеясь увидеть меня.

Этой ночью я сплю ужасно, несмотря на все прелести племенных пещер. Мой разум полон кошмарных видений, и когда я просыпаюсь, меня начинает тошнить. Я едва успеваю выбраться из девичьей пещеры и, спотыкаясь, двигаюсь ко входу в пещеру, выискивая место, где могу проблеветаться. В пещерах есть ряд туалетов, но вход в пещеру гораздо ближе. Я чудом успеваю выбраться наружу в снег за несколько мгновений до того, как меня вырывает по полной в течение несколько минут, после чего приседаю и вытираю рот.

А через мгновение рядом оказывается Кайра и предлагает мне нечто, что выглядит как розовая ресница длиной в фут.

— Съешь это.

— Это что еще за хрень? — я хватаюсь за больной живот.

Она указывает на розовые, перистые деревья.

— По-моему, это лист. Они и чай из этого делают, но Мэйлак говорит, что он полезен при расстройстве кишечника.

— Откуда тебе знать?

Кривая улыбка растягивает ее губы.

— Может потому, что я узнала это от Джорджи? Я удивлена, что ты ее здесь не встретила.

— Фууу. Это же не заразная болезнь? Разве вошь не должна была позаботиться об этом дерьме, — я запихиваю хрупкий лист в рот и прожевываю. Он на вкус горький и совершенно неприятный, но опять же, таким было и все то, что только что вылетело у меня из глотки.

— Ты здесь имеешь дело с малышом. Не думаю, что это заразно, — Кайра придерживает для меня кожаный мешок с водой, и я прополаскиваю рот. — Разве что, ты знаешь чего-то, чего не знаю я.

Я мотаю головой и выплевываю воду, затем ногой слегка забрасываю снегом место, где меня вырвало.

— Мне казалось, еще было слишком рано для утренней тошноты.

— Да, но не забывай, что мы еще и люди, и сложно сказать наверняка, как влияет на нас

скрещивание видов? Мы ведь даже не знаем, когда дети должны родиться.

Я кривлю рожицу и вытаскиваю лист из своих зубов.

— Даже не напоминай, ладно?

— Если тебе от этого станет легче, у Арианы и Марлен не проявлялись какие-либо симптомы утреннего недомогания, — она протягивает руку, чтобы помочь мне подняться.

— Знаешь, это меня совсем не успокаивает. Мало того, что они все проспали в тех капсулах, так у них еще и беременности пустяковые? Ненавижу этих сучек, — она помогает мне подняться на ноги, и я стряхиваю мокрый снег со своей кожаной одежды.

Пораженный ужасом смешок срывается с ее губ.

— Шшшш, тише, Лиз, — она хихикает, затем озирается вокруг для того, чтобы убедиться, не услышал ли нас кто-нибудь. — Ты просто ужасна.

— Все-таки услышали, — когда мы направляемся обратно ко входу в пещеру, я не ожидаю увидеть Аехако, который скрывается поблизости, стоя со скрещенными на груди руками. Увидев, что мы возвращаемся внутрь, он уходит, а я неодобрительно смотрю. — Черт, в последнее время этот парень повсюду.

— Ммм, — Кайра избегает смотреть мне в глаза.

Подозрительная мысль закрадывается мне в голову, и я тут же оглядываюсь на свою спутницу.

— Он тащится за тобой или следит за мной?

Один из уголков ее губ приподнимается, придав ее лицу печальное выражение.

— Немножко того, немножко этого?

Я окидываю ее еще одним любопытным взглядом.

— И просто случилось так, что ты оказалась под рукой?

Ее щеки розовеют, и она отводит взгляд, затем легонько вздыхает.

— Ты же знаешь, что это не так уж и важно, верно?

— Что ты имеешь в виду? — она идет в сторону пещеры Вэктала и Джорджи, а я следую за ней, потому что хочу узнать об этом поподробней.

— Я имею в виду сказанное Мэйлак, что у нас с нашими кхай все в порядке. И с временем все женщины будут резонировать.

— И?

— И... ну, допустим, я влюбляюсь в парня, а потом начинаю резонировать кому-то другому? — выражение у нее на лице в этот момент печальное. — Бессмысленно вступать в романтические отношения с кем-либо, если из этого ничего не получится, если мне придется отказаться от них в момент, когда мое тело решит иначе.

— Ааа, — мне кажется, Кайре никогда не приходило на ум трахнуть парня просто для удовольствия. Наверное, она не из таких девушек. Вообще-то, оглядываясь назад, она — определенно, не из таких девушек, насколько могу судить. Кайра слишком серьезная. Может оно и к лучшему, что Аехако флиртует с ней. Он всегда улыбается. Это не помешало бы в ее жизни.

В любом случае, кто-то заслуживает того, чтобы быть счастливой в этом бедламе.

Джорджи встречает нас, широко зевая, а затем принохивается к своим заплетенным в косу волосам.

— Я воняю. Девочки, не хотите вместе со мной искупаться?

Я оглядываюсь на бассейн, который находится в центре пещеры. Это привычное место для сбора очень многих людей, и в кои-то веки оно пустует. Пара женщин поблизости

соскабливают шкуры и болтают, но сейчас тут все как-то тихо. Искупаться — звучит совсем неплохо.

За исключением одной детали.

— У меня нет купальника.

Джорджи окидывает меня ироничным взглядом.

— У них здесь иные стандарты скромности. Всем плевать, голая ты или нет.

— Эээ, мне не плевать.

— Серьезно? А я слышала, что ты решилась пошалить с Рахошем всего лишь в нескольких футах от Хэйдена и Аехако.

— Ну, кое у кого здесь слишком длинный язык, — подшучиваю я над ней в ответ. Хотя, она не так уж и не права. — Отлично. Дай мне немного мыла. Что ж, пошли купаться голышом, составлю тебе компанию.

Она хватает несколько кусков мыла и один вручает мне. Он пахнет ягодами, и меня тут же пронзают воспоминания. Рахош для своего мыла использует эти же ягоды. Крепко сжимая его в руке, я думаю, околачивается ли он все еще поблизости этим утром. Сегодня я его снаружи не видела.

Мы с Джорджи скидываем с себя полностью все и забираемся в бассейн в центре пещеры. В воде я чувствую запах серы, а сама вода теплая, как в ванне. Я издаю стон от удовольствия. Это похоже на наличие джакузи посреди дома. Ладно, может тогда эта пещера не так уж и плоха.

— Отличная штука, да? — говорит Джорджи, окунув голову в воду, а потом вытащив ее из-под воды. Она оглядывается на Кайру, которая сидит на краю бассейна, задрав свою кожаную юбку и сует ноги в воду. — Может, стоит ей сказать присоединиться к нам.

— Ладно, Кайра, — говорю я, намыливая пеной свой кусок мыла. — В чем дело? Не хочешь залезать в бассейн?

Ее щеки начинают пылать.

— Мне и так хорошо, — она болтает в воде ногами, но не делает ничего, чтобы окунуться в воду самой.

Джорджи смотрит на меня многозначительным взглядом и приподнимает подбородок, указывая на что-то позади меня. Я оглядываюсь и, конечно же, Аехако тут как тут, создает видимость, что в сторонке чем-то занят.

— Этому парню нужно завести какое-то хобби, — говорю я им.

— Вэктал попросил его немного приглядывать за тобой, — шепчет Джорджи.

— Так я и подумала, — я намыливаю руки и затем приступаю к намыливанию остального тела. — Значит, я должна его развлекать? — я притворяюсь, что под водой мою себе груди в совершенно бесстыдной манере.

— Перестань, Лиз, — покраснев, говорит Кайра.

— Ты права. Если хочу привлечь его внимание, мне нужно мыть твои груди, — я подраживаю ее.

Она с шумом втягивает воздух, вскакивает на ноги, а потом стремительно убегает. Я наблюдаю, как она убегает, а затем перевожу взгляд на Аехако, который тоже наблюдает за ней.

— Она сейчас относится ко всему очень болезненно, — говорит Джорджи, передвигаясь, чтобы сесть на один из подводных выступов.

— Как и все мы, — отзываюсь я, имея в виду своего собственного мужчину. Вэктал

прислушивается к Джорджи. В то время, как часть меня так и хочет удерживать ее под водой, пока она не вернет его обратно в пещеру, другая часть меня понимает, что в своих усилиях по задаче «Вернуть-Ра́хоша-В-Лоно-Семьи» я продвинусь лишь тогда, если она не возненавидит меня со всеми своими потрохами. Я сажусь на другой выступ и кладу свое мыло на край бассейна. — Это определенно странная пещера.

— Правда? — говорит Джорджи, согласившись со мной. — Я спрашивала Вэктала об этом, и он сказал, что ее прорубили его предки. Мне, вроде как, интересно, есть ли у них какое-то оборудование на их корабле, которого у нас нет сейчас, — она пожимает плечами. — Как бы то ни было, я благодарна за нее. Особенно за эту купальню.

— Купальня без пожирателей просто класс, — соглашаюсь я. Это вызывает очередную серию воспоминаний о Ра́хоше и нашем первом поцелуе у реки. Проклятье. Я так сильно по нему скучаю. Это все равно, что боль в моей груди, которая не проходит. Моргая, чтобы отогнать слезы, я замечаю, что женщины, неподалеку соскабливающие шкуры, склонились головами вместе, разговаривают и хихикают, посматривая на меня.

— Ты же, вроде, говорила, что им плевать, голые мы или нет? — спрашиваю я Джорджи.

— Вообще-то, это не то, — говорит она, избегая встретиться со мной взглядом.

У меня в животе разворачивается волна беспокойства.

— А что тогда?

Она прикусывает губу.

— Ра́хош появляется каждые пару часов с дичью.

— С дичью? — повторяю я, тупо тараща на нее.

Джорджи кивает головой, выжимая мокрые кудри.

— Дичь, чтобы накормить свою пару. Он говорит, что больше всего тебе нравятся пернатые звери. За последние несколько часов до настоящего времени он принес уже четыре, и им приходится постоянно прогонять его.

Тепло пронизывает мое тело гораздо сильнее, чем даже джакузи-бассейн. Он все еще пытается заботиться обо мне. Ну что за влюбленный душка. Слезы снова начинают жечь мои глаза.

— Я люблю его, Джорджи.

— Знаю, Лиз. Нам просто нужно немного подождать, — она беспомощно пожимает плечами. — Вэктал не может отступить в этом деле, не с таким количеством других мужчин, нацелившихся на девочек. Он за них тоже беспокоиться. Шесть девушек не резонируют, и он обеспокоен, что, если смягчится в отношении Ра́хоша, то подвергнет их опасности. У некоторых из этих мужчин никогда не было спутника жизни. Они полны тоски по семье. Что помешает одному из них похитить девушку и удерживать ее в плену нескольких месяцев — или даже нескольких лет — чтобы попытаться вынудить ее резонировать с ним?

— А такое бы сработало? — я совершенно потрясена.

Она снова пожимает плечами.

— Откуда нам знать? Мы все молоды и здоровы, так что стоит полагать, что, если они еще не резонируют, довольно скоро стали бы.

Ситуация оказалась намного сложнее, чем мне казалось. Я чувствую себя немного виноватой перед Вэкталом, который явно пытается рассмотреть данную ситуацию со всех сторон..., и вот тогда я по-настоящему начинаю злиться, что мне жалко парня, разлучившего нас с моей парой.

— У нас все по-другому, — напоминаю я Джорджи. — Рахош мне резонировал, когда похитил меня. Это не одно и то же.

Она едва кивнула головой.

— И этим я пыталась убедить оставить его здесь. Знаешь, Вэктал сильно переживает по этому поводу. Рахош — один из его ближайших друзей. Вэкталу было очень тяжело изгнать его. Даже сейчас он где-то там, снаружи, пытается говорить с ним для того, чтобы заставить его понять, — она строит рожицу. — Твоя пара... не то, чтобы это понимает.

— Все, что он видит, — это то, что вы оторвали меня от него.

Ну разумеется, им не стоит дожидаться, что он будет в восторге от этого.

Джорджи кивнула головой.

— Мне особенно тяжело оттого, что хочу быть на твоей стороне..., но Вэктал моя пара. К тому же я должна ему доверять, чтобы понять, как он управляет племенем, или же я подорву к нему доверие.

Я вздыхаю.

— Господи, как все запутанно.

— Знаю. Я пытаюсь сгладить ситуацию, как только возможно, ты ведь понимаешь, — она рисует на воде маленькие кружочки.

— Да? — отчего-то я не уверена, что мне нравится, как это звучит.

Джорджи колеблется, а затем делает глубокий выдох.

— Ты только не злись, ладно? Просто знай, что я уже разрядила накалившуюся обстановку.

Я смотрю на нее, при этом все мое тело напрягается.

— Ну, а теперь тебе лучше выложить чертовы карты на стол, или же я по-настоящему разозлюсь.

Ее маленькое личико накрывает напряженное, почти болезненное выражение, а затем она снова выжимает свои кудрявые волосы.

— Так вот... Вэктал хочет, чтобы ситуация разрешилась и успокоилась как можно скорее, чтобы все могли вернуться к нормальной жизни. И к тому же, здесь есть несколько мужчин — вдовцы со взрослыми детьми...

— Нет, — тут же рычу я. Догадываюсь я, к чему она клонит, и — гребаный, категорический «нет», это даже не обсуждается. — Нет, нет и еще один чертов нет!

— Ему кажется, они приняли бы пару с ребенком, — заявляет она быстро. — Но я сказала ему, что с людьми подобное не сработает, и это очень, очень плохо бы кончилось.

— Поверить не могу! — я мгновенно взрываюсь приступом гнева на нее. — Погоди-ка, черт возьми, ты это серьезно? Всего лишь день, как Рахоша изгнали, а он уже пытается выдать меня за кого-то другого!

Джорджи размахивает руками, пытаясь заставить меня понизить голос.

— Он мыслит не как мужчина, у которого есть пара, — объясняет она, — а как вождь своего народа. Я указывала ему, как бы он себя чувствовал, произойди то же самое со мной, но он немедленно закрыл эту тему.

Я обнимаю себя под водой руками и пытаюсь сдержать дрожь. Это просто нелепо.

Я должна найти способ уладить это дело, и как можно скорее.

Племенные пещеры — просто пытка.

В первую очередь, меня окружают счастливые пары, некоторые из которых спарились недавно и до безумия влюблены друг в друга. Очень тяжело наблюдать, как Вэктал ласкает руку Джорджи в то время, как она обшивает тесьмой плетение. Очень тяжело наблюдать, как Ариана все время хихикает со своей парой. Очень тяжело наблюдать даже за тем, как Мэйлак передает своего маленького ребенка своему мужу, ведь я просто схожу с ума от острой зависти.

Ночи, разумеется, самые худшие. В пещерах в основном тихо, но они не очень-то обширные, поэтому, как правило, слышишь, что кто-то — или несколько «кто-то» — занимается сексом. Время от времени одна из девочек в девичьей пещере начинает хихикать, распознав голос Джорджи, раздавшийся в слабом крике, который ей не очень-то хорошо получается приглушить. Ну, в основном, это вызывает у меня зависть и печаль. Некоторые несвязанные девушки в ночные часы выскальзывают из девичьей пещеры. Я их не виню.

Честно говоря, видя, как они тайком шастают вокруг, наводит меня на мысли.

Я выжидаю, пока обстановка не погружается в подавляющую тишину, а это уже поздняя ночь. Тогда я выскальзываю из своего собственного ложа из шкур (поскольку они теперь уже столь «обходительно» предоставили его мне для постоянного пользования), и на цыпочках крадусь к главному залу пещеры.

И, конечно же, этот болван Аехако спит у входа в девичью пещеру. Он, окинув меня сонным взглядом, садится, когда я на цыпочках пытаюсь пройти мимо него.

— Куда собралась?

— В туалет, — отвечаю я ему.

— Здесь есть комната для этого, — отмечает он, вставая на ноги.

— Ну а ты куда идешь? — спрашиваю я, пытаюсь пройти мимо него.

— Я следую за тобой, конечно.

— Черт. А ты можешь не идти?

Он вздыхает и озирается, затем тащит меня в главную пещеру. Я следую за ним, охваченная любопытством, и мы проходим в тихую нишу. И тогда он наклоняется, чтобы прошептать.

— Пытаешься сбежать?

— Побег подразумевает, что меня удерживают в плену, не так ли? — я скрещиваю руки у себя на груди. — Ты мне скажи. Я пытаюсь сбежать?

— Ты очень упрямая, так ведь? — он скрещивает руки на груди, копируя мою позу.

— Приятель, ты даже не представляешь как сильно.

Он выглядит озадаченным.

— Если бы я знал, то не спрашивал бы.

Я делаю взмах рукой.

— Это сарказм. Расспроси Кайру об этом. Слушай, я просто хочу увидеть Рáхоша, ладно? Я скучаю по нему, — у меня слегка ломается голос. — Мне важно знать, что с ним все в порядке.

Вообще-то, я знаю, что он не в порядке, но все равно хочу его видеть.

Я ожидаю, что Аехако попытается воспрепятствовать и потребует, чтобы я вернулась в свою постель, но вместо этого он оглядывается вокруг по пещере. Он снова наклоняется ко мне.

— Если я отпущу тебя поговорить с ним, я должен попросить тебя кое-что сделать.

— Что? — я стараюсь не показывать свое рвение.

На этот раз он не смеется и не улыбается. Его лицо искажено от напряжения.

— Ты должна сказать ему, что он должен уйти отсюда. Ему нельзя здесь оставаться, — когда у меня в изумлении открывается рот, он продолжает. — Это доведет его до гибели. Он бесконечно охотится и вообще не спит. Он считает, что его единственная цель состоит в том, чтобы обеспечивать тебя, и сейчас он уничтожает себя, только чтобы это сделать. Сейчас у него напрочь отсутствует чувство собственной значимости. Ты должна убедить его уйти и начать жизнь заново.

Как больно сердцу. Как тяжело, должно быть, сейчас Рахошу? Я чувствую себя виноватой, что я здесь, среди людей, купаюсь в бассейне, тогда как он где-то там, несчастный и в полном одиночестве. Я вынуждаю себя кивнуть.

— Конечно.

Я выдаю сплошное вранье. Я вовсе не собираюсь говорить ему, чтобы он уходил. Но если это то, что нужно, чтобы убедить Аехако, я скажу все, что он хочет услышать.

Он целую вечность разглядывает меня, а потом кивает головой.

— Тогда пошли.

Я должна сдерживать свое волнение. При мысли о Рахоше моя вошь тут же начинает пульсировать в груди, и я прижимаю руку к груди, чтобы успокоить ее.

РАХОШ

Я вырываю стрелу из своей дичи, ярость — единственное, что заставляет меня продолжать двигаться. Ярость и необходимость обеспечивать мою пару.

Они могут удерживать ее подальше от меня, но они не могут помешать мне выполнить мой долг перед ней.

Я возвращаю стрелу в колчан и подбираю свою дичь. Это — жирный пернатый зверь и будет отменной едой для Лиз. Я представляю ее мягкие, розовые губки, растянутые в вынужденную улыбку, когда ее кормят, но позволяющую мне понять, что она не в восторге от этого. Мол, она может сама себя прокормить, ну, спасибо. И что она — столь же сильная и способная охотница, как и я.

Я потираю грудь, где ощущается боль при одной лишь мысли о ее прекрасном личике. Мой кхай молчит. Он скорбит о ее потере так же остро, как и я.

Уже поздно, луны высоко в небе и разливают свой свет по снежной белизне. У меня ломит кости от истощения, и я не могу припомнить, когда я ел в последний раз, но это не имеет значения. Накормить Лиз — единственное, что заставляет меня двигаться вперед. У меня остались болезненные воспоминания о крайнем отчаянии моего отца из-за смерти моей матери — его страданиях и неспособности долгое время подняться с постели, чтобы заботиться обо мне и больном младшем братике, который был обречен умереть без надлежащей заботы.

Тогда я не понимал его страдания. Теперь понимаю. Я сам все это проживаю.

Снежинки падают мне в глаза, а ночной ветер все усиливается. Я сразу напрягаюсь. Холод ничуть меня не беспокоит, но я беспокоюсь о своей Лиз. Люди такие хрупкие. А что, если остальные ее не согреют? А что, если они о ней не позаботятся, как я? Паника сжимает в тисках мою грудь, и я немедленно подхватываю свою последнюю дичь и возвращаюсь

обратно к племенным пещерам. Я передам эту еду на сохранение для Лиз в будущем, а затем отправлюсь охотиться на существ с самым теплым мехом, которые только смогу найти. Может, на лохматого двисти. У самок, вынашивающих малышей, густой, шерстяной мех, из которого можно сделать прекрасный плащ для моей пары...

Сквозь снегопад в поле зрения появляются две фигуры. Я не вижу ничего, кроме светящихся глаз, и моя рука сжимается вокруг лука. Одна пара глаз — примерно на одном уровне со мной, а другая — намного ниже и едва достигает до моей груди. Единственные, у кого такой рост...

«Люди», — осознаю я.

Лиз!

Я роняю свою дичь и проталкиваюсь вперед сквозь снег, мой кхай сразу начинает напевать. Прежде, чем вижу ее лицо, я слышу ее кхай, резонирующий в ответ моему. Это ускоряет мои шаги.

— Рахош? — любимый голос осторожно выкрикивает мое имя, и через мгновение ее маленькое тело оказывается уже в моих объятиях. Я прижимаю ее к своей груди, а рукой придерживаю за голову, пока покрываю поцелуями ее лоб.

Моя Лиз. Моя любовь. Мое все.

Ее руки окружают меня, а сама она дрожит.

— О, Боже, Рахош. Твоя кожа холодная словно лед, детка. Что ты здесь делаешь посреди ночи? Тебе следует греться у костра...

— Тсс! — говорю я ей. Остальное не имеет значения за исключением того, что она здесь и в моих объятиях. В сторонке я вижу Аехако, который пришел вместе с ней, и на какое-то мгновение во мне поднимается ревность. Он влачится за моей парой, хотя она принадлежит мне. Не нравится мне это, но, по крайней мере, она в безопасности.

Ее маленькие ладони поглаживают мне грудь, а потом спускаются на мой живот, и тут она задыхается.

— У тебя же ребра торчат, Рахош. Ты ел?

Ел ли я? Не помню. Мои мысли крайне мрачные и совершенно не о самом себе с тех пор, как они забрали ее у меня. Яжимаю плечами.

— Это не важно. Ты в порядке? А наш ребенок?

Я прикасаюсь к ней по всему ее телу, провожу руками вниз по ее рукам, а затем по животу.

— С ребенком все хорошо, у меня была утренняя рвота, и я буду ходить беременной целых три ужасных года, — говорит она. — Ты можешь в это поверить?

— Да?

Она похлопывает мне по руке.

— Сарказм, детка.

Ее руки скользят под мою тунику, и я чувствую, как ее пальцы касаются моей кожи. Она такая холодная, но ее кхай напевает песню вместе со мной, и мой член реагирует в ответ. Я не обращаю на это внимание, потому что Аехако все еще рядом, стоит, прислонившись к скале и притворяясь, что не прислушивается к нам.

Я беру одну ее руку в свою и сцепляю наши пальцы в замок, затем целую костяшки ее пальцев. Для меня не имеет значения, что у нее четыре пальца вместо трех. У нее может быть хоть по восемь на каждой руке, и она была бы самой красивой из всех живых существ.

— Ты что здесь так поздно делаешь? И почему с тобой Аехако?

— Он меня охраняет, — говорит Лиз и поднимает вверх лицо для поцелуя.

Я наклоняюсь, чтобы коснуться своими губами ее губ, не в силах сопротивляться. Тогда ее слова доходят до меня, и от страха мое тело неподвижно застывает.

— Охраняет тебя? Ты там не в безопасности? Что...

— Охраняет меня, потому что они считают, что я собираюсь сбежать и вернуться к тебе.

— Глупые.

— Сообразительные, — говорит она. — Я бы сделала это, не моргнув и глазом. Я хочу побыть с тобой. Хочу, чтобы наша семья снова была вместе.

От ее слов все мое тело пронзает болезненная тоска. С безграничной нежностью я касаюсь ее бледной, гладкой щеки.

— Ты должна остаться со всеми остальными, Лиз. Я уже видел, что значит находиться в изгнании. Слишком опасно жить в одиночку.

— Я не была бы в одиночку. Я была бы с тобой. Мы охотились бы вместе и прикрывали бы спины друг друга.

Я провожу большим пальцем по ее губе.

— А как быть, когда придет время появиться на свет нашему ребенку? Что тогда?

— Мы бы что-нибудь придумали, — она пальцами сжимает мои. — Я не позволю им отказаться от тебя, как это сделал твой отец. Ты — моя пара, и мы будем жить вместе.

Я мотаю головой.

— Вэктал принял решение.

Она поворачивается лицом ко мне, а улыбка, которая растягивает ее губы, — одна из тех, которую я уже видел раньше. Лиз так улыбается, когда у нее есть план, и ей плевать, нравится он тебе или нет.

— Ну, тогда я просто должна заставить его передумать, ведь так? — глядя на меня, она игриво шевелит бровями. — Не будет мне покоя до тех пор, пока ты снова не вернешься ко мне, где и должен быть.

— Не подвергай себя опасности...

— Не буду, — она заверяет меня. — Когда у тебя есть карточка на выход из тюрьмы, ее нужно использовать, понимаешь? — и она похлопывает себя по животу.

Ни одно из этих слов не имеет для меня смысла.

— Выходизтюрьмы?

— Просто доверься мне, детка, — она поднимает наши сомкнутые пальцы к своим губам и целует мои пальцы, как я целовал ее. — Только дай мне пару дней, ладно? Ты должен о себе заботиться ради меня. Тебе обязательно надо спать и хорошо питаться. Я хочу, чтобы моя пара выжила.

Я медленно киваю головой, потому что выживание на самом деле мне даже и в голову не приходило. Я думал лишь о том, что должен заботиться о Лиз как можно дольше, пока у меня хватит сил. Но раз она хочет, чтобы я больше заботился о себе, я буду это делать. Я высвобождаю свои пальцы из ее и снова провожу ими по ее щеке, где ощущаю слезы, которые из-за холода превратились в льдинки у нее на лице.

— Я сделаю все, о чем ты попросишь, моя пара.

— Я лишь хочу, чтобы ты доверял мне и заботился о себе, — говорит она. — А с остальным я разберусь сама, — и когда она поворачивается лицом для еще одного поцелуя, я не могу удержаться от искушения.

Два дня требуется на то, чтобы на моем пороге появился первый подарок.

Это — подарок от одного из вдовцов. Ну, сначала это приводит меня в ярость, но затем я прихожу к выводу, что это можно использовать как средство для решения проблемы.

Маленький мешочек травяных чаев этим же утром, у бассейна, я дарю пожилой женщине по имени Севва. Она милая дама, и в пещерах считается неофициальной «мамой». Она — мать Аехако, и очень ласково относится к нему и другим своим сыновьям, Рокану и маленькому мальчику по имени Сесса. Она постоянно суется над беременными девочками, несмотря на языковой барьер, вероятно потому, что хочет, чтобы хоть один из ее сыновей стал резонировать. Как ни прискорбно, у нее трое парней, и все трое все еще живут с ней. Но она мне нравится.

Джорджи окидывает меня хмурым взглядом, когда я предлагаю чай Севве. Пожилая женщина что-то говорит, улыбается, к тому же не очень-то многое свидетельствует о том, что Севва старше других, если не считать несколько морщин в уголках ее пылающих глаз и бледных прядей седых волос, заплетенных в длинную косу.

— Она говорит, что не может принять это, Лиз. Это — подарок в знак ухаживания от Вэзы.

— Но у меня уже есть пара, — говорю я сладким голосом и вновь предлагаю его Севве с особой выразительностью. Я толкаю его ей в руки, а затем ухожу, прежде чем она успевает отказать.

Джорджи, нахмутив лицо, встает и следует за мной. Она раздражена, потому что, ну, я веду себя как последняя сволочь и доставляю неприятности. Я все подвергаю сомнению, начиная с того, почему у людей, которые спарились, самые маленькие пещеры (от чего Ариана взрывается в очередном истошном припадке рыданий), почему инопланетяне лгали нам о временах года, и всем прочем, что только приходит мне на ум. Мне удается убедить француженку Марлен, что она вынашивает выводок, к тому же не от своей пары Зэннека, который близок по возрасту со своими двумя братьями, а они ей просто лгут о том, что не являются близнецами из тройни. Ооо, а с Тиффани все закончилось тем, что она развлекалась с парнем, но все прошло ужасно, когда она с удивлением увидела его «шпору», что дало мне право наивно широко распахнуть глазки и решительно заявить, что они скрывают от людей все необходимые сведения. Парочка этих новостей оказались не очень-то приятными, и теперь всякий раз, когда Вэктал меня видит, он сужает глаза, а Джорджи, как представляется, ходит с постоянно раздраженным выражением на лице.

Ну ладно, может, меня и в самом деле слегка заносит после того, что никто не приносит мне материалы для новых стрел, вот я и провожу целый день, публично объявляя, что «хозяин» не дает мне самореализоваться.

Но на самом деле, все это — часть моего гениального плана. Мне придется вести себя как последняя сволочь до тех пор, пока не добьюсь своего, а я хочу вернуть обратно Рахоша.

Он до сих пор бродит где-то там, снаружи, и каждое утро у меня на завтрак свежий пернатый зверь. Хотя, в целом, объемы охоты снизились, и я надеюсь, что он следует моему совету и заботится о себе.

— Какого черта ты затеяла, Лиз? — спрашивает Джорджи, все еще следуя за мной, пока я, направляясь извилистым путем через пещеры, возвращаюсь обратно в девичье жилище.

— Кто, я? — спрашиваю я сладким голосом. По правде говоря, она совершенно права, что относится ко мне с подозрением. Я постоянно что-то замышляю.

— Да, ты. Ты доведешь Вэктала до сердечного приступа, если будешь продолжать в том же духе.

— Ну тогда мы обе лишимся своих пар, — говорю я, бросив быстрый взгляд через плечо.

— Очень смешно, — говорит она, а ее мрачное выражение лица дает мне понять, что она вовсе не находит это смешным. — Ты просто избавилась от подарка Вэзы в знак его ухаживания, ранив его чувства. И теперь Севве неловко, потому что чувствует, будто она сунулась не в свое дело.

— Тогда оставь его себе, — говорю я Джорджи. — Видит бог, я не хочу этого. У меня уже есть пара, помнишь? Никто, кажется, не считает нужным вспоминать эту маленькую деталь.

— Да, но он же изгнан, — говорит Джорджи, двинувшись вперед и хватая меня за руку. — Это и есть твоя цель? Ты ведешь себя, как кретинка, чтобы тебя тоже изгнали?

— Да ладно, — говорю я, закатывая глаза. — Хэйден тот еще козел, а его не изгоняют. Мы обе знаем, что единственный способ добиться изгнания — отколоть такой же номер, какой провернул Ра́хош...

И тогда у меня в голове расцветает план.

Я пялюсь на Джорджи, широко раскрыв глаза, а она тем временем все продолжает говорить, читая мне лекцию о том, что мы должны следовать правилам народа ша-кхай и быть добропорядочными членами племени и прочее «бла-бла». Я не слушаю, потому что вместо этого сейчас у меня в голове мысли мчатся с бешеной скоростью.

Ну конечно же. Как же я до этого раньше не додумалась?

Я обнимаю Джорджи и прерываю ее во время напыщенной проповеди, адресуемой мне.

— Ты — самая лучшая, ты ведь знаешь?

Она удивленно смотрит на меня, хлопая глазами.

— Я? — она сужает глаза и на мгновение смотрит на меня с таким же подозрением, как и Вэктал. — Ты же не собираешься снова говорить Стейси, что они скармливают ей крыс?

— Мои?^[16] — я прикладываю руку к своей груди в притворном удивлении. — А я и не говорила ей, что это крысы. Только то, что они очень похожи на крыс, а они скармливали их, чтобы увидеть, будут ли люди их есть.

— Ну да, — произносит Джорджи. — Ты хоть понимаешь, что теперь она заставляет сначала пробовать всё других людей?

Ладно, вполне возможно, эта и не была лучшей из моих утонченных остроумий. Но в кампании по саботажу, девушке, доведенной до отчаянья, приходится идти на отчаянные поступки, если она хочет вернуть свою пару. А возвращение Ра́хоша — моя главная и единственная цель.

Мне требуется несколько часов, чтобы найти подходящее время для реализации моего плана. Я становлюсь все более неугомонной и блуждаю по пещерам, приводя в бешенство всякого, с кем сталкиваюсь, пока Кайра не сжаливается надо мной. Она вручает мне плетеную корзину.

— Вот. Пошли со мной собрать еще мыльных ягод. У нас запасы на исходе из-за всех недавно прибывших в пещеры людей.

— Ты уверена, что я могу выйти наружу? — я резко оглядываюсь выразительным взглядом на Аехако, моего постоянно присутствующего стража. Он находится на расстоянии в несколько футов и что-то вырезает из кости своим ножом. Это немного напоминает девичью фигурку, но на одной стороне ее головы какой-то маленький шарик, поэтому она слишком похожа на Кайру. Интересно. Этот мужчина не скрывает своего интереса к ней, но Кайра, похоже, держит его на расстоянии.

На данный момент это не моя проблема.

Покраснев, она движется в сторону Аехако.

— Я забираю с собой Лиз собирать мыльные ягоды. Мы все время будем в пределах видимости пещер. Мы не далеко уйдем.

Он вставляет нож в ножны, встает на ноги и лениво потягивается, затем потирает себе живот.

— Я пойду с вами.

Я замечаю, что взгляд Кайры следует за его рукой.

Мой взгляд следует за его ножом.

Она издает недовольный звук, но Аехако не намерен отказываться. Мы, люди, укутываемся в плащи и обуваем тяжелые ботинки, а затем отправляемся в путь с корзинами в руках. Аехако идет следом, отставая от нас на несколько шагов, ведет себя ненавязчиво, однако, всегда находится поблизости. Этот день невероятно солнечный, солнца-близнецы высоко в небе. Они выглядывают позади постоянно присутствующих серых облаков, почти ослепляя меня всей той, окружающей нас снежной белизной. Белые холмы снега, белые скалы, белые бесконечные равнины, белый, белый, белый.

Я не вижу Рахоша. Будет лучше, если я реализую свой план, но меня мучает жажда увидеть его высокое, худое тело и покрытое шрамами лицо.

Без него я не чувствую себя полноценной.

Мысли о моей изгнанной паре придают мне мужество осуществить мой план. Мой план может обернуться против меня, но у меня мало вариантов, а это — лучшее, что я могу сделать, чтобы доказать, насколько серьезно я хочу его вернуть. Поэтому, когда мы поднимаемся на горный хребет, я притворяюсь, что, споткнувшись, падаю в снег и прикидываюсь, будто у меня проблемы подняться на ноги. Я бросаю свою корзину в сторону и наблюдаю с удовлетворением, как та катится вниз по близлежащему снежному сугробу.

— Черт побери!

Кайра оборачивается и с беспокойством смотрит на меня.

— С тобой все в порядке?

— В порядке. Просто слегка вывихнула лодыжку, — когда она подходит ко мне, чтобы помочь мне встать, я оглядываюсь по сторонам. — У меня все хорошо. Не могла бы ты принести мою корзину?

Она кивает головой и спускается вниз, чтобы поднять ее, а я остаюсь сидеть, притворяясь, что массирую свою лодыжку. Краешком глаза я вижу, что Аехако бежит трусцой вперед (весьма серьезный подвиг, особенно учитывая весь этот снег) и наклоняется вперед рядом со мной.

— Поможешь мне встать? — говорю я, предлагая ему свою левую руку.

Когда он принимает ее, я в тот же момент правой рукой выхватываю нож, вложенный в

ножны у него на поясе.

Он тянется к нему, но недостаточно быстро. Нож у меня, и тогда я приставляю его к паху Аехако.

— Не двигайся, — говорю я.

Массивные брови инопланетянина приподнимаются, и он выглядит больше развеселившимся, чем напуганным.

— И что ты собралась с ним делать?

— Я беру тебя в заложники, — говорю я и встаю на ноги. Я двигаюсь ему за спину и прижимаю кончик лезвия к месту, где у человека расположена почка. Понятия не имею, где она находится у ша-кхай, но намерения остаются прежними.

— В заложники? — повторяет он.

— Ага. Если это то, что нужно, чтобы кого-то изгнали из этой компании, тогда ты — мой заложник. Так что руки вверх, приятель.

Аехако взрывается смехом, но делает, как я сказала, а когда Кайра поднимается на холм, она несет обе корзины, к тому же грозно хмурится.

— Что ты творишь, Лиз?

— Захват заложника, — говорю я весело. — Мне нужно, чтобы ты вернулась в пещеры и донесла до остальных мои условия освобождения.

— Что делать, если мужчина желает ухаживать за человеческой женщиной? — спрашивает Аехако, своим хвостом рисуя в снегу непристойные фигуры. Он лежит на боку, скучает.

— Целуй ее до одури! — я сижу рядом с ним, скрестив ноги, и мы оба просматриваем горизонт. После того, как Кайра ушла, Аехако забрал свой нож, но ради меня согласился остаться «пленником». Так что мы усаживаемся и начинаем разговаривать.

И как любой другой из парней, Аехако интересуется людьми. Именно так мы добрались до темы про ухаживания и секс.

— Она не хочет целоваться.

Нет? Чокнутая Кайра.

— Ну тогда делай ей подарки.

Он обдумывает это.

— Какие именно подарки? Что-то, что я изготовлю своими руками?

Так как я все еще нахожусь в режиме «швырять дерьмо в вентилятор», я обдумываю то, что могло бы смутить Кайру сильнее всего.

— Человеческие мужчины дарят женщине, с которой они хотят спариваться, совершенно особенный подарок.

— Да? — он садится ровнее.

Я авторитетно киваю головой.

— Точная копия его пениса, сделанная из кожи, дерева или кости. Так она может испробовать его и посмотреть, нравится ли ей то, чем он обладает.

Не стоит благодарности, Кайра!

Вместо того, чтобы выглядеть потрясенным, Аехако взвешивает эту информацию.

— Член у меня отличный.

— Не сомневаюсь, — я совершенно уверена, что и мельком видеть его не хочу.

— И шпора большая. Очень большая. Мне этот аспект тоже отразить? — он смотрит на меня. — В моей точной копии?

— Хмм. Сложный вопрос. У людей нет шпор.

Это шокирует его.

— Нет шпор? А почему нет?

— Чувак, понятия не имею! В колледже я не выбирала «сравнительную анатомию» и абсолютно уверена, что мы не можем сравнивать шпору с чем бы то ни было еще. Для чего она предназначена?

С минуту он думает, а потом пожимает плечами.

— Для чего предназначены яйца?

Он это серьезно?

— Они создают семя.

Аехако выглядит удивленным.

— В самом деле? А как... — он прерывается, а затем указывает на горизонт. — Они идут.

— Наконец-то, — говорю я, вставая на ноги. Я даже рада, что мы кончаем со всей этой темой «полового воспитания», потому что я знаю только человеческую анатомию. Кайра может сама закончить с ним обсуждение этого вопроса. — Мне, наверное, лучше забрать нож обратно, чтобы сделать это дельце с пленом правильно.

Он вынимает его и передает мне ручкой вперед.

— Постарайся не порезать меня, — он делает паузу. — Если только ты не думаешь, что Кайра любит поиграть в сиделку.

— Очень сомневаюсь в этом, — говорю я, двигаясь позади него и приставив нож на место, так как остальные идут вверх по горной тропе. Это — довольно многочисленная группа, и я вижу Кайру, наряду с Вэкталом, Джорджи и ряд других мужчин-инопланетян.

А у Вэктала на лице крайне разъяренное выражение. Я держу подбородок приподнятым и смотрю ему прямо в глаза. Я больше не позволю никому собой командовать. Это — моя жизнь, а Рахош — моя пара. Они больше не смогут не отдавать его мне, и наоборот.

— Ты — тот еще заусенец в моем хвосте, Лиз, — говорит Вэктал, когда подходит. — Твоя цель — разозлить меня до такой степени, чтобы я тебя изгнал? Так этому не бывать. Ты — женщина и вынашиваешь ребенка.

— Я тут кое-что похитила, — говорю я и ножом указываю на спину Аехако. — Похищение ведь наказывается, да? Изгнанием? Так что изгоняй меня.

Вождь инопланетян сужает на меня глаза. Он скрещивает руки на груди.

— У тебя совсем иная ситуация.

— Ооо, теперь мы все это шлем к чертовой матери? А что, если бы я резонировала Аехако и похитила бы его? Все равно позволил бы мне оставаться в пещерах, лишь потому что у меня есть вагина?

Он хмурится и переводит взгляд на Джорджи.

— Ва-ши...?

Она потирает себе переносицу.

— Это — девчачьи части. Она имеет в виду свои девчачьи части. Лиз, в чем, черт возьми, твоя проблема?

— Я хочу свою пару обратно! — воплю я в гневе. — В этом моя гребаная проблема!

Если он не может вернуться в пещеры, тогда отправьте меня к нему!

— Неужели ты бы отказалась от спокойной жизни в племени? — задает вопрос Вэктал, но сам уже не злится. Он выглядит просто утомленным. Я его, беднягу, совсем замучила. Вот и отлично.

— Это не мое племя, — почему-то я внезапно ощущаю такую же усталость, как и Вэктал. Усталость, и еще огромную печаль. — Вы, ребята, наверное, напрочь забыли, что около шести недель назад у меня была совершенно другая жизнь. Но меня вдруг похищают инопланетяне, и никто ни о чем не спрашивает. Они не спрашивают меня, дескать: «Эй, Лиз, как ты смотришь на то, что мы тебя продадим как мясо? Или рабыню? Как тебе это, ты не против?», — Джорджи закатывает глаза, но я продолжаю. — А потом мы приземляемся здесь, и снова меня захватывают инопланетяне. И снова со мной не говорят о том, какая судьба мне предрешена, за исключением того, что на этот раз моя судьба — быть женой и инструментом для создания детишек. Никого не интересует, хочет ли Лиз детей. Никого не интересует, хочет ли Джорджи этого. Никто ни о чем нас не спрашивает, — голос у меня немного дрожит. Меня бесит, что я до сих пор чрезмерно эмоционально реагирую из-за всего этого дерьма. — Тем не менее, мы соглашаемся на это. И я встречаю Рахоша, и поначалу я на дух не переношу этого парня, ясно? Но тогда, со временем, я начинаю понимать, что он просто всеми своими силами пытается заботиться обо мне. И когда я перестаю на него злиться, то осознаю, что на самом деле он мне нравится. Он умный, заботливый и решительный. И тогда я влюбляюсь в него. Ну а потом, вот уже в который раз, бабах! — вы отнимаете его у меня, — я с трудом глотаю ком в своем горле. — Он теперь — мой дом. Так что, да, я бы отказалась от всего ради него. Он принадлежит мне, а я — ему. Ты бы пошел на это ради Джорджи. Я иду на это ради него.

Вэктал еще раз вздыхает, но на его лице мелькает намек на улыбку, а в глазах Джорджи мерцают слезы. Она понимает меня, даже если ее пара — нет. Он оглядывается и смотрит на нее, и выражение его лица смягчается. Он прижимает свою руку к себе и прячет ее себе под мышкой, скорее всего, представляя себя на месте Рахоша.

— Правила должны соблюдаться, — повторяет Вэктал. — За это должно быть наказание.

— Заставь его жить с Лиз, — шутит Аехако. — Для любого это было бы достаточно суровым наказанием.

Я даже не возражаю на это.

Вэктал потирает свой подбородок.

— Я подумаю над тем, что ты сказала, Лиз. И мы со старейшинами обсудим дело Рахоша. В конечном счете, решение остается за мной, но... я подумаю об этом.

— У меня тоже есть что сказать, — бормочет Джорджи и кладет руку ему на плечо.

Выражение его лица смягчается, когда он смотрит вниз на свою пару, и кивает головой.

— И мы тоже поговорим, — он поворачивается к мужчине, стоящему прямо передо мной. — Аехако, возьми охотников, найди Рахоша и верни его. Нам нужно поговорить.

Аехако приподнимает подбородок и кивает головой в мою сторону.

— Меня вроде как удерживают в заложниках.

— Упс. Прости, — я вручаю ему обратно нож. — Свободен, можешь идти, куда захочешь.

Он хватает меня, притягивает к себе и взъерошивает мои волосы, как старший брат.

— Это была отличная идея, — шепчет он мне в ухо, прежде чем отпускает меня.

Тогда Джорджи выходит вперед и берет меня за руку.

— Пошли. Мы и на минуту не выпустим тебя из виду, — она смотрит мимо меня на свою пару. — И спрячь свои ножи, Вэктал.

Я нетерпеливо жду в пещерах, и каждая секунда тянется, словно час. Даже дни. Так как я уже доказала, что мне нельзя доверять, на посту у входа в девичью пещеру расположены двое мужчин, они оба, надо полагать, — спаренные мужчины, которые не поддадутся очарованию каких-либо человеческих прелестей. Тиффани удалось сделать из костей пару вязальных спиц, так что я забираю оставшееся и делаю стрелы. Хотя мне и не разрешают охотиться (это же бред собачий!), по крайней мере, я могу делать то, что у меня хорошо получается, а это — делать оружие.

Либо это, либо сходить сума от ожидания.

Ножи, естественно, мне запрещены, поэтому не могу сделать нечто большее, чем просто отобрать хорошие стрелы, а потом натирать кончики о грубый камень, обтачивая их, как карандаши.

Вэктал весь день был в своей пещере, и мне говорили, что несколько людей заходили туда и выходили. Джорджи тоже отсутствовала.

Как и Аехако, и его люди. Не то, чтобы я волнуюсь об этом или что-то в этом роде. А что... если они не смогут отыскать Рахоша? А что, если он настолько устал и проголодался, что был невнимателен и ранил себя? Мой разум затуманен беспокойством. Я с ума сойду, если потеряю его.

У входа в пещеру начался настоящий переполох, и я слышу усиливающиеся голоса. Я тут же бросаю свои стрелы и бегу ко входу в девичью пещеру в надежде увидеть знакомую голову с одним рогом и сломанным пеньком, где когда-то находился второй.

— Рахош?

— Стой здесь, — говорит один из инопланетян, охраняющих пещеру. Его зовут Дагеш. По-моему, это пара Норы, и он поглядывает на меня, как на змею. Похоже, он волнуется, как бы мое отвратительное поведение не было заразно.

Либо это, либо он слышал, каких гадостей я наговорила Стейси, и обеспокоен, что наброшусь и на его пару. Ну да ладно. Иногда нужно разбить несколько яиц и все такое.

И тут в дверном проеме появляется крупная фигура и отталкивает мужчин в сторону, а я не могу сдержать девчачий визг восторга, который срывается с моих губ, когда Рахош сметает меня в свои объятия.

— Ты здесь, — кричу я, обхватив его руками и ногами, словно обезьяна. Он поднимет меня и крепко прижимает к себе, ну а потом мы дико целуемся, и когда я цепляюсь за него, мои бедра пристраиваются поверх его. Моя вошь напевает счастливую песню, и я также чувствую его вошь у него в груди..., а еще я ощущаю возбужденный член, который заметно выпирает, натягивая набедренную повязку.

Черт, как же я скучала по этому мужчине.

— Ты совсем спятила, моя пара, — говорит Рахош вполголоса, в то время как снова и снова прижимается губами к моим, не в силах перестать целовать меня.

— Эй, это же принесло результаты, разве нет? Ты ведь здесь, — а теперь, когда мои руки обнимают его, я никогда больше его не отпущу.

Он прижимает меня к себе, и у нас у обоих грудь резонирует в смешанной песне. Подумать только, что я сопротивлялась этому всего несколько недель назад. С ним я чувствую себя полноценной. Я должна была догадаться, насколько прекрасный вкус у моей воши, но благодарю Бога за это.

— Пойдем, — говорит Дагеш, пристально глядя в сторону главной пещеры. — Вэктал будет говорить с вами обоими о ваших наказаниях.

О боже. Я слышу в этом сообщении множественное число, и это меня беспокоит. Но я киваю головой... и продолжаю упорно цепляться за Ра́хоша. Им придется меня от него отрывать с силой, если намерены снова нас разлучить.

Моя пара только усмехается, его руки направляются к моей заднице, обхватив ее обоими ладонями, и он несет меня на руках в главную пещеру.

Веселые волны смеха встречают наш приход. А мне плевать. Пускай смеются. Я прижимаюсь щекой к теплой груди Ра́хоша и слушаю, как его вошь резонирует моей. «Пожалуйста, будь справедлив», — безмолвно обращаюсь я к Вэкталу. — «Пожалуйста, пусть Джорджи подарила тебе самый мировой массаж простаты и убедила тебя, что мы с Ра́хошем должны быть вместе!»

В главной пещере полно народу, а в воздухе чувствуется сильный запах серы и влажность. Мы проходим мимо нескольких человек, и тогда Ра́хош неохотно опускает меня вниз. Я задерживаю дыхание, напряжение так и вибрирует сквозь меня. Я страшусь того, что сейчас должно произойти. Если мы сейчас получим «нет», вряд ли мы когда-либо сумеем убедить Вэктала, что должны быть вместе.

В главной пещере люди повсюду, некоторые из них лениво развалились в бассейне, но большинство сгруппировались у входа в пещеру и уселись по сторонам. Там, на ступеньках, которые я стала считать «местом тусовки вождя», сидит Вэктал. Он сидит между ног Джорджи, а его крупные руки опираются на ее колени. Его поза небрежна, хотя выражение его лица — величавое. Лицо Джорджи в равной степени лишено эмоций, хотя, когда она встречается со мной взглядом, она мне подмигивает.

И я перестаю задерживать дыхание.

Все будет в порядке.

— Ра́хош, сын Ва́шана, ты нарушил законы этого племени, — Вэктал встает на ноги и, сцепив руки у себя за спиной, расхаживает взад-вперед.

Я напрягаюсь, а моя рука тянется к Ра́хошу. Он крепко сжимает ее. Как по мне, это не звучит так уж многообещающе.

— В обычном порядке угроза чьей-либо жизни была бы равнозначна изгнанию. Между тем, люди не знают наши правила и обычаи, а мы в свою очередь не знаем их порядки.

— Согласен, — бормочет Аехако.

Жесткий взгляд Вэктала тянется по ряду охотников, а затем возвращается к нам.

— Резонанс может воздействовать на обоих участников самым неожиданным образом, и это — то, что было установлено в данном случае. Вы оба были лишены рассудка из-за ваших кхай, и, следовательно, это тоже нужно учитывать.

Моя смертельная хватка слабеет на руке Ра́хоша, совсем немного.

— Ты вместе со своей парой будете сосланы в пещеры охотников. В течение следующих двух с половиной лет — или пока не появится на свет ваш комплект — вы должны оставаться на охоте каждые семь дней. Вы должны доставить достаточно мяса, чтобы накормить племя, и заполнить ледяные кладовые для двух жестоких сезонов. Наше

количество значительно увеличилось, и количество наших охотников недостаточно, так что сейчас это важнее, чем когда-либо раньше, — он взирает на нас пристальным взглядом. — У вас не будет своей собственной семейной пещеры до тех пор, пока ваше наказание не будет снято. Если когда-либо поставите под угрозу жизнь другого члена племени, ссылка тогда станет постоянной.

Рахош выдыхает через ноздри. Он медленно кивает головой.

— Благодарю тебя, мой вождь.

— И что это значит? — спрашиваю я, не желая показаться взволнованной.

— Это означает, что вы будете охотиться больше, чем находиться здесь, в пещерах, — отвечает Вэктал.

— В самом деле? Охотимся мы оба?

Вэктал кивает головой.

— Ты говорила, что хочешь охотиться? Мы будем относиться к тебе, как к охотнице. Мы сделаем то же самое для любой другой женщины, которая захочет внести свой вклад. Мы с Джорджи сегодня днем многое обсудили. Только потому, что таков образ жизни ша-кхай, это не означает, что таким непременно должен быть и человеческий образ жизни, и мы не можем заставить вас быть женщинами ша-кхай.

У Джорджи на лице довольная улыбка.

— Мы сделаем все возможное, чтобы накормить племя, — говорит Рахош вполголоса. — Еще раз благодарю тебя, мой друг.

Вэктал кивает головой, и строгое выражение вождя исчезает с его лица. Он движется вперед и сжимает Рахоша в объятиях, что удивляет мою пару.

— С возвращением тебя, мой друг, — бормочет он. Кроме того, он дружески похлопывает Рахоша по спине в ошеломляющем братском объятии, и оба при этом ухмыляются. — Сегодня вечером ты должен подготовиться. Завтра ты и твоя пара приступаете к работе!

— Значит, у нас все хорошо? — спрашиваю я, и снова задерживаю дыхание, на случай, если неправильно истолковала происходящее. Я вернула своего мужчину. Я буду охотиться. Я выбираюсь из этих переполненных пещер, и мы снова сможем быть наедине. Понимаю, что потребуются провести большую работу и приложить много усилий, но мне нравится охотиться.

— У нас все хорошо, — отвечает Вэктал.

Это... потрясающе. Я издаю визг и снова запрыгиваю на руки Рахоша.

— Ясно, — говорит Джорджи в то время, как мы делаем обследование складского хранилища в одной из новых пещер. Это пещера Арианы, которую она делит с Золаем, а раньше была хранилищем. К несчастью для бедняжки Арианы, вдоль стен пещеры тут еще много свободных площадей для складирования.

— Давай подготовим тебя для охоты, чтобы утром ты могла отправиться в путь.

Кайра, стоя рядом с нами, издает слабый звук.

— Мне будет очень грустно наблюдать за тем, как ты уходишь, Лиз. Я очень обрадовалась, когда ты вернулась.

— Я скоро снова вернусь, — говорю я ей. Правда в том, что я очень взволнована. Я уже

готова уйти отсюда с Рахошем, чтобы снова наслаждаться снегом и солнцем, охотиться, любить и... ну, просто наслаждаться жизнью. Я исследую груды шкур, корзины высушенных кож, костей и всего, что может оказаться полезным. Мысли у меня в голове крутятся совсем не про охоту. Они о Рахоше. Просто я чувствую себя такой... счастливой. Моя пара в пещере вождя, разговаривает с Вэкталом, а я занимаюсь экипировкой и подготовкой к уходу.

Этой ночью мы спим в пещере охотников вместе с другими охотниками.

А утром? Мы можем уходить.

Это похоже на Рождественское чудо.

Думаю, за все это я должна благодарить Джорджи. Она, должно быть, смягчила гнев Вэктала. Поэтому, вместо того, чтобы собирать пожитки, я поворачиваюсь к своей дорогой подруге и заключаю ее в свои объятия.

Она начинает смеяться и похлопывает меня по спине.

— Это еще за что?

— Это мое искреннее «спасибо», что ты помогла уладить проблему.

— Я ведь ничего особенного не сделала, — скромничает она. — Кроме того, ты не забыла, что Рахош его друг? Я лишь напомнила ему, насколько отличается у нас жизненный уклад.

Ну да ладно. Что ж, если она не хочет признаваться в кое-каком «стимулирующем сексе», я не буду заставлять ее. Я сжимаю ее в счастливых объятиях последний раз, после чего обнимаю Кайру, чье грустное лицо ради разнообразия улыбается. Я чувствую, что готова расплакаться слащаво-сентиментальными слезами. Счастливая, но готова расплакаться. Я поворачиваюсь к скоплениям в хранилище.

— Как думаешь, что мне может понадобиться?

— Все, что теплое? — Джорджи вытаскивает корзину, заполненную кусками потертой кожи, и начинает копаться в ней. — Куда, как ты думаешь, вы отправитесь сначала? Ну, у тебя есть какие-нибудь догадки? Вэктал говорит, что тут полно охотничьих пещер, рассеянных на многие мили вокруг. У них их целая система, и так как охотники часто остаются в охотничьих угодьях, все они снабжены как мини-домики с дровами, одеялами и всем остальным.

На минуту я задумываюсь.

— Будь моя воля, я хотела бы отправиться к старому космическому кораблю — тому, на котором прилетели их люди. Пожалуй, я хотела бы получить «загрузку» их языка.

Мне надоело, что все общаются в обход меня. Я просто хочу быть частью всего этого.

— Отличная идея, — говорит Кайра. — Может, и мне не помешало бы отправиться туда по кое-каким личным соображениям.

— Да? — я оборачиваюсь к ней. — Насчет наушника?

Она прикасается к нему, скорчив лицо.

— Он меня бесит. Мне хочется от него избавиться. Кроме того, меня беспокоит, что они из-за него вернутся, если обнаружат, что он до сих пор активен.

В словах Кайры есть смысл. Я знаю, что она не может удалить его — они хирургическим путем прикрепили его к ее уху. Правда, я понятия не имела, насколько сильно он беспокоит ее.

Мы продолжаем болтать в то время, как готовим для меня мешок, наполняя его предметами первой необходимости — швейный набор, дополнительные шнуры, сушеные мыльные ягоды, теплые ботинки и кожаные плащи, ну а потом остается лишь сказать «до

свидания» моим подругам.

Выражение лица Кайры весьма грустное.

— Хотелось бы мне, чтобы у меня было что-то вроде совета для молодоженов, — говорит Кайра. — У меня такое чувство, будто это было бы наиболее подходящим.

Лицо у Джорджи становится... ну, почти как у кошки, которая нализалась сливок.

— У меня для тебя есть кое-какой совет.

— Да? — спрашиваю я.

— Хочешь взорвать ему мозги? У меня есть для тебя только два слова, — она отмечает их на своих пальцах. — По. Собачьи.

Мои глаза расширяются.

— Но ведь шпора пойдет прямо... — когда она медленно кивает головой, Кайра в изумлении открывает рот. — Ооу, — выдыхаю я. — Ах ты ж развратная, развратная девчонка, Джорджи.

— Развратная девчонка со счастливой парой, — говорит она.

Не могу с этим поспорить.

Остаток дня просто убегает от меня. Подготовительные мероприятия, которые необходимо выполнить в рамках подготовки, оружие, которое нужно проверить и отремонтировать, прежде чем отправиться в охотничьи угодья, одежда, которую нужно починить, люди, которых хочется обнять, и Мэйлак, которая полна решимости отправить нам всевозможные виды лечебных трав, какая только у нее имеется, — наряду с разъяснением — в случае, если нам что-нибудь понадобится. Охотники, как поясняет мне Джорджи — так как она для меня переводит — привыкли к лишениям, но с учетом, что мы с Рáхошем — одна команда (а я беременена), все ясно и четко хотят убедиться, что мы надлежаще подготовлены.

Прежде чем я опомнилась, заканчивается ужин, и тогда приходит Рáхош, чтобы забрать меня от моих подруг, которые подшивают под мою фигуру новые туники. Совершенно очевидно, что в девичьей пещере происходит активное шитье, и теперь у меня есть две новые туники и две пары штанов, которые подойдут к крепким сапогам с меховой опушкой.

— Пойдем, — говорит Рáхош, осторожно таща меня за собой. — Завтра с утра пораньше мы уходим.

Последний раз обняв всех по кругу, я прощаюсь и теперь ухожу со своей парой. Не то чтобы мы уходили навсегда — на самом деле мы уходим на неделю, прежде чем снова вернемся. Но это перемены, а у нас, людей, в последнее время произошли такие перемены, что я не виню других девушек, что они заливаются слезами от одной мысли о том, что я ухожу.

Хотя я совсем не печалюсь. Не могу дождаться, чтобы посвятить достаточно времени своей паре. Не могу дождаться, чтобы остаться с ним наедине и облизывать всю его кожу до тех пор, пока он не потянет меня за волосы.

Так странно, но очень уж мне по душе дерганье волос.

К сожалению, мои похотливые замыслы срываются в пещере охотников. Мы остаемся здесь этой ночью — и все ночи, когда снова будем возвращаться в племя. Я было подумала, она будет... черт, даже не знаю. Безлюдной? Уединенной? Нечто особенное?

А это — ряд тюфяков в буквальном смысле слова — без единого шанса на личное пространство. Пещера небольшая, и огонь освещает пожитки, так как большинство несвязанных молодых мужчин живут здесь. Ра́хош знакомит меня с ними: Эревен, Таушен, Кэшол и мой дражайший приятель Хэйден, который хмурится при виде меня. Затем мы с Ра́хошем ставим свои мешки и сворачиваемся в последней постели, которая оставлена для нас, так как Золай недавно переселился вместе с Арианой.

Я прекрасно знаю, что это — часть нашего наказания. По сути, мы будем ночевать в людных спальнях помещений, пока ссылка не закончится. И это... отстойно. Потому что дни и ночи напролет я была без моего Ра́хоша, и ничего мне не хочется сильнее, чем заниматься с ним сексом вплоть до следующей недели.

И у нас ни единого шанса на уединение.

Он ложится рядом со мной и натягивает вокруг нас одеяла, затем осторожно обхватывает меня рукой. Моя вошь начинает мурлыкать, и я слышу, как вошь Ра́хоша подхватывает песню и продолжает ее напевать. Один из мужчин фыркает, встает и выходит из пещеры.

Ну, по меньшей мере, один ушел. Остаются еще трое других, не считая нас. Я вздыхаю.

Я лежу на боку, лицом к Ра́хошу, потому что хочу просто смотреть на него, всю ночь напролет. Я пальцами прослеживаю каждый из его шрамов и скольжу руками по его рогам, пока он, наконец, не ловит мою ладонь и целует ее в самой середине.

— Прекрати, или я возьму тебя здесь прямо перед остальными, — бормочет он, и его бедра прижимаются к моим.

Я чувствую его эрекцию, твердую и привлекающую внимание, прижатую к моему телу. И я хочу его.

А гребаная пещера прям кишит чертовыми парнями-охотниками.

Я резонирую сильнее, а моя рука движется к его груди. Я люблю прикасаться к нему. Я уже практически дошла до точки, что мне плевать, возьмет ли он меня на глазах у других или нет. Если только он возьмет меня и возьмет хорошенько.

Но когда один из мужчин вздыхает и переворачивается в своей постели, у меня возникает идея.

— Ооо, Ра́хош, — громко стону я. — Сделай ту штуку со своим хвостом еще разок.

Глаза моей пары расширяются от шока, и мне приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Где-то в сторонке один из мужчин бормочет что-то на инопланетном, ну а потом покидает пещеру, за ним следует еще один. Кроме нас теперь остался лишь один, и готова поспорить, что могу отпугнуть и его.

— Именно так, — выкрикиваю я, пусть даже Ра́хош пялится на меня в крайнем ужасе. — Ну давай, сделай еще так своим бесстыжим хвостиком!

Ра́хош рукой зажимает мне рот, пытаюсь заставить меня заткнуться, но это сработало. Очередной мужчина встает со своей постели, и я смотрю поверх плеча Ра́хоша и вижу, как Хэйден стреляет в меня свирепым взглядом, прежде чем покинуть пещеру.

Зато теперь тут только мы вдвоем.

— С недавних пор у тебя в голове сплошное озорство, — шепчет Ра́хош и притягивает меня к себе, чтобы прикусить мне шею. — Теперь всякий раз, когда они увидят меня, станут спрашивать, что именно я делаю со своим хвостом.

— У тебя достаточно живое воображение, — я поддразниваю его. — Воспользуйся творческим подходом.

— Я не нуждаюсь в воображении, — его голос приобретает заметно рычащий оттенок. — У меня есть руки.

Он толкает меня на спину, тянется к моим штанам и тащит их вниз по бедрам. Я нетерпеливо расшнуровываю тесемки, отчаянно желая, чтобы он был со мной, и мы были обнаженными. В тот момент, когда они спускаются вниз, я стягиваю их с ног и отбрасываю в сторону. Затем следует моя туника, а Ра́хош под шкурами как можно быстрее снимает с себя свою набедренную повязку. Моя вошь напевает со скоростью шторма.

Он кладет руку мне на грудь и своим большим пальцем потирает мой сосок, и я издаю стон.

— Моя Лиз, — он выдыхает. — Моя пара.

И тогда что-то легонько стегает вверх-вниз по моей киске. Я задыхаюсь и смотрю вниз. Его хвост.

— Ты сама велела мне использовать свое воображение, — бормочет он и скользит рукой вниз к моей киске. Его пальцы раскрывают мои лепестки, и его хвост скользит вверх-вниз по моим гладким складочкам. — Это все, что ты хочешь, чтобы я использовал?

— Боже, нет, конечно, — я протягиваю руку вниз и обхватываю ладонью его член, пока он хвостом дразнит мой клитор. — Больше всего я хочу, чтобы ты использовал вот это.

Он стонет и накрывает меня собой, и его тяжелый вес — восторг долгожданных ощущений. К черту прелюдию — хочу его внутри себя быстро, жестко и немедленно.

Когда он раздвигает мои ноги пошире и целует меня, я вспоминаю слова Джорджи о том, как взорвать его мозги. Я кладу руку ему на грудь, чтобы остановить его.

— Эй, детка. У меня идея.

Ра́хош приподнимается обратно и бросает на меня озадаченный взгляд.

— Какая?

— Хочу, чтобы ты трахнул меня сзади.

Он так комично наклоняет голову, что я едва не заливаюсь смехом.

— Но у тебя хвост...

— Никогда не существовал, — напоминаю я и провожу пальцем вокруг его соска. — Люди постоянно так забавляются. Ты можешь меня просто повернуть, толкнуться в меня и...

Только я успеваю произнести эти слова, как его большие руки переворачивают меня задом кверху. Я хихикаю, в то время как встаю на четвереньки. Вижу, что перетащить Ра́хоша на темную сторону будет совсем не сложно.

Он ладонью гладит мою задницу, и нежный вздох удовольствия срывается с моих губ, я закрываю глаза.

— Так приятно.

— Ты такая... голая, — большая ладонь скользит по моим ягодицам, а его пальцы прослеживают вниз по расщелине между ними. — Это...

— Греховно? — предлагаю я, чувствуя себя сейчас довольно грешной.

— Красиво.

Ооо. Я начинаю высказывать ряд комментариев относительно его сладкого выбора слов, но тогда его пальцы плавно скользят между моих ног и проникают сзади внутрь меня. По всему моему телу пробегает дрожь, и я задыхаюсь. Боже, это определенно ощущается — слишком хорошо.

— Ты достаточно влажная, чтобы принять меня? — спрашивает он, и его пальцы движутся внутри меня. Я настолько влажная, что слышу, как его пальцы двигаются, и в ответ

киваю головой. Дрожа от возбуждения, я задыхаюсь, когда он прижимает головку своего члена ко входу в меня, и я наклоняюсь вперед, выжидая с замиранием сердца.

— Пожалуйста, — говорю я ему. — Давай уже.

Такое ощущение, будто я ждала моего возлюбленного целую вечность.

Он погружается внутрь меня, и я начинаю стонать, потому что ощущения просто потрясающие. Дюйм за восхитительным дюймом он двигает своим членом внутри меня, а я извиваюсь и толкаюсь в него, будучи решительно настроенной ускориться. Как только я думаю, что не смогу принять больше от него и чувствую себя растянутой до предела, что-то немного проталкивается в мою задницу, прямо внутрь.

О Боже.

Это, должно быть, его шпора.

И у меня нет слов, чтобы передать, насколько это здорово. Мои пальцы впиваются в кожу, и я снова издаю вопль.

Рахош зажимает мне рот, чтобы заглушить меня, но тогда он поднимется обратно и снова врезается, а я не в силах сдерживать свои вопли. С каждым ударом его члена в меня, шпора надавливает и проникает внутрь моей задницы ровно настолько, чтобы сводить меня с ума от похоти. Не так много времени пришлось ждать моего освобождения, и я кончаю жестко, выкрикивая его имя. Каждая мышца в моем теле намертво сжимается вокруг него, а его пальцы впиваются в мои бедра. Он безостановочно врезается в меня, ну а потом, и он кончает.

Легонько вздохнув, преисполненная счастьем, я тянусь назад и держусь за него, когда Рахош перекатывает наши, все еще соединенные, тела на бок. Он покрывает поцелуями мою шею и плечо, а я толкаюсь бедрами в него, потому что странным образом возбуждаюсь от того, что его член (и шпора) погружены внутри меня. Я устала, у меня подкашиваются колени, и дышать тяжело..., тем не менее, я очень даже готова ко второму раунду.

— Боюсь, ты должна научиться вести себя потише, если уж нам приходится ночевать в этой пещере, моя пара, — говорит мне Рахош. — Твои крики наверняка разбудили все комплекты на другом конце этих пещер.

— Ну и черт с ними, — говорю я, опьяненная сладостью наслаждения. — Если они захотят, чтобы мы были потише, то выделяют для нас собственную пещеру.

Потому что этот способ «по-собачьи»... Ух! «Мозговзрывательно».

— Сначала у нас должна закончиться ссылка, — Рахош прикусывает мое плечо. — Ты уверена, что хочешь этого, Лиз?

С замутненным эндорфинами сознанием, я провожу рукой сквозь его волосы, так как он ласкает мои груди. — По-собачьи? Я только «за». Много и часто.

— Нет. Уйти со мной. Делить со мной мою ссылку.

Что за глупый вопрос.

— Абсолютно уверена. Меня тут ничего не держит, если тебя здесь нет.

— Предстоит тяжелая работа. С увеличением племени, умножилось количество «ртов», которые необходимо прокормить. Мы будем без конца охотиться, пока не станет слишком холодно, чтобы выйти из пещеры.

— Тогда будем непрерывно охотиться, — говорю я ему. — Я люблю охоту.

Он тянется к моему животу и проводит по нему ладонью. Он у меня все еще плоский — и, вероятно, будет еще в течение довольно длительного периода времени, если этот трехлетний срок беременности соответствует правде.

— Тебе было бы легче и удобнее, останься ты здесь.

Я мотаю головой.

— Ты что, не понимаешь, Ра́хош? Ты — моя жизнь. Ты — смысл всей моей жизни.

Когда те инопланетяне похитили нас, оторвав от всего, что мы когда-либо знали, я чувствовала... пустоту. Я не чувствую эту пустоту, когда я с тобой. Я счастлива, — я прикасаюсь к его щеке. — Я полноценна.

— Моя пара, — бормочет он. — Моя Лиз. Мое все.

— Полностью твоя, — говорю я ему. И это — чистейшая правда. До тех пор, пока я с Ра́хошем, пусть хоть весь мир снегом покроется, пусть племя на нас сваливает всю работу, которую только хочет, а спать мы можем и в охотничьих пещерах.

До тех пор, пока я с ним, я счастлива.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Стазис — это состояние полной остановки любых физиологических процессов в организмах живых существ.

ОКОЛО 213 см.

БТВ или Бронированный транспортный вездеход (англ. All Terrain Armored Transport, AT-AT) — известный также как вездеходный бронированный транспорт — боевой шагоход наземных сил Галактической Империи, наряду с такими машинами, как звездный разрушитель типа «Имперский», AT-ST и звездный истребитель ТIE, — один из наиболее известных символов имперской мощи. «Звездные войны». Эпизод V: «Империя наносит ответный удар».

Сердитый Кот (eng.Grumpy Cat) — звезда Интернета. На самом деле, сердитый кот Тард — девятимесячная кошечка по кличке Соус Тардар (Tardar Sauce, он же — татарский соус), или, сокращенно, Тард. Кошка является носительницей каких-то генетических нарушений.

Старбакс (анг. Starbucks Corporation (произносится «Старбакс»)) — американская компания по продаже кофе и одноименная сеть кофеен. Основана в Сиэтле (штат Вашингтон) в 1971 году.

Усатик — подразумевается «кот».

Ктулху (англ. Cthulhu) в Мифах Ктулху — божество, зверь миров, спящий на дне Тихого океана, но, тем не менее, способный воздействовать на разум человека. Впервые упомянут в рассказе Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» (1928).

Та-ли — несуществующее животное

Эвоки (англ. Ewoks) — вымышленная раса существ из фантастической саги «Звездные войны». Впервые предстают перед зрителями в фильме «Звездные войны. Эпизод VI: Возвращение джедая» (1983).

Ферби (англ. Furby) — умная игрушка. Он умеет петь, танцевать и учится разговаривать.

Волокуша — (англ. travois) — У индейцев Равнин [Plains Indians] приспособление для перевозки грузов, в которое впрягают лошадь или собаку [dog волокуша]. Состоит из двух шестов, перекрещивающихся под острым углом, и поперечины. Верхний конец прикрепляется к луке седла, а свободные концы волочатся по земле; вещи складываются в сумку из кожи, которая помещается между шестами.

Рахош не особо понимает смысл слова «прелюдия», поэтому в его фразах автором вложено употребление слова — «foreplaying», которое так не употребляется. Т. е. автор изначально вложил, что он неправильно говорит это слово.

Даниэль Бун (англ. Daniel Boone; 22 октября (2 ноября) 1734 — 26 сентября 1820) — американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев Соединенных Штатов Америки.

На'ви (англ. «Na'vi») — вымышленный язык, разработанный профессиональным лингвистом Полом Фроммером по заказу James Cameron's production, подразделения Lightstorm Entertainment, для фильма Джеймса Кэмерона «Аватар».

«Аватар» — американский научно-фантастический фильм 2009 года сценариста и режиссёра Джеймса Кэмерона с Сэмом Уортингтоном и Зои Салдана в главных ролях.

Мои — (фр. язык) — я, меня.